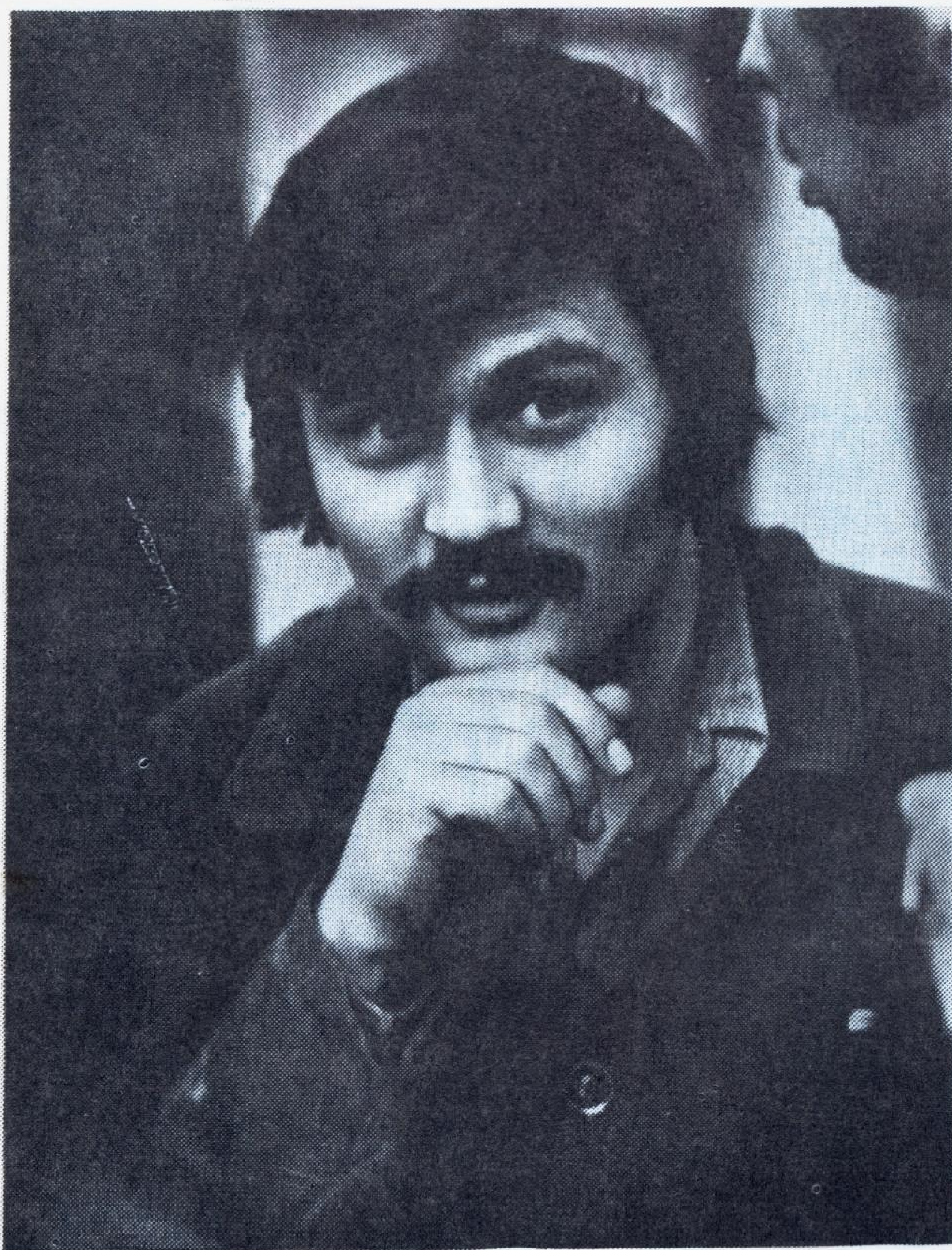
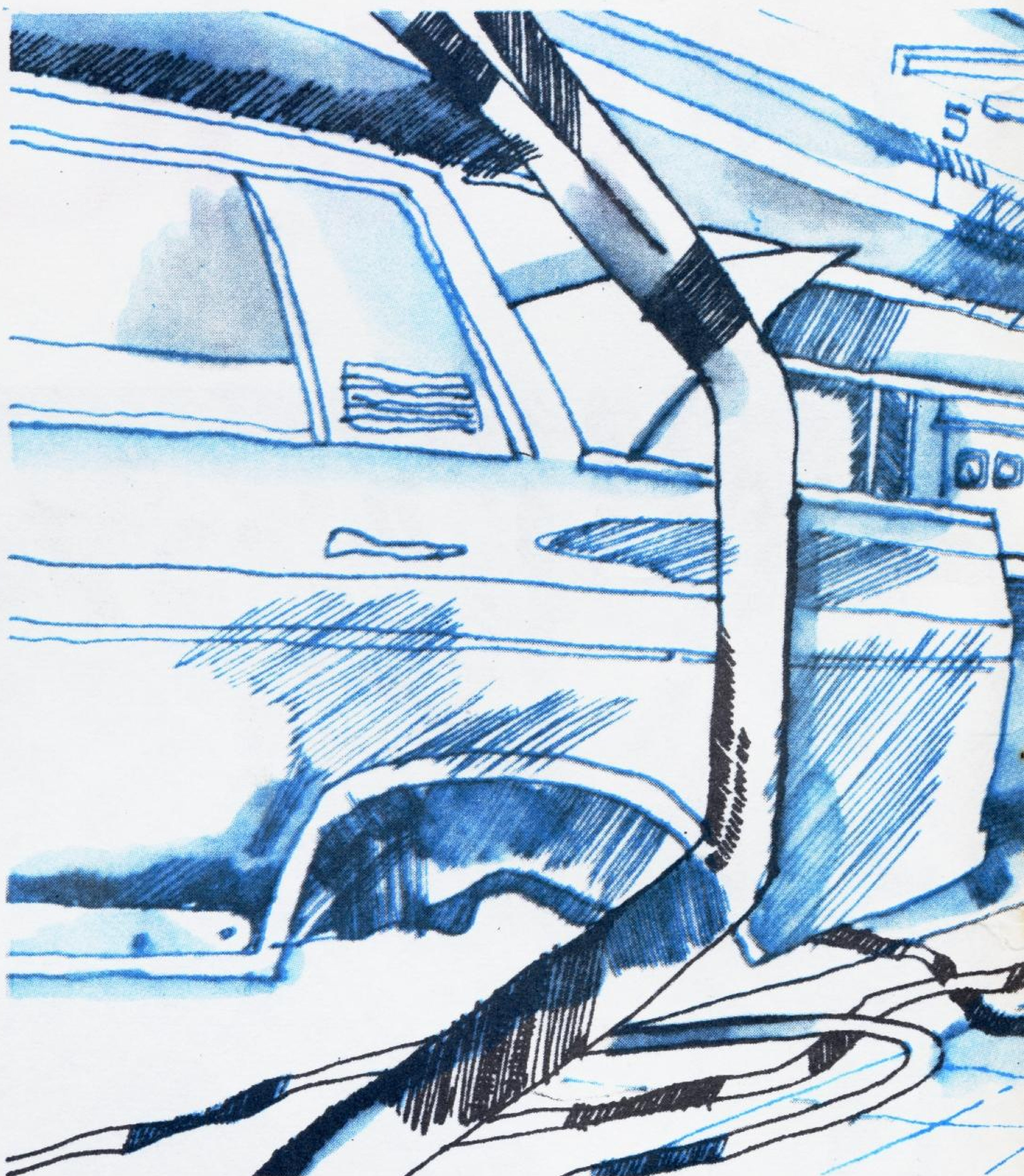

ПИОНЕР

3

1982

НЕПРОСТО

Спросите у московских мальчишек, какие есть в Москве знаменитые заводы. Я уверена, что очень многие назовут АЗЛК — автомобильный завод имени Ленинского комсомола. Почему? Да прежде всего потому, что здесь выпускают автомобили «Москвич» — машины, которые можно встретить на улице любого нашего города и поселка. И по улицам зарубежных городов, мальчишки это знают, ездят «Москвичи». Так что АЗЛК — один из самых прославленных наших заводов. А кроме того, большинство рабочих на АЗЛК — молодежь. Тон здесь задают комсомольцы, они создали многие традиции автозавода, его славу.

Олег Рощин — бригадир комсомольско-молодежной бригады. Его бригада — одна из лучших на заводе, а это непросто — быть лучшими там, где все работают хорошо, побеждать в соревновании, когда многие борются за победу.

Олег пришел на завод в 1969 году сразу после восьмого класса. Был учеником модельщика, сам стал модельщиком. С завода ушел в армию, отслужил и вернулся на АЗЛК. Когда Олега спрашивают, почему он выбрал именно АЗЛК, он спокойно отвечает:

— А я не выбирал, еще мальчишкой это решил.

Олег вырос в Кузьминках. Тогда это считалось окраиной Москвы. А недалеко от Кузьминок, на Волгоградском проспекте, был завод. В то время он назывался Московский завод малолитражных автомобилей. Там работали родители Олега, родители всех мальчишек со двора, соседи. Ребята слышали разговоры взрослых дома, во дворе. Говорили в основном о работе, о заводе. А на улицах Москвы становилось все больше «Москвичей», мальчишки с гордостью отличали их в потоке машин. Именно тогда Олег и подумал впервые: «Вырасту — пойду работать на завод...»

Олег Рощин немногословен. Я не видела его родителей, но от Олега знаю, что они и сейчас работают на АЗЛК. Мне они кажутся такими же молчаливыми, не любящими громких слов людьми, как и он сам. Вполне возможно, что они ни разу в жизни не произнесли слов о любви к своему делу. Но это свое отношение к делу они принесли в семью, и оно оказалось настолько заразительным, что сын выбрал их дорогу.

А в чем заключается работа модельщика? Олег Рощин убежден, что эта работа самая важная на заводе. Его бригада делает из пластмассы модели частей автомобиля — от самых крупных, таких, как дверца, до мелких деталей мотора. По этим образцам изготавливают потом детали для миллионов машин. Пластмассовые образцы, конечно, быстро изнашиваются, а точность в производстве автомобилей нужна большая. Бригаде постоянно надо готовить новые пластмассовые образцы взамен износившихся. Поэтому приходится читать чертежи, разбираться в них иногда

БЫТЬ ЛУЧШИМИ

всей бригадой. Работа бригады Рощина — это первый шаг от чертежа к автомобилю. До них машина существует только на бумаге. А они, пусть по частям, но создают своими руками тот самый «Москвич», который все мы знаем.

Олег не любит говорить о себе. А вот о работе рассказывает с удовольствием.

А еще Олег очень любит рассказывать о своей бригаде. Но когда бригадир рассказывает о бригаде, он все равно говорит о себе, потому что именно от него во многом зависят и успехи бригады, и отношения людей. В бригаде их шестеро. Молодые рабочие примерно одного возраста. Что помогает им быть одной из лучших бригад на заводе? Я думаю то, что они единомышленники.

Все члены бригады хотят не просто хорошо работать — хорошая работа для них норма. Им важно все время искать резервы, думать, как можно работать лучше. И не для того, чтобы всех обогнать. Победа в соревновании не самая главная их задача, им хочется и других заразить желанием работать более творчески, взглянуть на свое дело более требовательно, взыскательно. А это и называется работать по-комсомольски — заботиться не только о результатах труда, но и об отношении к делу, увлекать людей своим примером, вести их за собой. И не случайно предложения, с которыми выступает бригада Рощина, нередко подхватывает весь завод.

Не так давно ребята выступили с инициативой: «Комсомольско-молодежной бригаде — образцовую дисциплину». Разговор идет, понятно, не о том, что надо вовремя приходить на работу. Большой современный завод просто не мог бы работать, если бы люди опаздывали и нарушали дисциплину. Но есть вещи, когда только ты сам можешь себя контролировать. В каком виде твое рабочее место? Сколько раз ты отлучался от станка, выходил покурить? Хорошо ли используешь свое рабочее время? По всем этим показателям тоже можно судить, насколько честно относится человек к своему делу, к своему месту в бригаде, на заводе.

Один парень в бригаде Рощина не только позволял себе опаздывать, задерживаться после перерыва, но и ухитрялся приносить на завод и точить на верстаке какую-то свою личную работу. Несколько раз замечали это ребята. Говорили с ним и члены бригады, и

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Москва 1982 г.
Издательство «Правда»

мастер участка Виктор Иванович Чернов. В конце концов парень вспылил: «Надоел мне ваш контроль!» — и подал заявление об уходе.

— Сказал, что будет заниматься художественной резьбой,— говорит Олег.— Да ведь у него руки-крюки, ничего и там не получится.

Жалеет Олег об этом парне? Пожалуй, нет. Чтобы чувствовать себя «своим» в бригаде, надо быть единомышленником этих ребят. А как раз единомышленником парень не был, да и не хотел становиться им.

Прошлой осенью бригада Рощина выступила с новой инициативой: план полутора лет пятилетки выполнить досрочно — к XIX съезду комсомола.

— Мы посчитали,— сказал Олег,— и решили, что выполним.

Вот где пригодится ребятам образцовая дисциплина.

И еще об одном. Есть при Дворце культуры АЗЛК детский эстрадно-хореографический ансамбль. Он называется «Буратино». В ансамбле 180 детей, совсем маленьких, им пять, шесть, семь лет. Родители их работают в основном на АЗЛК. Бригада Олега Рощина заключила с ансамблем самый настоящий трудовой договор.

— Мы записали в договоре, что бригада может сделать для ансамбля и что ансамбль может сделать для нас,— объяснил Олег.

Представляете, как радовались малыши, когда поняли, что и они могут помочь взрослым людям, рабочим. Дети охотно выступают на заводе. А ребята из бригады Рощина сделали для ансамбля большого пластмассового Буратино. После разговора со мной Олег как раз собирался во Дворец культуры.

— Сделал колечки малышам для жонглирования. Пока всего два, покажу, если подойдут, надо будет сделать сорок штук.

Члены бригады приходят на все важные репетиции, на все концерты «Буратино». В ансамбле проводится соревнование. И в этом «малышовом» соревновании тоже обращают внимание на добросовестное отношение к занятиям, аккуратность и дисциплину. Когда малыши вместе с педагогами отмечают лучших, вместе с ними участвуют в обсуждении и комсомольцы. И это очень важно для малышей — чувствовать, что они как бы приняты в большой коллектив АЗЛК.

Я очень хорошо представляю себе, как через много лет — а пройдут эти годы очень быстро — кто-нибудь из малышей, которые сегодня танцуют и жонглируют в ансамбле «Буратино», придет работать на АЗЛК. И, может быть, ему придется отвечать на вопрос: «Почему ты решил работать именно здесь?» Возможно, что он ответит так же, как сегодня отвечает Олег: «Я не выбирал». Но в том, что этот человек с детства почувствовал себя своим на этом огромном заводе, будет заслуга и Олега Рощина, и всей его бригады.

Наталья ХМЕЛИК

*«Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Игорь СМОТРАЕВ — шестиклассник из Москвы. К дню 8 Марта он написал стихотворение для отрядной стенной газеты.

Праздник

Приближается ваш праздник,
Наступает месяц март.
Мы сегодня поздравляем
Всех девчонок и всех мам.

Также с праздником весенним
Поздравляем женщин мы,
Чтоб сияли от улыбок
Улицы моей страны.

*

Кате ГЕГИЯ 11 лет, она учится в 5-м классе школы № 56 г. Тбилиси. Катя тоже сочинила стихи к женскому дню.

8 Марта

Прекрасный день,
Чудесный день.
Пришло к нам в гости лето,
И солнышку совсем не лень
Взглянуть на чудо это.
И с зайчиками на стене
И на оконной раме
Подарки посылает мне,
А я несу их маме.

*

Лена УЗЯНОВА живет в селе Варгаши Курганской области, учится в 7-м классе.

Друзья

Выглянуло солнышко из-за туч,
Высунуло солнышко теплый луч.
Потекли ручьи по земле.
И опять бегу я к тебе.

Катя ИВАНОВА — семиклассница, учится в московской школе № 728. Читатели «Кораблика», конечно, помнят Катю: одно из ее стихотворений было награждено серебряной медалью ЮНЕСКО.

Не надо войны!

Человек, протяни мне руку!
На земле мы посадим сад,
Позабудем кровавые войны,
Пусть цветут сады для ребят,

Для живущих в жизни новой,
Не в войне, а в тишине.
Пусть не знают боев суровых,
Не теряют родных на войне.

Пусть люди друг к другу будут добрей,
Ведь мы не хотим войны.
Люди, откройте сердца поскорей!
Люди, будьте сильны!

Жду весну

На дворе то дождь, то снег,
То поземка вьется,
То блеснет на небе свет,—
Солнца луч пробьется.

Надоела мне зима,
Все поземка вьется,
Где-то очень далеко
Солнышко смеется.

*

«ОСТОРОЖНО — ДЕТИ!».
Саркис МИЗАНДЖЯН, 13 лет.

«Я занимаюсь в литературном кружке при газете «Ленинские искры». В этом году у меня большая радость: я стала победителем сразу двух городских конкурсов — «Первые шаги в искусство» (радиоконкурс) и «Творчество юных» во Дворце пионеров имени Жданова. Летом я нигде не отдыхала, но зато часто ездила в музеи и парки города и написала много новых стихов». Лена ПЯТКИНА, ученица 7-го класса школы № 277, г. Ленинград.

Утро

Небеса в тельняшке вышли на прогулку,
И кузнечик-боцман просвистел побудку.
Птицы, как матросы, снуют без остановки,
Паруса расправили листья на березке...

Небеса в тельняшке — синие полоски.
И сигналят утру солнечные росы.

Июнь

Захлебнулись от радости жизни лягушки,
Шелк травы под ногами стелется,
С тополей веселой волною кружит
И пуржит озорная метелица.
И бежит синий-синий прозрачный ручей,
И от яркости солнца прижмуриться хочется.
Впереди много теплых и ласковых дней,
И лето не может кончиться!

Сенокос

Сраженный красотой зеленого простора,
Голубизной распахнутого неба,
Наткнулся ветер на мохнатый стог у косогора
И вдруг пропал, как будто не был.

Повремени, июнь, не уходи,
Невиданное пиршество покоса,
Коротенькие ночи и большие дни,
Сырые травы в золотистых росах!

Повремени, июнь, не уходи!
Хочу я бесконечно видеть эту землю,
Луга медвяные, и спорые дожди,
И сенокоса праздник древний.

О. ТИХОМИРОВ

ДОРОГА К ШКОЛЕ

ОЧЕРК

Каждое утро задолго до первого звонка она не спеша идет по дороге к школе — пешеходов на улицах почти нет, никто и ничто не отвлекает. Можно спокойно собраться с мыслями, обдумать предстоящий день или что-то вспомнить. Петрозаводск — родной город Александры Александровны. Здесь прошло детство, здесь она начала учиться — школа была низенькая, в один этаж, деревянная. Здесь же, в Петрозаводске, настал и тот день, когда, переступив порог класса, она сказала: «Здравствуйте, девочки, я буду у вас преподавать литературу и русский язык. Зовут меня Александра Александровна». Тридцать четыре года прошло с того дня.

В одиннадцать лет

Вся жизнь ее связана с детьми.

О детстве говорят — безоблачное, безмятежное. Это когда рядом мама и папа, когда чувствуешь тепло тех, кто тебя окружает, а каждый день приносит радостные открытия: познаешь себя, людей, мир...

У Александры Александровны детство не было безоблачным. И вообще детство для нее закончилось слишком рано.

Ей исполнилось три года, когда утонул отец. Она помнит, что он был добрый и веселый. Отец был рабочий, мастеровой человек — ловко орудовал топором, пилой, долотом.

Мама обстирывала рабочих, которые проводили водопровод в районе Соломинского шоссе, убирала в общежитии. Затем устроилась санитаркой в городскую больницу.

Через несколько лет мама вышла второй раз замуж. У Саши появилась сестренка Галя. Жизнь в семье стала налаживаться. А в январе 1940 года отчим погиб в боях с белофиннами на линии Маннергейма. Саше в ту пору было девять лет. Гале — три года.

Когда получили похоронку, мать лишилась чувств. День просидела она, не двигаясь. Не топила печь, не готовила обед. Глаза у нее были безумные, черные. Она смотрела на детей и не видела их. Захлебнулась горем. Не слышала, как плачет младшая дочка. Саша не выдержала.

— Мам, Галя голодная,— тормошила она мать.— Слышишь, мам.

В застывших глазах матери что-то дрогнуло.

В июне сорок первого на Петрозаводск посыпались немецкие бомбы. Город в основном был деревянный — все горело. Детский сад, куда ходила младшая сестренка Галя, эвакуировали в Вытегру. Галя в это время была больна, уехать не смогла. Пришлось Саше самой (маму не отпускали из больницы, где она работала санитаркой) везти сестренку до Вытегры на барже.

Саша и Галя расположились на верхней палубе возле шкиперской рубки. Днем пеклись на солнце, ночью прижимались одна к другой, старались согреться.

Над озером вдруг появился и с ревом стал закладывать круги вражеский «юнкерс». Он пролетал совсем низко, и пилот, конечно, видел, что на барже гражданские люди. И все же засвистели бомбы. Одна из них попала в буксир. Лопнул трос, баржа оторвалась.

Несколько дней баржу болтало по волнам. У Саши и Гали еда кончилась, а где взять? Все пассажиры были от организаций, от предприятий, им дали паек, места. Сестренки же сели на баржу сами по себе, их не было в списке, по которому выдавали еду. Продуктов не хватало, но Саше все же дали немного печенья. Это хоть как-то их поддерживало.

Потом баржу опять взяли на буксир. Долго тащились через шлюзы. Среди пассажиров началась эпидемия. Галя стала худа, как щепка. Глаза у нее уже не открывались, голова повисла.

Шкипер сказал Саше:

— Отдай мне ее. Я с семьей. Выходим как-нибудь.

Но Саша не могла с ней расстаться. Только крепче прижала к себе.

«Здравствуйте, девочки, я буду у вас преподавать литературу и русский язык. Зовут меня Александра Александровна».

— Ладно,— сказал шкипер,— приходи ко мне за черничным киселем.

Как только Галя выжила? Может, кисель помог? Кисель не лекарство, конечно, но все же и не вода из канала, которую все пили.

На четырнадцатые сутки оказались в Белозерске. До Вытегры не добрались. А куда теперь деваться? Саша разыскала горсовет. В кабинете ее встретил инвалид на одной ноге.

— Кто вы такие?

— Эвакуированные.

— Куда же ты теперь с ней?

Саша рассказала, что здесь же, в Вологодской области, на станции Березовик живут ее дед и бабушка.

— Может, вы слышали про моего дедушку — Лебедева Михаила Трофимовича?

Дед был искусный мастер. Делал комоды, шкафы, столы, стулья. Слава о нем шла добрая.

Инвалид задумался.

— До Березовика отсюда сто километров.— Он взглянул на Галю, которая лежала с закрытыми глазами.— Вот что, в ту сторону идет подвода. Подкинет, но недалеко, всего-то на пятнадцать километров. А там, может, еще кому по пути случится.

Так и добирались они — от деревни до деревни, на попутных телегах, где по десять километров, где и того меньше.

Вот и дом деда.

— Трофимыч, принимай внуков! — закричал возница.

Дедушка вышел, обнял Сашу, а потом посмотрел на младшую, руки его так и упали:

— Мертвую-то зачем привезли?

Галя была почти без дыхания. Она была страшно истощена — кости, обтянутые кожей.

— Да она жива, дедушка,— закричала Саша,— жива!

Через соломинку девочку отпаивали молоком. Ходить она перестала, почти год просидела на печке. Все удивлялись, как Саша смогла довезти сестренку живой. А Саша отвечала коротко:

— Люблю я ее.

Тетради из бересты

С осени Саша пошла в школу в пятый класс. Вставала по петуху: часов в доме не имелось. До Кулишской семилетней школы, куда ходила Саша, было около пяти километров.

Дедушка сшил из старых кусков кожи сапоги. Когда по дороге к школе попадался ручей (всего их было четыре), Саша снимала сапоги и переходила ручей босиком, чтобы не сидеть потом в классе с мокрыми сапогами. Зимой с другими ребятишками бежала в школу на лыжах через лес. На болоте останавливались — искали под снегом клюкву. Весной подрезали кору у берез, пили сок. Это было единственным лакомством. Лебедевы голодали. Если удавалось что-либо раздобыть из еды, прежде всего отдавали малышке. А Саша от недоедания начала отекать, пухли ноги...

С какой теплотой вспоминает Александра Александровна учителей, которых повстречала в школе в ту тяжелую пору!

Преподавательница литературы Нина Александровна каждый день старалась спросить всех хотя

бы понемножку. Она прекрасно понимала, что голодным ребятам, сидящим за тетрадками, сшитыми из бересты, трудно: хочется спать, внимание ослаблено. Если ребят не будоражить расспросами, наступит равнодушие, безразличие ко всему,— а зачем же такой урок?

Саше она доверила ведать школьной библиотекой (размещались книги в одном шкафу). Каждую неделю Нина Александровна проверяла, понятно ли ребятам прочитанное.

Однажды она сказала Саше:

— К концу недели выпишешь из книжки пятьдесят непонятных слов.

— Зачем?

— Я их тебе объясню.

Разведенными из сажи «чернилами» девочка писала на берестяной «тетради»: «жилтоварищество», «бланк», «трехдюймовая», «швейцар»... Книга попалась интересная, хотя и со сложным названием «Гиперболоид инженера Гарина». Саша читала ее при тусклом свете лучины.

Математику вел директор Геннадий Александрович. Был он из ленинградских рабфаковцев, однорукий, брил голову, при разговоре внимательно смотрел в глаза.

Он очень переживал, что ребята недоедают. Както пришел со счастливым лицом, глаза сияют. Оказывается, добился, чтобы на школу отпускали хлеб и капусту. Каждый стал получать по 50 граммов хлеба (из овса с ячневым добавлением) и по половине половника щей. Нужно ли говорить, с каким нетерпением дожидалась Саша такого обеда! Еще бы: дома ели гнилой картофель, терли турнепс, пекли лепешки из перемолотого клевера — они были черные, горькие, рассыпались.

Когда Саша совсем отекла от голода, Геннадий Александрович подозвал ее после уроков:

— Лебедева, я хочу с тобой поговорить об учкомовских делах. Зайди ко мне домой.

Он боялся, что у Саши не хватит сил добрести до Березовика. А его жена как раз достала немного ржаной муки — пекла оладьи.

Саша вошла в дом, и у нее закружилась голова. Как же вкусно там пахло! Ей дали несколько оладушек — Саша их сразу проглотила. Когда ее положили спать, она заплакала, очень хотелось съесть все.

Сколько раз вот так подкармливал Сашу Геннадий Александрович. И не ее одну.

В 1943 году Саша вступила в комсомол. В чьих-то валенках, с узелком, где было несколько лепешек из тертого клевера, шла она за санями в поселок получать комсомольский билет. Рядом шагали еще несколько ребят. Возчик видел, что ребята устали, предлагал немного подвезти, но все гордо отказывались: хотелось самим преодолеть трудности. Когда совсем выбивались из сил, подбадривали друг друга: «Держись! Не просто так идем — за комсомольским билетом».

Учительница

В сорок четвертом Саша вернулась в Петрозаводск. Город был разбит и сожжен. Мама получила в одноэтажном доме комнату без крыши. Но все равно они были счастливы. Быстро отремонтировали (даже маленькая Галя помогала), стали жить.

В десятом классе Саша работала старшей вожатой. А затем окончила одиннадцатый, педагогический класс. Это был так называемый класс «быстрой подготовки» для преподавания в начальной школе.

В сентябре сорок восьмого Саша опять переступила порог родной школы, но теперь уже как преподаватель.

Ей дали третий класс, в котором собрали девочек-переростков (война не позволила им учиться, многие из них оказались на оккупированной врагом земле, некоторые вернулись из концлагерей).

Саша вошла в класс, представилась. На нее смотрели с удивлением: совсем еще юная, две косы. Одна девочка спросила:

— А можно, мы будем звать тебя просто по имени, без отчества?

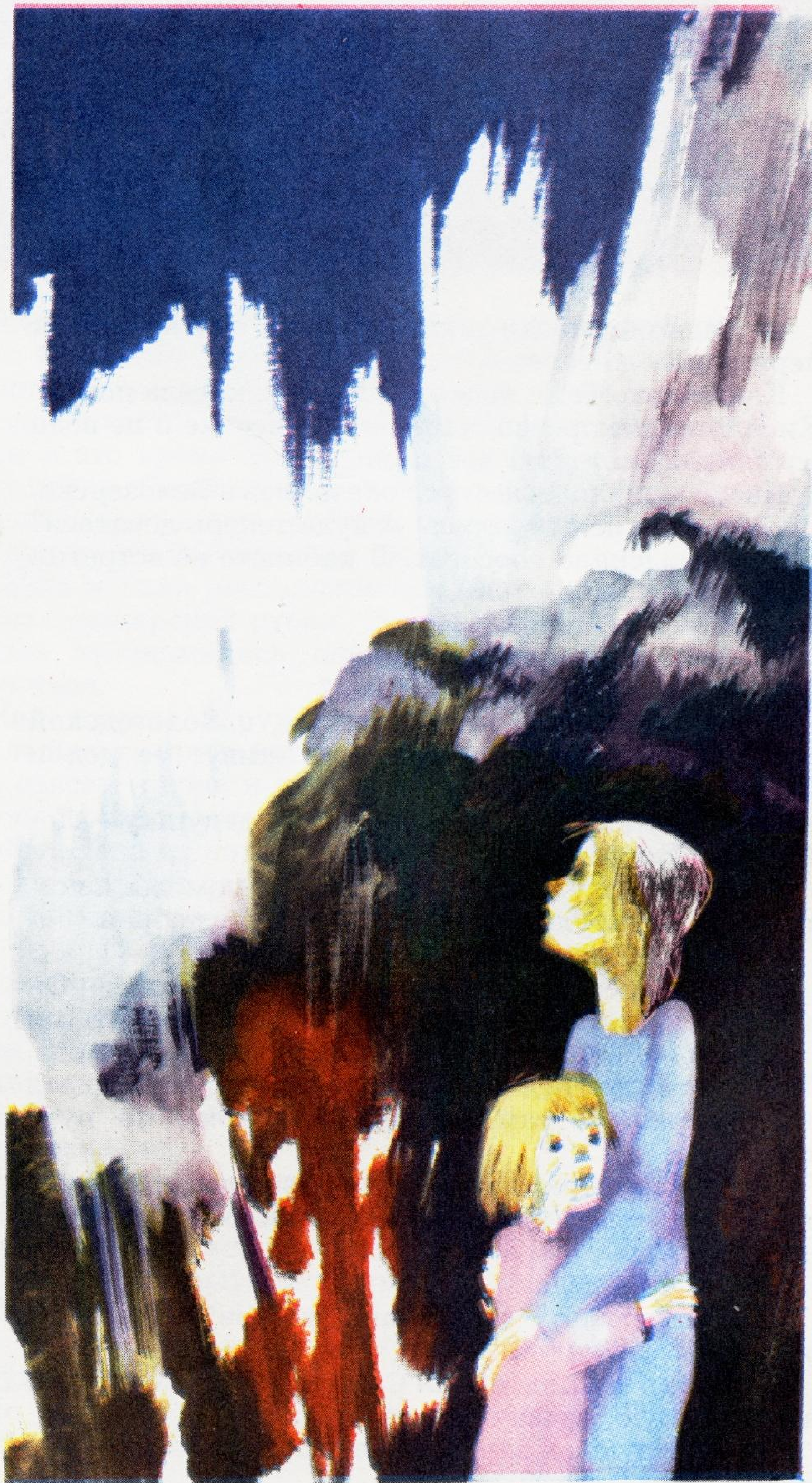
— Нельзя. Я же учительница.— И смущенно улыбнулась.

Так начала свой путь учителя Александра Александровна.

Она вспоминает:

— Трудно мне было с ними вначале. Как диктант, то сплошные двойки и единицы. Но уроки литературы у них я любила. Я им что-нибудь рассказываю, а они переживают. Даже плакали. Была у них удивительная душевная щедрость. Я быстро с ними подружилась.

Александра Александровна не только учила, но и

сама училась. С отличием окончила вечернее отделение пединститута.

С пятьдесят четвертого года не стало раздельного обучения. Мальчики и девочки начали учиться вместе. И сразу же Александре Александровне достался «трудный» шестиклассник. Звали его Шурик Ромашов.

День ото дня он учился все хуже и хуже. Начал пропускать уроки. Перестал ночевать дома. Курил.

Александра Александровна узнала, что мать Ромашова выходит замуж. Учительница поняла, что мальчик болезненно переживал это событие.

— Шурик,— сказала она,— я хочу к тебе прийти.

— Не нужно. Я все равно убегу из дома.

— Ты не беспокойся. Я приду, когда никого не будет.

Войдя к Ромашовым, она сразу же заметила на стене два портрета.

— Это кто? — спросила она у Шурика и показала на первый портрет.

— Папа.

— А это?

Со второго портрета улыбался бравый моряк.

Шурик промолчал.

— Отчим?

— Я с ним жить не стану. У меня был свой папа.

«Наверное, мать уделяет много внимания новому папе,— подумала Александра Александровна.— А сын ревнует».

— Сядь-ка рядышком.— Она положила ему руку на плечо.

Глаза у Шурика стали совсем грустные. Посидели так немного, помолчали. Вместе погрустили.

— Ты подумай,— сказала она ему.— Плохого тут ничего нет. Он, я знаю, заботится о тебе. И хочет, чтоб учился ты лучше.— Она улыбнулась.— А ты даже похож на него. Ну-ка, надень его фуражку.

Потом она пригласила в школу моряка. Познакомилась, посоветовала больше заниматься общими делами семьи. Например, помогать маме.

А затем у нее был разговор с мамой.

— Старайтесь в Шурике увидеть помощника. Пусть вместе с отчимом пилит дрова, носит воду, копает огород. И не бойтесь лишний раз похвалить мальчика.

Вскоре Александра Александровна заметила, что Шурик меняется. Стал спокойнее, увереннее.

Двадцать шесть лет проучительствовала Александра Александровна в той школе. Сколько мальчиков и девочек слушали ее, сдавали ей тетради, отвечали на экзаменах.

Кажется, весь город ее знает. Идет она по улице, только и слышно:

— Здравствуйте, Александра Александровна!

Где бы ни была она, везде видит своих учеников.

Список делегатов на XXVI съезд зачитывал на областной партийной конференции секретарь Лоухского райкома КПСС. Вот он назвал ее фамилию, улыбнулся. Александра Александровна присмотрелась: знакомое вроде лицо. Так и есть — ее ученик Ваня Александров.

Когда провожали делегатов съезда на вокзал, водитель автомобиля оглянулся на секунду:

— Добрый день, Александра Александровна!

Тоже бывший ученик — Гена Качалов.

Лицо школы

Последние семнадцать лет Александра Александровна Серба работает директором. Вначале в своей школе, затем назначили ее в школу № 28.

Дел у Александры Александровны много. Теперь каждый ученик в школе — это ее ученик, а их у нее тысяча триста. И она заботится обо всем, что связано с ними.

У преподавателя не получается контакт с классом — директор тут же приходит на помощь. Появились в городе первые свежие огурцы, Александра Александровна старается, чтобы ребята попробовали их в школьной столовой. Во время ремонта школы привезли краску для коридоров, но темную; директор добивается, чтобы эту краску заменили на более светлую, приятную для глаз.

Понятно, что о любой школе судят по ее успеваемости. И все же мне хочется узнать у Александры Александровны, что она считает главным в жизни своей школы.

— В школе должно быть интересно! И я считаю, что в коллективе всегда есть творческие люди, которые делают нашу работу интересной, радостной. А это очень важно, чтобы и учителя, и ученики получали от своего труда радость.

Александра Александровна по-прежнему и преподает. Она же устраивает и многие школьные праздники. Например, «Праздник родного слова». Ребята на нем знакомятся с творчеством своих товарищей.

Выходит в школе и литературный журнал «Капель». В одном из номеров есть такие слова: «Пусть попытки наших авторов далеки от совершенства, но главное, что ребята думают и мечтают, им интересно жить, интересно познавать жизнь. Пусть эти открытия сделали до нас, и не однажды. Мудрый человек сказал: «Не бойтесь изобрести велосипед, бойтесь ничего не изобрести».

Лучший подарок

О работе XXVI съезда КПСС она рассказывает с волнением. Говорит о чувстве ответственности за то, что делается в стране по решениям съезда, и за то, что еще предстоит сделать.

С улыбкой она вспоминает о том, как ее встретили в школе после съезда.

Рано утром ей домой позвонил один третьеклассник.

— Александра Александровна, пожалуйста, не приходите сегодня в школу раньше всех.

— Почему?

— Мы хотим вас встретить.

Дни стояли морозные. Было минус тридцать градусов. И вдруг, когда она уже почти подошла к школе, навстречу Александре Александровне выбежал ученик без пальто и шапки (не выдержал!). В руках он высоко держал большую картонную красную пятерку.

— Рапортует первая звездочка 2-го «В» класса...— захлебываясь, говорил ученик.— В дни работы съезда мы получили 131 пятерку!

— Скорей беги назад в помещение.

— Правда, правда, Александра Александровна, не верите?

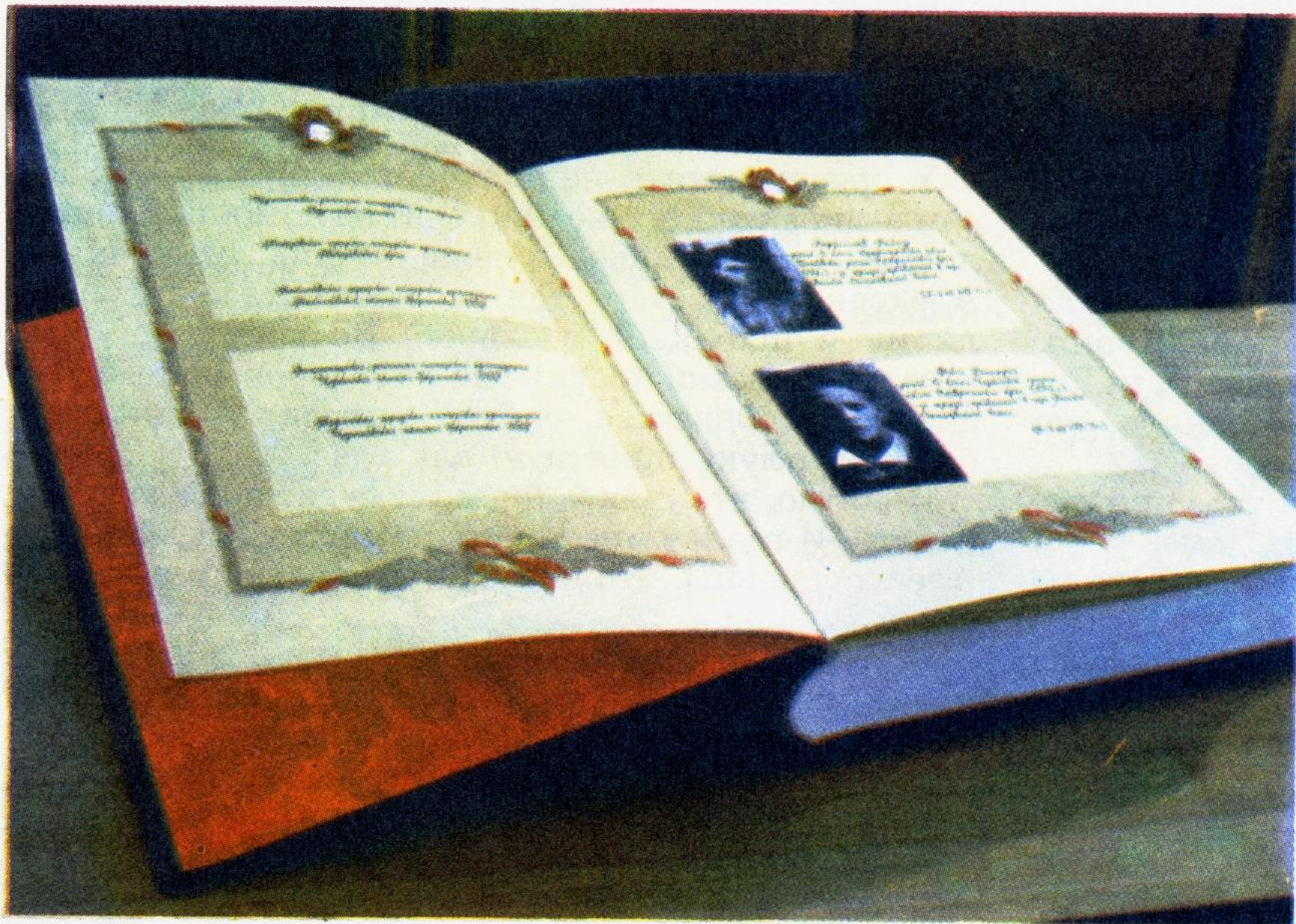
— Верю. Да беги же скорей — простудишься.

Пятерками встретили директора и другие классы школы.

Для Александры Александровны — делегата XXVI съезда — это было лучшим подарком.

...Каждое утро, задолго до первого звонка, она идет в школу. Идет учить ребят.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Есть у Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина Книга почета. Это твоя книга, пионер. На ее страницах имена Павлика Морозова, Коли Мяготина, Зины Портновой, Лени Голикова, Марата Казея... Имена дружин, отрядов, отличившихся в пионерской работе городских, областных организаций.

В декабре 1955 года появилось на страницах Книги почета и имя дружины Троекуровской средней школы, что в Липецкой области. «За помощь народу в его труде» — так было записано в ней. И вот двадцать семь лет спустя, в канун юбилея пионерской организации, корреспондент «Пионера» побывал в Липецкой области. Как обстоят дела в дружине сейчас? Продолжают ли нынешние ребята традиции отличной пионерской работы?

Об этом наш рассказ.

СТРАДА ОСЕННЯЯ, ВЕСЕННЯЯ, ЗИМНЯЯ...

Бежит дорога полями, редкими перелесками, перескакивает через мостки, под которыми вьется извилистая речушка. По обочине осенние разноцветные деревья. «Газик» сворачивает с шоссе и долго пробирается по проселочной дороге.

Приехали! Еловая аллея ведет к голубому дому. Солнечный луч высвечивает надпись над входной дверью: «Троекуровская школа-интернат».

Троекурово — это довольно крупный поселок в Чаплыгинском районе Липецкой области. Две тысячи жителей, молокозавод, нефтебаза, железнодорожная станция. А вокруг деревушки — мал мала меньше. Школы в них не откроешь — учеников не хватает. Вот и съезжаются они в Троекурово — на учебу, живут в школе-интернате одной большой семьей. Домой — по праздникам и на каникулы.

Троекуровская школа старая. Я уже слышала от разных людей о традициях добра, взаимовыручки, трудолюбия, которые живут в этой школе. И вот открываю ее дверь.

Дом оказался пустым.

— В поле вся школа,— объяснил мне директор Василий Захарович Нечитаев.— Осенняя страда. До обеда — на уроках, потом — в поле, собирают картошку. Дома остаются только малыши, да и те не бездельничают, перебирают овощи для столовой, засыпают их в погреб. А у старших задание и вовсе серьезное. Весь картофель совхоза-шефа — ни много ни мало — сто гектаров! — на совести школьников. И совхоз помощникам не нарадуется. Свои — не наезжие. Летом — на прополке, осенью — на уборочной, зимой — на ферме.

Назавтра я все увидела сама. Шла вместе с ребятами по полю, и дальний его край сливался с горизонтом, и спину было не разогнуть. Но семикласснице Лиде Шашковой, моей напарнице, все нипочем: перекликалась с подругами, песню веселую, привезенную из «Артека», запевала, а картофеля между тем больше других успела набрать. А потом мы сели в кружок на картофельную ботву, и, в ожидании машины, пошли разные разговоры.

Я спросила, помнят ли они имена тех ребят, которые когда-то заслужили для их дружины право быть записанной в Книгу почета, встречаются ли с ними? Оказалось, помнит только Василий Захарович, директор школы. Он и тогда, двадцать лет назад, был директором. Что же касается встреч... Они происходят, когда бывшие выпускники Троекуровской школы приводят в нее своих собственных детей.

— А все-таки жаль,— сказала я. И мы все вместе, сидя на картофельной ботве, помечтали о том дне, когда в актовом зале школы, празднично украшенном, соберутся пионеры года пятьдесят пятого и пионеры года восемьдесят второго. И произойдет эта встреча не случайно, а потому, что ее организуют пионеры нынешние. Это они пригласят в школу бывших ее учеников. И уж после такой встречи их имена, конечно, будет знать не один Василий Захарович.

А пока...

— Вот кто помнит пионеров нашей дружины года пятьдесят пятого! — говорят ребята.— Сад!

Серёжин каштан, Танина вишня

Второклассница Таня Жабина да и другие ребята считают, что лучше их школьного сада нет ничего на свете. Все его деревья посажены троекуровскими школьниками разных поколений.

Сказочными выглядят в сумерках мохнатые ели. Пестрыми коврами раскинулись цвет-

ники. Роскошный маньчжурский орех соседствует со стройными лиственницами. Амурский бархат — высокое, стройное дерево — сплетает ветки с огненной рябиной, и ветер шелестит стручками акации.

— Осторожно! — Таня Жабина показывает мне куда-то вниз.— Каштаны.

Вот уж не узнала бы я гордых красавцев в этих крошечных кустиках, огороженных деревянными решетками. Каштанам всего два года... Долго болели капризные гости. Вся школа пропадала подолгу в саду. Поливали ребята, рыхлили почву, загородки ставили вокруг каждого деревца.

— Пойдемте, я вам свое дерево покажу,— говорит Таня.

— Свое? — удивляюсь я.

— У нас в школе каждый имеет свое дерево. Сажает, ухаживает, растит, а когда оканчивает школу, передает первокласснику с наказом: «Ухаживай за моим, да не забудь посадить новое дерево, свое!» Я посадила вишенку.

Они похожи: вишенка и ее хозяйка. Одного роста, ладные, по-детски тоненькие. Танечка гладит ветку вишенки и рассказывает:

— В конце августа увидела я на деревце желтые листья. Побежала к учительнице. Вдруг не так ухаживала? Вдруг дерево погибло? А учительница мне: «Это же просто осень».

Я думаю о другой, только что рассказанной учителями истории.

Два года назад выдалась суровая зима. Часть деревьев в саду вымерзла. Вся школа ходила хмурая. Но что же делать, надо выкорчевывать погибшие деревья, сажать новые. Подрубили ребята корни одной большой яблони, смотрят, а Сережа Сегитов в стороне стоит.

— Ты что? Помоги.

— Не могу. Это же мое дерево. Рука не поднимается его рубить.

Теперь на месте этих яблонь каштаны.

До свидания, до встречи

Уютно в школе. Совсем по-домашнему стоят на подоконнике банки с компотом. Кабинет биологии напоминает осеннюю ярмарку. Белоснежные патиссоны, похожие на диковинные цветы, морковка, огромная желтая тыква, снопы ржи и пшеницы. Учитель биологии Надежда Ивановна Бугрова еще раз окидывает взглядом богатый урожай.

— Это все с нашего участка,— говорит она.— Ребята сами вырастили. Теперь и зимой будет гостить лето в школьной столовой. Колхоз овощей нам почти не привозит. Не надо — все свое. Морковка да капуста вприкуску с воспоминаниями о том, как растили их, куда слаще да вкуснее.

В школьном дворе слышны голоса. Возвращаются с поля ребята. Малыши вертятся вокруг. Сколько накопилось за день новостей, кому же, как не старшим любимым друзьям, их рассказывать?

Усталые работники идут к дому. Ведра и сапоги оставляют у порога. Завтра опять работа.

— Приходите к нам на концерт,— заглядывают в класс пятиклассницы Ира Косьянцева и Оксана Морковина.

— Девчонки, ведь вы устали, отдохните лучше,— пытаюсь отговорить я артисток. Куда там!

«За помощь своему народу» — так записано в Книге почета. Прекрасные слова. И мне кажется, они сказаны не только о ребятах, которые учились здесь в пятьдесят пятом, но в равной мере и о Лиде Шашковой, Сереже Сегитове, пионерах сегодняшних, и о Танечке Жабиной, второкласснице, посадившей в школьном саду свою вишню. Это они чувствуют на себе ответственность за сад, который достался им в наследство, за сто гектаров земли, доверенной совхозом, за дом-школу, в котором живут. За добрую славу дружины.

Следующий день праздничный. К концу занятий приходят в школу родители. Забрать ребятишек домой. Нянечка тетя Аня укутывает в дверях малышей. Дорога дальняя.

Затихает интернат. Вечернее солнышко легло везде алыми бликами. И мир вокруг кажется необыкновенно ласковым, уютным и очень обжитым, родным. Другим он просто не может быть. Ведь через этот дом, сады, поля за околицей прошло не только нынешнее поколение школьников, но и их старшие братья, папы и мамы. Каждый оставил здесь частицу своего труда, частицу душевного тепла, частицу души.

М. ГУСЕВА

Рисунок П. ПРОРОКОВА.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

Журавлёнок и молнии

РОМАН ДЛЯ РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ

Продолжение. Начало в №№ 1, 2.

Рисунки В. ДУДКИНА.

Журка и Горька сидели рядом на постели.

— Игра у нас такая,— сказал Горька.— Два отряда. Ну или как два индейских племени. Наши с этой улицы, а ихние «Тигры» с Туринской... А я Сашке и Вовке Лавенковым пароль не передал... Егор велел, чтобы я к ним сбегал и сказал, какой пароль, потому что они в засаду собирались. А меня отец не пустил...

— Куда? В засаду?

— Да нет, к Лавенковым, чтоб пароль сказать. Не понимаешь, что ли?.. Потом Сашка Граченко и Митька пошли менять Лавенковых в засаде, пароль кричат, а те его не знают. И давай лупить из автоматов. Получилось, что своих перестреляли... Из-за меня...

Журка не очень разобрался, что за пароль, какая засада и кто такие эти Сашки, Митька, Вовка. Но главное понял: Горька по военным законам оказался кем-то вроде изменника и дезертира. Но не по своей вине, а из-за отца.

Журка задумался. Засада — это засада, что-то есть в ней нехорошее. Обманное. Не хотелось начинать знакомство со здешними ребятами с такого обидного для них фокуса.

— Да ты не бойся,— сказал Горька.— Это же игра. У нас по-нормальному играют, без драки. По правилам. Потом на тебя никто злиться не станет.

Журке стало неловко, что Горька отгадал его боязливые мысли.

— Ничего я не боюсь,— буркнул он и подумал, что деваться некуда: Горьку в беде оставлять нельзя. Он пришел искать защиту, невиноватый, оставшийся один против всех, безоружный. Что ж теперь? Сказать: «Иди, куда хочешь»?

— Значит, надо оружие,— негромко, но решительно проговорил Журка.

— Ага! — обрадовался Горька.— У тебя есть что-нибудь подходящее?

Журка прижал к губам палец и кивнул на дверь: тихо, мол, перебудишь всех. Горька испуганно и весело съежился: ой, больше не буду. Журка поманил его в угол, где друг на дружке лежали три чемодана с не разобранным еще имуществом. Верхний чемодан осторожно сняли, а средний Журка открыл. Там, на коробках с «конструктором», среди рассыпанных пластмассовых солдатиков и прочего мелкого барахла лежали пистонные пистолеты и два автомата. Один — из белой пластмассы, с батарейкой и красной лампочкой в стволе. Другой — из черного железа, с пружинной трещоткой.

— Во! В самый раз...— обрадованным шепотом сказал Горька.— Батарейка тянет?

— Новую поставим... Слушай, а когда сделаем засаду? С утра?

— Ну, конечно. Я же тебе толкую, что надо как можно раньше.

— А почему отец не пустил?

— Говорит: «И так целыми днями по улице мотаешься. Скоро школа, а в голове одна дурь. Бери учебник, математику повторяй...»

— Ты бы объяснил ему, что на минутку сбегаешь и придешь.

— Ему объяснишь...— сказал Горька.

Они помолчали.

— Ну и что теперь? — спросил Журка.

Горька засопел, ковырнул на коленке засохшую ссадину, сумрачно объяснил, глядя в угол:

— Я теперь никто. Ни «Синяя молния», ни «Тигры»... Сперва подумал: «Пускай расстреляют, а через два дня снова к нашим запишусь». А теперь не хочу. Потому что несправедливо... Или ты думаешь, они справедливо... вот так, со мной?..— Горька резко мотнул медными волосами и бросил на Журку быстрый, сердитый и немного опасливый взгляд.

— По-моему, нет,— нерешительно сказал Журка.— А ты им объяснял про отца?

— Объяснял сто раз. Говорят: «Все равно...»

— Конечно, несправедливо,— уже твердо сказал Журка.

Горька быстро проговорил:

— Тогда помоги.

— Как?

— Завтра они за мной погонятся, а я заведу их в тупик. Они же не будут бояться, потому что я без оружия, они мой автомат отобрали. Ты там спрячешься за ящиками. Они в тупик заскочат, а ты: та-та-та! И все. Считается, что они убиты, а ты меня спас... А?

— А потом? — осторожно спросил Журка.

— Потом... Наверно, вся игра сначала. Я

потому к тебе и пришел с ночи. Они меня будут у нашего дома выслеживать, а мы отсюда незаметно выберемся, потом я на них наткнусь будто случайно — и начали...

— Думаешь, они тебя с самого рассвета будут караулить? — усмехнулся Журка.— Они тоже спать хотят...

— Нет, не хотят... Они завтра в шесть часов на пустыре собираются, чтобы на штаб «Тигров» напасть. А у нашего крыльца часовых поставят. Я же все правила знаю.

— Тогда вот что...— Журка вытянул из чемодана (не с игрушками, а другого) свой тренировочный костюм.— Бери, завтра наденешь. Не голому же тебе воевать.

— Вот хорошо... Я его лучше сейчас надену, чтобы помягче на полу было. И вон ту курточку подстелю. Можно?

— Ну и придумал,— сказал Журка.— У меня на полу даже кот не спит. Давай ложись рядом. Вон туда к стенке.

— Да ну... Я весь пыльный, перемазанный.

— В одеяло завернешься. Оно у меня как раз такое... боевое. Я с ним в прошлом году в поход ходил, даже у костра подпалил.

— А ты как без одеяла?

— Под простыней.

— Холодно будет.

— Ха,— сказал Журка.— Думаешь, ты один закаленный?

Журка выключил свет, сдвинул в ноги недовольного Федота и лег рядом с Горькой. Тот, завернувшись в одеяло коконом, тихо посапывал у стенки.

— Не проспать бы,— шепотом сказал Журка.

— Не проспим. Я всегда рано подымаюсь,— успокоил Горька. И спросил: — А вдруг бы проспали и вдруг бы твои родители меня здесь увидели?

— Ну и что?

— Рассердились бы?

— А с чего сердиться?.. Удивились бы только: кто такой, как сюда попал? — Журка подумал.— Мама перепугалась бы: как это в окно на веревке! Папа сказал бы, наверно: «Ну, вы даете, фокусники...»

— Значит, он у тебя совсем не злой,— задумчиво сказал Горька.

— А чего ему быть злым...

Отец бывал иногда хмурым, случалось, ворчал на Журку, если тот слишком шумел или прыгал, поддразнивал иногда сына за слишком «тонкий» характер. Поругивал, если случались двойки. Но зато учил работать молотком и отверткой, катал в кабине своей «Колхиды», а при особенно хорошем настроении рассказывал истории о своем детстве. Вообще-то Журкиным воспитанием занималась мама. Водила на выставки и концерты (хотя они бывали в Картинске нечасто), рассказывала про художников, проверяла дневник, ходила на родительские собрания и даже учила Журку, как давать сдачи, если привяжется какой-нибудь хулиган. Нельзя сказать, что Журка был маменькин сынок, но «мамин сын» — это точно...

— И папа, и мама у меня вполне...— сказал Журка.— Лучше мне и не надо.

— У меня мама тоже добрая,— тихо отозвался Горька.— А отец, он... когда какой. Если настроение хорошее: «Айда, Горька, на рыбалку». Если что не так, скорее за ремень... Хорошо, если сгоряча за широкий возьмется, он только щелкает. А если всерьез, то как отстегнет узкий от портупеи... Знаешь, как режет...

Журка не знал.

Он этого никогда не испытывал.

Бывало в раннем дошкольном детстве, что мама хлопнет слегка и отправит в угол. Но чтобы по-настоящему, ремнем, Журка и представить не мог. Он бы, наверно, сошел с ума, если бы с ним сделали такое. Даже если в какой-нибудь книге Журка натыкался на рассказ о таком жутком наказании, он мучился и старался поскорее проскочить эти страницы. И потом всегда пропускал их, если перечитывал книгу. А Горька, ничего, говорит про такое спокойно. С печалью, но вроде бы без смущения.

Конечно, в темноте, ночью, когда рядом человек, с которым завязалась, кажется, первая ниточка дружбы, легче говорить откровенно. Видать, наболело у Горьки на душе, вот он и рассказывает. Но... нет, все равно не по себе от такого разговора. И чтобы изменить его, Журка спросил:

— Твой отец военный?

— Милиционер. Старшина... Он на ПМГ ездит. Машина такая с патрулем: передвижная милицейская группа.

— Бандитов ловит?

— Бывает, что и ловит,— равнодушно отозвался Горька.

— Это же опасно...

— Бывает и опасно,— все тем же голосом сказал Горька.— Один раз ему крепко вделали свинчаткой. Неделю лежал в больнице... Я в те дни был как вольная птица. Мама, если не при отце, меня зря не гоняет...— Он, видимо, спохватился и объяснил: — Рана-то не опасная была, только сотрясение, но не сильное... Ну что, спать будем, ага?

— Будем... Слушай, а как ты с моим дедушкой познакомился?

— Да так, случайно. Сперва зашел к нему с Егором. Егор у него книжки брал почитать, а я просто так... А потом уж один стал приходить. Тоже книжки брал... В шахматы еще играли... Если отец на дежурстве, мама меня отпускала сюда ночевать. Мы с Юрием Григорьевичем иногда до ночи чай пили. Он рассказывал интересно...

— Про что? — слегка ревниво спросил Журка.

— Про всякое... Иногда про тебя. Как вы плотину строили у вас на речке Каменке. И вообще... Он по тебе скучал.

Засада

Проснулся Журка от озноба. Раннее утро было солнечным, но прохладным. Зябкий воздух из открытого окна забирался под простыню. Журка поежился и глянул на будильник. Без двадцати шесть.

Горька у стены свернулся в комочек, намотав на себя одеяло. Из одеяла торчали поцарапанные тощие ноги. Горька шевелил ногами, будто по ним ползали мухи.

Журка осторожно хлопнул по одеялу. Потом еще. Высунулась Горькина голова. Несколько секунд Горька обалдело смотрел на Журку, потом заморгал, заулыбался.

— А говорил: «Рано подымаюсь»,— хмыкнул Журка.— Вот проспали бы...

— Ой... Это потому, что я не дома. А дома я всегда...

Время поджимало. Они торопливо и бесшумно оделись. Повесили за спину автоматы. Журке стало весело и страшновато, будто предстояла не игра, а настоящее большое приключение.

Впрочем, приключения начались даже раньше, чем Журка ожидал. Горька размотал на батарее веревку, встал на подоконник и сказал:

— Смотри, как надо. Берешься вот здесь, где узлы, веревку натягиваешь, потом — раз! — и там.

И в самом деле, он спорхнул с подоконника и через секунду стоял в развилке тополя.

— Раз! — опять повторил он и оказался рядом с Журкой.

Теперь в нем не было ни капли вчерашней робости. Ловкий он был, и синие глаза его смело блестели под прямыми коричнево-медными прядками.

Журка тайком вздохнул. Можно было бы проскользнуть через квартиру и выбраться из дома обычным путем. Но, значит, опять струсил? Он посмотрел наверх. Толстый капроновый шнур уходил куда-то сквозь густые листья. Посмотрел вниз. Дом старый, с высокими этажами, до земли метров десять.

Журка удержал в себе второй вздох и спросил с небрежной деловитостью:

— Веревка-то прочная?

— Все в норме, не бойся...

— Да я и не боюсь.

— Боишься,— спокойно отозвался Горька.— Первый раз все боятся... Ты лучше не с подоконника прыгай, а вон оттуда, с карниза. Удобнее.

Внизу, в полуметре от окна, тянулся широкий кирпичный выступ. На этом выступе сидел неподалеку Федот и бесстрашно щурился на солнце.

«Что я, хуже Федота?» — сердито подумал Журка и через подоконник полез на карниз.

— Постой,— сказал Горька. Нижним свободным концом веревки он плотно обмотал Журку вокруг пояса и затянул узел.— Если вдруг оборвешься, все равно никуда не денешься...

Это сразу успокоило Журку. Хотя не совсем. Когда он выбрался на карниз, коленки мелко подрагивали. Журка ухватился за веревку и натянул ее. Держаться было удобно — большие узлы не давали соскользнуть ладоням.

«Ничего,— сказал себе Журка.— Все равно надо... Раз, два... три!»

Он толкнулся не сильно и не слабо. В руках отдалось струнное натяжение веревки, на секунду тело замерло от сладкого и жутковатого ощущения полета. Засвистела пустота, понесся навстречу тополь...

Журку развернуло в полете, он влетел в развилку боком, подошвы зацепились, тело мотнуло в одну сторону, в другую... У самого носа Журка увидел выступы серой коры, выпустил веревку, ухватился за ствол. Вернее, за отросток толщиной с могучее бревно. И прирос к нему, ощутив бугристую прочность дерева.

— Ну, ты что там? — окликнул из окна Горька.— Давай веревку.

Журка оторвал руки от дерева, торопливо размотал на поясе шнур. Сердце часто стучало, но страх уже уходил, и появилась веселая радость оттого, что не испугался. И оттого, что замирание и восторг полета можно будет повторить еще и еще...

Спускаться тоже было страшновато. Но нетрудно. Трещины и бугры на коре старого тополя помогали держаться. Журка осторожно сполз до другой, нижней развилки у окон второго этажа, потом по наклонному главному стволу спустился на землю. Правда, поцарапался, помял штаны и рубашку, но не сорвался.

Внизу счастливый Журка лихо перекинул со спины на грудь автомат, и в это время рядом с ним прыгнул Горька.

— Бежим!

Они крадучись пересекли площадку перед окнами, пролезли в дыру старого каменного забора и оказались в переулке, выходившем на Парковую улицу. Горька, пригибаясь, побежал вдоль заборов и ворот. Журка за ним. Тоже пригнулся, хотя, кажется, прятаться было не от кого.

Через минуту Горька привел Журку в тупичок. Слева была оштукатуренная стена одноэтажного дома с решетчатыми окошками под самой крышей.

— Как тюрьма,— прошептал Журка. Но Горька объяснил ему, что это не тюрьма, а склад продуктового магазина.

Справа возвышался деревянный забор с колючей проволокой наверху: какой-то частник надежно огородил свой сад. А впереди — тоже стена, только высокая и кирпичная. Журка вспомнил, что у таких стен есть специальное название — брандмауэр. Их строят для защиты от пожара.

У брандмауэра лежали сваленные пустые ящики из реек и фанеры.

Горька на отчаянной скорости влетел в тупик.

— Вон там и прячься,— сказал Горька.— А я пошел... Как услышишь топот, приготовься. Меня пропустишь к себе, а по ним — очередями...

Горькины глаза были решительными, но слова звучали немного нервно. Он хотел еще что-то сказать, но только мотнул волосами. Отдал Журке свой автомат и пошел из тупика. У поворота оглянулся.

— Прячься получше.

— Все будет в порядке,— отозвался Журка, чувствуя тревожный холодок.

Спрятаться оказалось нетрудно, за ящиками Журка нашел удобное местечко — будто нарочно для засады. Но сидеть было неуютно и скучно. Среди запаха отсыревшей фанеры, в зябкой тени этого глухого угла Журка продрог и ругал себя, что не взял курточку. Время ползло еле-еле. Сквозь частые рейки решетчатого ящика Журка поглядывал из укрытия, но видневшийся впереди солнечный переулок был пуст.

От неподвижности заныла спина. Потом не сильной, но надоедливой болью налились длинные царапины на ногах, защипало подбородок.

Он сердито шевельнулся, потер царапины, потрогал на подбородке ссадину... и вдруг подумал: а если все зря?

Если ребят на пустыре не оказалось? Или они сцапали Горьку, едва увидев? Они ведь тоже не дураки. А Горька... Может, не всегда

он такой ловкий. Одно дело — с веревкой прыгать, другое — уйти от погони. И вообще что он за человек? Что о нем Журка знает? Ничего. Вроде бы обыкновенный мальчишка. Правда, иногда что-то мелькает в нем: какая-то смесь хвастовства и боязливости.

А может быть, хитрости?

Может, он просто решил подшутить над Журкой, притащил сюда и оставил. А потом будет рассказывать ребятам, как разыграл новичка!

Да ну, чушь какая... Скорее всего, Горька просто попался...

Нет, не попался!

Нарастающий топот разогнал тишину переулка. Журка дернулся и направил автомат. Горька на отчаянной скорости влетел в тупик, а за ним — пять или шесть мальчишек. Горька пригнулся, бросился к ящикам, скрылся с линии прицела. А противник был — вот он!

И Журка нажал спуск.

Новая батарейка рванула в автомате мотор трещотки. Красная лампочка заметалась в белом пластмассовом стволе. Горька оказался рядом, тоже схватил автомат, дернул рычаг пружинного механизма. Потом вскочил, толкнул от себя ящики. Они посыпались, открыв засаду, Журка тоже вскочил.

Они стояли рядом, и пластмассовые автоматы с ревом и треском бились у них в руках.

Что и говорить, победа была полная. Те, кто гнался, даже не пытались открыть ответный огонь. Они стояли перед ящиками растерянной кучкой и обалдело смотрели на прыгающие автоматные стволы. Потом высокий парнишка в черной морской пилотке сплюнул и что-то сказал.

Журка наконец перестал жать на спусковой крючок. Горька тоже. В наступившей тишине парнишка в пилотке (Журка понял, что это Егор Гладков) повторил с усмешкой:

— Хватит уж трещать-то. Развоевались, будто нас целая дивизия...

— Чья взяла? — жестко спросил Горька.

— Герой. Красиво сделано, — сказал Егор. Но в голосе его не было признания Горькиной победы. Он смотрел насмешливо. Спросил небрежно:

— Значит, союзника нашел?

— А что? — ощетиненно отозвался Горька. — Разве нельзя? Все по правилам.

— Это точно. Правила ты знаешь, — опять усмехнулся Егор. И сказал: — Пошли отсюда. А то еще сторож прибежит, от него не отстреляемся...

Непонятно было, кому он это сказал: только своим или Горьке с Журкой тоже? Но, когда ребята двинулись из тупика, Горька торопливо выбрался из-за ящиков. Журка за ним...

Они все прошли на пустырь, где среди высокой травы и лопухов лежало несколько бетонных блоков. Журка уже знал, что когда-то один здешний жилец задумал строить посреди пустыря капитальный гараж, но ему не разрешили.

Егор приложил к бетону ладонь — сильно ли остыл за ночь? Неторопливо сел. И четверо его друзей тоже сели на треснувший блок. Больше места на блоке не было, и Журка с Горькой остались стоять среди влажной травы. То ли случайно это вышло, то ли не совсем случайно. И хотя были они победители, получилось, что стоят перед своими противниками, будто пленные и в чем-то виноватые.

— Ты внук Юрия Григорьевича? — спросил Егор.

— Да, — хмуро сказал Журка и шевельнул на груди автомат.

— Ясно... А он что? — Егор с насмешкой кивнул на Горьку. — Уже в друзья к тебе записался?

Журка смотрел на Егора, но все равно заметил, почувствовал, как напрягся в беспокойном ожидании Горька. Наверно, испугался, что Журка ответит: «Да нет, мы просто так...» Но было уже не просто так. Потому что был вчерашний вечер, Горькина печальная доверчивость, просьба о защите. А сегодня — надежная веревка, которую он заботливо обмотал вокруг Журки. И еще — как они плечом к плечу, с автоматами навскидку...

И Журка сказал с дерзкой ноткой:

— Да. А что?

Егор лениво улыбнулся. У него было узкое умное лицо и острые глаза: сразу видно, что это командир.

— Ничего... — сказал Егор. — Дело ваше. Только ты смотри, это друг такой...

— Какой? — негромко и напряженно спросил вместо Журки Горька.

— А такой! — звонко и бесстрашно врезался в разговор белобрысый мальчишка в порванной голубой майке (небольшой, класса из третьего). — Как заяц. Тогда всех припутали за то, что костер жгли, а ты заныл: «Я не жег, я потом пришел...»

— Дак я же правда потом!

— Ну, точно. Опять все по правилам, — усмехнулся Егор. И остальные негромко засмеялись.

Их было пятеро. Кроме Егора и пацаненка в порванной майке, еще худой веснушчатый мальчишка с большим насмешливым ртом и два брата — очень похожие друг на друга, русые, круглолицые, спокойные и молчаливые. Веснушчатый (звали его, кажется, Митька) вдруг спросил у Журки:

— А ты хоть знаешь, почему он от нас бегал? Он пакет с паролем не доставил!

— Дома отсиделся! — добавил мальчишка в майке.

— Да знаю я, — решительно сказал Журка. — Пароль — это игра. А если бы он ушел из дома, его бы... ему бы знаете как досталось! Это уж не игра.

— Вот и получается, что струсил, — заметил старший из братьев. — А если бы по правде война? Там еще не такие опасности...

— Ты, Сашка, не путай,— сказал Горька.— Если война, там все по-другому. И отец бы у меня дома не сидел, меня бы не караулил...

Младший брат посмотрел на старшего и сказал не сердито, а будто жалея:

— Все равно ты, Горька, дезертир.

— Сам ты...— глупо и беспомощно огрызнулся Горька.

А Журка, глядя на Егора, проговорил:

— Война была понарошке, просто игра. А вы теперь так, будто он по-настоящему дезертир. Это справедливо?

Веснушчатый Митька хмыкнул:

— Только что приехал, а уже справедливости нас учит...

Журка не растерялся:

— Ну и что же, что приехал? Справедливость везде одинаковая.

— Игры зато разные,— сказал старший из братьев.— Ты с нами еще не играл.

— А я в такую игру и не хочу,— насупленно отозвался Журка.— Что за игра: людей расстреливать...

— Не нравится?— спросил Митька.

— Не нравится.

Егор задумчиво посмотрел на Журку и возразил миролюбиво:

— А что делать? Если играешь, надо стараться, чтобы похоже было на настоящую жизнь. А в жизни тоже не все нравится.

— Нет, в жизни не так,— упрямо сказал Журка и подумал о «черных молниях».— Там, если что-нибудь плохое случится, то уже некуда деваться. А игру можно выбирать, какую хочешь.

Егор вдруг откинулся назад, сладко потянулся и засмеялся. Сказал уже совсем по-другому, вроде бы без насмешки:

— Умные слова полезно слушать. Давайте выберем футбол. Все равно мы уже перестрелянные, воевать не можем. Давайте вызовем «Тигров» на матч века.

— Они нам наклепают,— хмуро возразил Горька.

— Если опять будешь сам водиться, пасовать не захочешь,— вредным голосом проговорил Сашка в голубой майке.

— Ну, хватит вам,— остановил Егор. И деловито спросил у Журки:— Ты в футбол как?

— Я — так себе,— честно сказал Журка.— Редко играл. Даже и не очень люблю.

— Все равно. У нас команда неполная. Сможешь?

— Ну, если надо...

— Эй, вояки, Капрала не видели?

Это крикнул от края пустыря какой-то парень с велосипедом. Все разом оглянулись. Егор медленно сказал:

— Нам его видеть — какая радость?

— А какая печаль?— насмешливо откликнулся парень.

— Ни то ни другое,— ровно объяснил Егор.

— Зря-то не скреби...— сказал парень. И уехал.

— Их величество Капрал еще, небось, дрыхнут,— проговорил Митька.— Они поздно ложатся, дел много...

Егор пренебрежительно зевнул, встретился с Журкиным вопросительным взглядом и разъяснил нехотя:

— Это из другой компании...

— Из «Тигров»?

— Нет... «Тигры» — это наши же ребята, мы с ними играем. А у Капрала игры свои... Доиграется когда-нибудь.

Договорились, что встретятся после обеда и тогда все уточнят насчет футбола. А пока разбежались — кто завтракать, кто досыпать. Было около семи часов.

Горька пошел проводить Журку до крыльца.

— Ой-ей...— вдруг сказал Журка.

— Что?— испугался Горька.

— Я позвоню, а меня спросят: «Как ты оказался на улице?» Дверь-то на замке.

— Ой... да...— Горька озадаченно остановился.— А если сказать про веревку? Влетит?

— При чем тут «влетит»... Сначала у мамы будет инфаркт.

— А может, они еще спят? И мама, и отец...

— Ну и что? Думаешь, ничего не поймут спросонок, когда позвоню?

— А зачем звонить? Можно же и обратно через окно. Тогда ничего не заметят.

Журка заколебался:

— Не забраться мне без тренировки. Это же не вниз...

— Ты что, по деревьям не лазил?

— Почти,— признался Журка.— Один раз только, да и то невысоко.

— Ну ничего, я помогу.

К своему удивлению, Журка стал подниматься без большого труда. Только страшновато было. А Горька, будто заведенный, двигался сзади и приговаривал:

— Давай-давай, ничего... Уже скоро.

Иногда подталкивал Журку ладонями в пятки.

Наконец Журка лег животом в развилку, отдышался, успокоил беспорядочную стукотню сердца и, обдирая коленки, поднялся на ноги. Тут же втиснулся рядом Горька.

После подъема перелет в комнату казался совсем не страшным. Журка взялся за веревку с узлами, натянул.

— Может, обвяжешься?— осторожно спросил Горька.

— Да ну, чепуха...

Федот по-прежнему сидел на карнизе и неодобрительно поглядывал на мальчишек. Журка показал ему язык и оттолкнулся от тополя.

Опять охватила Журку страшноватая радость полета, окно стремительно придвинулось, подоконник мелькнул под ногами и ушел назад, и Журка увидел раскрывшуюся дверь и громадные глаза перепуганной мамы.

Он выпустил веревку и брякнулся на пол посреди комнаты. Крепко брякнулся. Поси-

дел, поднял на маму нерешительные глаза и сказал:

— Доброе утро...

После завтрака неожиданно пришел Горька. На этот раз через дверь. Принес Журкин костюм и автомат. На Горьке была новая пестрая рубашка и потрепанные внизу, но отглаженные брюки. Очевидно, он подготовился к «официальному визиту».

Мама сдержанно поздоровалась с Горькой и спросила:

— Значит, это твоя идея устроить воздушные полеты на уровне третьего этажа?

Горька не смутился. Мельком глянув на виноватого Журку, он поведал, что идея общая: его и Юрия Григорьевича, а веревку он, Горька, примотал к суку толщиной в пушку, сделал там пять витков и затянул тремя морскими узлами. Скорее сам тополь сломается пополам, чем треснет сук, развяжется узел или порвется капроновая альпинистская веревка. Журка робко добавил, что для полной безопасности можно сделать еще страховочный пояс, как у верхолазов. Горька громко одобрил эту мысль и пообещал, что не только Журка, но и он сам этим поясом будет пользоваться с охотой и радостью.

Мама хотела что-то возразить, но тут ее окликнул из комнаты папа, и она ушла.

— На улицу выйдешь? Мячик попинаем для тренировки,— предложил Горька.

— Потом. Сначала мне надо... к одному человеку. Я обещал.

— А что за человек?

— Ну... девочка одна. Знакомая.

Горька смотрел спокойно. Даже самой капельки насмешки не было в его глазах. Было только сожаление, что Журка не может идти с ним пинать мячик.

— А хочешь, пойдем со мной,— вдруг сказал Журка.

В самом деле, почему бы не пойти к Иринке вдвоем? А потом можно вместе в парк или еще куда-нибудь.

— Пойдем,— сразу согласился Горька.— Отец до обеда на работе, я пока вольный.

И они пошли. Но у Иринкиного дома Горька вдруг придержал шаги. Сказал настороженно:

— Здесь одна девчонка из нашего класса живет. Ирка Брандукова. Неохота мне ее видеть.

Журка растерянно остановился.

— Я не знал, что она из вашего...

— А ты что? К ней идешь? — удивился Горька.

Журка виновато кивнул. И сразу рассердился и на Горьку, и на себя:

— А что такого? Разве нельзя?

— Когда это ты успел познакомиться?

— Успел...

— Ну, иди,— примирительно сказал Горька.— А я лучше к ребятам...

— Вы с ней поссорились, что ли? — неловко спросил Журка.

— Да не...— беспечно отозвался Горька.— Просто... Чего мне с ней встречаться? И так надоели друг другу, четыре года на соседних партах сидим... А ты иди.

— Я обещал...

— Ну и давай. А я потом к тебе забегу. Можно?

— Конечно, приходи обязательно,— с облегчением сказал Журка. Сперва ему казалось, что Горька обижается, а сейчас он увидел, что нет.

Иринка встретила Журку, будто ждала у самого порога. Не приглашая в комнату, быстро сказала:

— Поехали в краеведческий музей! Там недавно планетарий открыли...

— Поехали.

На лестнице Иринка оглянулась на закрывшуюся дверь, нерешительно посмотрела на Журку и с тихой досадой проговорила:

— Мама с папой там... выясняют, кто прав, кто виноват. Из-за вчерашнего...

— А что вчера? — с тревогой спросил Журка.— Потому что я приходил?

— Да при чем здесь ты? — удивилась Иринка.— Он вчера заказы сдал, а потом с друзьями... ну, в общем, выпили. А сейчас его опять позвали...

Журка кивнул: понимаю, мол.

Запинаясь от неловкости, Иринка сказала:

— Ты не подумай, что он какой-то пьяница. Ну... вышло так. Ты никому не рассказывай, ладно?.. Я тебе одному... Чтоб не обижался, что домой не позвала....

— Я понимаю,— сказал Журка. И подумал, что нигде на свете нет полного счастья и спокойствия.

Не игра...

У Горьки не было ясной причины, чтобы не ходить к Ирке Брандуковой. То, что они «надоели друг другу», он придумал. Не могли они надоесть, потому что друг на друга почти не обращали внимания. Вернее, Брандукова не обращала. Горька-то иногда на нее поглядывал с интересом. Ему нравилось, как Ирка улыбается своим щербатым ртом и как грызет головку авторучки, если решает сложную задачку. Но это был минутный, легкий интерес, и Горька очень быстро забывал думать о Брандуковой, занятый своими заботами и тревогами.

Сейчас он не пошел с Журкой из-за смутного опасения, что будет лишним. Вдруг Ирка глянет насмешливо и тоже спросит у Журки: «Он что, уже в друзья к тебе записался?» К тому же у нее и у Журки свои дела, они о чем-то договорились. А он, Горька, зачем? Журка ни в коем случае не должен думать, будто Горька назойливый. Он вообще не должен думать про Горьку ничего плохого...

Однако если бы Горька знал про то, что с

ним случится через полчаса, он пошел бы куда угодно: к Брандуковой, на край света, к черту на рога.

А случилось вот что.

Недалеко от дома, на углу Парковой и переулка с магазинчиком, Горьку неожиданно окликнули:

— Эй, Горислав...

Это был тот парень с велосипедом, что утром искал Капрала. Звали его Студент. На самом деле он был не студент, а, кажется, девятиклассник. Просто отец у него работал профессором в институте, а сынок однажды сказал в ребячьей компании: «Мне пятерочный аттестат ни к чему, дорога и так открыта. Можно считать, что я уже студент». С тех пор кличка прилипла к парню намертво...

Рядом со Студентом стоял Череп — сумрачное неуклюжее существо, ученик восьмого класса той же школы, где учился Горька. У Черепа была яйцеобразная, покрытая мелким пухом голова и длинные ноги в тяжелых ботинках (он всегда волочил эти ботинки, как гири).

Горька остановился. Оклик прозвучал мирно, и драпать, видимо, не стоило. Хотя бы для того, чтобы зря не раздражать Студента и его друзей. Да и не убежать. Череп, конечно, запутается в ботинках, но Студент на велике догонит в два счета...

— Чего? — стараясь быть независимым, сказал Горька.

Студент и Череп медленно подошли.

— Дело есть,— сообщил Студент — Предложение одно... Пойдем поговорим.

— Мне домой надо,— попробовал отвертеться Горька. Но Студент ласково и крепко взял его за плечо.

— Да пойдем, не бойся.

Он повел заробевшего Горьку в гараж, который стоял в глубине большого двора. Когда-то в гараже находились «Жигули», но потом папаша сел в тюрьму и машину пришлось продать. А гараж куда денешь? Если бы железный — другое дело, а кирпичный с места не сдвинешь. И теперь в гараже собиралась компания Капрала.

Занимались они там вроде бы обыкновенным делом: ремонтировали старый мотоцикл. Но все ребята знали, что это дело у них — не главное.

Сейчас в гараже сидели на верстаке сам Капрал и вертлявый семиклассник Шкалик.

— Во,— сказал Студент и подтолкнул Горьку вперед.— Нашел. Это геройский парень, сделает все о'кей.

Горька тоскливо подумал, что лучше все-таки драпануть. Но в дверях стоял Череп и смотрел на него с ленивой скукой.

Капрал вдруг соскочил с верстака и резко сказал:

— Череп, сгинь из дверей! Я вас, идиотов, просил добровольца привести, а вы его, будто заложника, притащили! Если не хочет, пусть уходит...

На крыльце стояла грузная тетка и смотрела на Горьку пронзительными глазами.

Потом он глянул на Горьку бархатными своими глазами и спросил с участием:

— Они что, силой тебя тянули?

— Не...— пробормотал Горька.— Я сам.

— А! Ну, другое дело... Тогда вот что. Помоги нам по-человечески.

— А чего...— нерешительно откликнулся Горька.

У Капрала затуманилось красивое лицо, он виновато улыбнулся:

— Да дело-то обыкновенное... Честно говоря, перебрали мы вчера на дне рождения у одного корешка. Тебе этого не понять, да и слава богу. Не надо... Только поверь мне, грешному: голова трещит, будто в ней рота барабанщиков, и муторно так, словно мыла наелся. Вон и Студент слегка бледный...

Он говорил тихо, доверительно и смотрел на Горьку с надеждой, словно тот и в самом деле мог помочь.

Горька ощутил симпатию и жалость к страдающему Капралу. И легкую гордость оттого, что знаменитый Капрал не грозит, не требует, а так по-доброму просит о помощи.

Но о какой? На бутылку ему, что ли, надо?

Горька добросовестно вывернул карманы, вытряхнул крошки и несколько медяков.

— Вот, все...— Он честно взглянул в печальные глаза Капрала.

Капрал вздохнул и качнул головой:

— Да нет, не то. Все на деньги не измерить... особенно, когда их нет... Понимаешь, тут надо немного смелости. Конечно, не как в партизанском отряде, но все-таки... Найдется у тебя?

В Горьке опять задрожала тоскливо-тревожная струнка. Он пожал плечами.

— Найдется,— уверенно сказал Капрал.— Да и задача-то пустяк. У магазина сейчас будут разгружать ящики с коньяком «Белый аист». Никто за ними толком не смотрит, грузчики мотаются туда-сюда. Протопаешь мимо ящиков, дернешь одну бутылку, сунешь вот в эту сумку, обойдешь кругом квартал — и сюда. Нас там всякая собака знает, а на тебя и не взглянут. Сделаешь?

— Нет...— сказал Горька, осипнув от страха. И неловко затоптался на месте.

Капрал без улыбки смотрел, как он топчется. Потом сказал со вздохом:

— Ну, нет, так нет. А может, решишься?

— Нет. Пустите меня,— опять пробормотал Горька, пряча глаза.

— А кто тебя держит? Иди,— проговорил Капрал.— Только условимся по-джентльменски: про наш разговор никому. Понял?

— Понял,— торопливо согласился Горька и оглянулся на дверь. Выход был свободен. Горька обрадовался... и не пошел. Виновато посмотрел на Капрала, будто в чем-то обманул хорошего человека.

Капрал сказал ему ласково:

— Ты ведь не боишься. Ты это с непривычки. Думаешь, наверно, что нехорошо, мол... А какая разница, кто эту бутылку выпьет? Мы для поправки здоровья или какие-нибудь алкаши, которые работу прогуливают? Или думаешь, государство обеднеет на десятку?

Горька не думал про государство, он думал про себя.

— Если поймают...

Капрал засмеялся:

— Да кто тебя поймает? Если даже увидят, разве догонят? Да и не увидят...

— Ну, а поймают, так что такого? — с писклявой усмешкой вмешался Шкалик.— Ты скажи, что коньяк хотел вылить, а бутылку сдать, чтобы двенадцать копеек получить.

— Точно,— согласился Капрал.— Посмеются да отпустят. Ну, может, пинка дадут... Да чушь это, никто не увидит. Зато от нас будет тебе вечная благодарность и защита от недругов. А?

Потом, вспоминая все, что было, Горька так и не мог понять, почему он согласился. Боялся Капрала и его дружков? Пожалуй, нет. Мстить они не стали бы, слишком мелкая он для них личность. Да и связываться с сыном милиционера — себе дороже. Пожалел Капрала? Может быть, самую чуточку. Но не настолько, чтобы идти из-за него на риск. Обрадовали слова о благодарности и защите? Пожалуй, обрадовали, но все же не в этом дело. Хотел доказать, что не трус? Кому? Себе? Про себя он и так все знал. Капралу и его компании? А зачем? Все равно они жулики...

И все же пошел. Будто его заколдовали. Вместо того, чтобы кинуть в траву сумку и рвануть домой, он деревянными шагами двинулся в переулок.

От крыльца магазинчика отъехал крытый грузовик, у входа осталось несколько ящиков, в которых блестели стеклянные горлышки. Два дюжих дядьки подхватили пару ящиков, крякнули и потащили в магазин. Прохожих не было. Оглушительно звенел в ушах августовский полдень. Горька с застрявшим в горле страхом боком подошел к ящику и липкими пальцами вытянул узкую бутылку. Шагнул в сторону. Брючина зацепилась за полуоторванную жестяную полоску на ящике. Полоска задребезжала. Ее звон показался Горьке громом небесным.

Горька замер, будто надетый на громадную стальную спицу. И сквозь грохот и звон услышал:

— Ах ты, жулик проклятый!

На крыльце стояла грузная тетка и смотрела на Горьку пронзительными глазами.

Пробитый ужасом, как ударом тока, Горька дернулся и остался на месте. Бутылку он держал перед собой, не решаясь ее ни уронить, ни поставить обратно.

— Ах ты, сопляк! А ну иди сюда! — сказала тетка, будто не сомневаясь ни капельки, что Горька и в самом деле пойдет.

И он пошел. Как под гипнозом. На ослабевших ногах. По-прежнему держа бутылку в согнутой руке на уровне груди.

Тетка дождалась его, взяла за шиворот и крепко огрела сумкой, в которой лежали тугие кульки.

...Он оказался в комнатушке с письменным столом, за которым сидела молодая крашеная женщина в белом халате. Она сразу стала кричать на Горьку. Тетка, которая привела его, тоже кричала и один раз хлопнула по шее. Грузчики стояли в углу и добродушно гоготали. Потом в комнату втолкнули Шкалика. Он дернул плечом и презрительно скривил губы.

Сквозь отчаяние и страх Горька все же сообразил, что Шкалик, видимо, следил за ним, был неподалеку. Значит, его тоже заподозрили и поймали. Украдкой Шкалик показал Горьке кулак. Наверно, хотел напомнить, чтобы Горька молчал про Капрала.

Горька пытался захныкать, что больше не будет, и бормотал что-то про двенадцать копеек, но его не слушали. Женщина в халате куда-то позвонила. Через какое-то время (заполненное для Горьки безнадежным ужасом) приехал милицейский фургончик...

Потом была серая комната, где пахло клеем и едкой известкой. В окне за решеткой в виде солнечных лучей светился и звенел такой радостный и свободный мир, теперь недоступный для Горьки. За столом Горька увидел пожилую женщину в форме лейтенанта милиции. У нее было усталое и скучное лицо.

Женщина открыла серую папку, посмотрела на Горьку и Шкалика почти ласково, встряхнулась и бодро спросила:

— Ну что? Будем отпираться или сразу все скажем честненько? Как у нас насчет совести?

Шкалик закатил истерику. Он зарыдал, затопал ногами и взахлеб закричал, что стало уже невозможно выйти на улицу. Что такого он сделал? Шел мимо магазина, а его хватают как вора! Есть в Советской стране такие законы, чтобы ни с того ни с сего хватать? Да что же это такое?! В чем он виноват?! Взрослого бы, небось, не схватили! Взрослый знает, что делать: он и к прокурору пойдет, и в суд, и в газету напишет! А с маленьким все можно, да?

Была в слезах и ярости Шкалика такая неподдельная правота, что лейтенантша растерялась. К тому же Шкалик упал на деревянный диванчик и крепко стукнулся лбом о подлокотник. Прибежала девушка-сержант, Шкалику дали воды, велели успокоиться и отпустили. Уходя, он напомнил Горьке залитым слезами взглядом: «Не болтай».

Горька, всхлипывая, покорно рассказал историю, как хотел сдать бутылку, чтобы получить деньги на кино.

— Так-так,— покачивая какой-то домашней, не милицейской прической, сказала лейтенантша.— С этого все и начинают. Жаль мне тебя, но родителей придется для беседы пригласить. И, возможно, оштрафовать. Где ты живешь?

Горька знал, что изворачиваться бессмысленно. Морщась от слез, назвал адрес, потом — как зовут маму и папу.

— Место работы родителей?

Услыхав о работе отца, лейтенантша отложила ручку. Что-то изменилось в ее лице.

— Как? Значит, тот самый Геннадий Сергеевич Валохин, старшина? Ну и ну... Ладно, иди домой, Горислав Валохин, а папе я позвоню. Надеюсь, папа займется твоим воспитанием...

Горька знал, что «папа займется»...

Страх у Горьки сначала поубавился, когда он оказался на улице. Все-таки кругом был простор и была свобода. Но Горька понимал, что свобода эта обманчивая. Куда он денется? Бежать? Все равно сыщут, доставят обратно через детприемник. Еще хуже будет.

От досады и отчаяния Горька закинул в траву сумку Капрала. Он знал, что на этот раз отец не будет горячиться: тут не двойка в дневнике и не ведро с мусором, которое Горька забыл вынести... Станет тихо-тихо, мама уйдет на кухню, прижав к лицу руки, и в этой тишине отец спокойно скажет: «Ну-ка иди сюда... Значит, воровать начал? Хочешь, чтобы отца прогнали с работы? Не выйдет, лучше я тебя сам...» Потом начнут слабо звякать колечки портупеи...

Горька тихо заплакал на ходу и так, с опущенной головой, наткнулся на Егора Гладкова.

— Ты чего? — спросил Егор с усмешкой, но и с тревогой.

Егор, конечно, не был другом. Он относился к Горьке «не очень». Кажется, даже слегка презирал. Но он был справедливый. И он был все-таки свой. Горька, ничего не скрывая, рассказал свою печальную историю.

Егор плюнул, хмыкнул и несколько раз назвал Горьку дураком и дубиной. Горька покорно молчал.

Егор привел Горьку на пустырь, где на блоках сидела вся компания, и сердито пересказал ребятам Горькины приключения.

Горька, сидя с головою ниже плеч, молча выслушал все насмешки и высказывания о его безмозглости.

— Ох и врежет ему папаша,— задумчиво проговорил Митька Бурин и поерзал, будто врезать собирались ему самому.

— Ну и правильно,— сказал беспощадный Сашка Граченко.

— Правильно или неправильно, а что делать...— заметил Егор.— Сам напросился.

Подошел Журка, увидел зареванного Горьку и серьезные лица. Спросил, конечно, что случилось. Журке сумрачно и подробно рассказали. Журка недоуменно и, кажется, с испугом взглянул на Горьку. Они на миг встретились глазами, и Горька еще ниже опустил голову: надеяться на дружбу с внуком Юрия Григорьевича теперь не приходилось...

Сашка Лавенков сказал:

— А Капрал ох и скотина. Не мог сам-то пойти, дурака со стороны позвал.

— Шкалик тоже шкура,— заметил его брат Вовка.— Унес ноги и рад.

— Так он же и правда ничего не делал,— усмехнулся Митька.— Когда они мопед от школы угнали, он тоже... Помните?

Все, кроме Журки, кивнули: помнили. И Горька помнил. Но что ему какой-то мопед, что ему Шкалик? С ним-то, с Горькой, что будет?

— Анальгину купи в аптеке,— вдруг посоветовал Митька Бурин. То ли шутя, то ли по правде.— Таблетку слопаешь, боль задерживает. У меня когда сломанная нога болела, я так спасался.

Горька поднял глаза.

— Правда?

Митька пожал плечами: не хочешь — не верь. А Горька опять столкнулся взглядом с Журкой, и тот опять быстро опустил глаза. А позади Журки Горька увидел отца. Еще далеко. Он медленно шел к ребятам через пустырь.

Горька начал съеживаться. Все сильнее и сильнее — как проколотый воздушный шарик. Старшина Валохин подошел и негромко сказал согнутой Горькиной спине:

— Пошел домой...

Горька поднялся. Все захолонуло в нем. И мелкими шажками, не оглянувшись на ребят, он двинулся за отцом... И услышал тонкий вскрик:

— Подождите!.. Постойте! Товарищ старшина!

Отец оглянулся. Горька тоже оглянулся.

Журка подлетел — в сбившейся рубашке, с растрепанными волосами, с распахнутыми глазами. И были в этих глазах отчаяние и решительность.

— Товарищ старшина!.. Но вы же не знаете... Вот вы его... А он же не виноват. Его Капрал заставил! И этот... Шкалик! Правда...

Журкин голос угас под внимательным взглядом Горькиного отца. Горька знал этот взгляд. От него всегда терялись слова и пропадала надежда на помилование.

Но Журка не опустил глаза. Он мотнул волосами и снова сказал, только потише:

— Горька не виноват.

Горькин отец спросил ровным голосом:

— Ты внук Юрия Григорьевича Савельева?

— Да...

— Понятно... А тебя Капрал смог бы заставить воровать?

Горька увидел, что Журка смешался, потупился. Сказал сбивчиво:

— Не знаю...

— Знаешь. Не смог бы,— с короткой усмешкой сказал отец.— Ну, хорошо, спасибо за ценную информацию. Разберемся.— И кивнул Горьке:— Пошли.

Когда Горька с отцом скрылся в своем доме, Журка почувствовал, как дрожат у него ноги. И сердце стучит с такой частотой, будто ушел от опасной погони.

Ладно, не в этом дело. Все же он успел хоть чем-то помочь бестолковому Горьке. Как он это придумал и как решился побежать следом? Журка и сам не понял. Когда увидел, с какой покорностью и страхом семенит Горька за отцом, будто сорвалась пружина. Нельзя беспомощно сидеть, когда человека уводят на казнь...

Подошли ребята. Встали рядом с Журкой, помолчали. Он смущенно улыбнулся им: «А что было делать?»

Маленький Вовка Лавенков серьезно сказал:

— Ты его сегодня второй раз спас.

— Еще неизвестно, спас ли,— усмехнулся Митька Бурин.

Егор заметил:

— Все-таки помог...— И спросил у Журки:— Ты что, решил над ним шефство взять? Будешь его из каждой ямы за уши вытаскивать?

Журка не понял, что в этом вопросе: насмешка или одобрение? Он слегка огрызнулся:

— Разве я специально? Так получилось.

В этот момент его окликнули. Папа позвал с крыльца:

— Юрик, поехали в магазин! Там хороший обеденный стол есть!

Журке не очень хотелось в магазин. Лучше бы как следует познакомиться с ребятами, поиграть. Но помочь-то надо. И он побежал за отцом.

В магазине пахло мебельным лаком, сухим деревом и стружкой. Это был праздничный запах новоселий. Блестели полированные дверцы шкафов, горбатились пестрые туловища диванов и кушеток, поднимались под потолок пирамиды коричневых стульев. Тускло светились высокие зеркала.

Стол выбрали сразу. Но папа еще долго бродил в проходах между мебелью, внимательно и неторопливо к ней приглядывался. Потом сказал Журке с короткой усмешкой:

— Между прочим, если запродать твои книженции, можно было бы обставить квартиру, как дворец Екатерины... Ну, не буду, не буду, не буду! Пошутить нельзя...

Журка надулся и сердито отстал. Начал ходить один.

Он задержался у зеркального шкафа, глянул на себя, сморщил переносицу. Да, лазанья по деревьям и военные засады не проходят даром. На рубашке пятно, черная ленточка над карманом надорвана, одна пуговица висит на нитке. Ноги в засохших коричневых царапинах, на подбородке тоже подсохшая блямба — словно кусок ржавчины. Недаром Иринка спросила, когда шли в музей:

— А ты чего сегодня такой... будто сквозь джунгли продирался?

Журка рассказал про Горьку и утренние приключения.

Приключения Иринке понравились, а насчет Горьки она удивилась:

— Валохин? Разве вы в одном доме живете?

— В соседних... Я его сегодня с собой звал, когда к тебе пошел,— признался Журка.

— Зачем?

— Ну... как-то нехорошо было одного оставлять. Только он отказался.

— Вот чудак,— отозвалась Иринка. Впрочем, без всякого сожаления.

Подошел Журка, увидел зареванного Горьку и серьезные лица.

Они обошли все залы музея — и со старинным оружием, и со скелетом мамонта, и с моделями машин, которые строят на «Сельмаше». А потом условились, что после обеда Иринка зайдет к Журке и они опять придумают что-нибудь интересное...

...Пока папа платил в кассу, пока договаривался о машине, пока добирались домой, прошло около часа. Журка уже беспокоился, что Иринка пришла, а его нет.

Но Иринка еще не приходила. Журка стал прибивать в своей комнате полку для модели подводной лодки. В это время позвонили, и мама крикнула из коридора:

— Журка, к тебе девочка пришла!

Журка уронил на ногу молоток, схватился за

ушибленную ступню и на одной ноге поскакал в коридор. Иринка увидела его и засмеялась:

— Ты не Журка, ты аист... Пойдем в Исторический сквер! Я покажу, где раньше сторожевые башни стояли, там теперь развалины, как в старинном замке.

Мама, услышав этот разговор, сказала:

— Сударь! При всем уважении к вашей даме, я должна напомнить, что вы еще не сходили за хлебом. На ужин ничего не осталось...

— Пфе! Это раз плюнуть,— весело отозвался Журка.— То есть я хотел сказать, что магазин рядом.

— Мы вместе,— предложила Иринка.

— Лучше посиди и посмотри мои книги,— решил Журка.— Помнишь, я рассказывал? Старинные... А я бегом!

Капрал и компания

Журка весело шагал вдоль заросшего газона, и высокая трава щелкала головками по сумке с караваем. Журка смотрел на траву — и вздрогнул, когда перед ним с коротким звоном остановился велосипед.

На асфальт въехал белобрысый парень лет пятнадцати. Журка его узнал: это он сегодня утром спрашивал про Капрала.

Когда вот так сразу загораживают дорогу, это не к добру. Журка попятился и рывком оглянулся. Но сзади стояли двое: один — длиннорукий, с яйцевидной головой, покрытой рыжеватым пухом; другой — чуть постарше Журки, тоненький, темноволосый, с мокрыми красными губами и маслянистыми глазами.

Журка сразу узнал их по рассказам ребят. Это были наверняка Череп и Шкалик. А тот, что с велосипедом,— Студент.

Шкалик хихикнул и сказал:

— Поговорить надо.

Журка ощутил, как разливается по всем жилкам противный холодный страх. Никуда не сбежишь, и на улице, как назло, никого. Только у соседних ворот возятся с трехколесным велосипедом две девчонки-дошкольницы.

Журка переборол страх, сделал равнодушное лицо, независимо поддал коленкой сумку. Сказал Шкалику:

— Ну говори...

— Не здесь,— объяснил Студент.— Давай к нам в гости зайдем. Это недалеко...

— Вот еще,— хмуро сказал Журка.— Если надо, здесь говорите.

— Здесь неудобно. Пойдем...

— Да не хочу я! — ощетинился Журка.

Шкалик опять хихикнул:

— Тебя разве спрашивают, хочешь ты или нет? Череп...

Череп дотянулся до Журки длинной лапой, цепко ухватил повыше локтя.

— Пусти! — тонко крикнул Журка.

— Стоп...

Это сказал незаметно подошедший высокий паренек — стройный, смуглый, симпатичный. С тонкой полоской усиков над красивыми улыбчивыми губами. Он двумя пальцами взял руку Черепа и отцепил ее от Журки.

— Капрал, а он не идет,— обиженно сказал Шкалик.

— Пшел вон, болван,— мягким голосом отозвался Капрал.— Не умеете говорить с человеком.— Он улыбнулся Журке и объяснил: — Воспитываю, воспитываю, а результат нулевой. Ты уж их извини, дураков.

Шкалик опять захихикал, осекся под взглядом Капрала и стал смотреть в небо. Череп шумно засопел. Студент лениво заметил:

— Поговорить-то все же надо...

— Правильно, надо,— согласился Капрал.— Только по-джентльменски. Без обезьяньих ухваток, как у Черепа.— Он ласково взглянул на Журку и предложил:— Может, все же зайдем, побеседуем? А? Есть один вопрос.

— Мне домой надо скорее,— торопливо сказал Журка.— Ждут меня...

— Это же недолго. Минут пять весь разговор. Да ты не бойся, никто тебя не обидит, даю слово.

После этого отказываться было нельзя. Вернее, можно, только это была бы уже полная трусость. Да и какой смысл? Все равно не убежишь. К тому же Капрал, кажется, не обманывал: бить не будут.

Журка пожал плечом:

— Ну пошли...

В гараже пахло старым железом, бензином и сырой штукатуркой. Тяжелая половинка ворот закрылась, под потолком загорелась жидким светом лампочка. Студент поставил к стене велосипед и боком пристроился на его седле. Череп, будто краб, вскарабкался на верстак. Там сидели еще двое парней — класса из восьмого-девятого. Что-то медленно жевали. А Шкалик... Шкалик остановился перед Журкой. Его масляные глаза сузились и стали злыми, как у змеи.

Журка понял, что попался.

Он оглянулся на выход. Тяжелое железо ворот не раздвинуть с размаха, поймают. Капрала не было, он отстал по дороге.

Шкалик облизнул губы и спросил с пришептыванием:

— Это ты заложил нас Горькиному папаше?

«Вот дурак я,— тоскливо подумал Журка.— Чего меня сюда понесло?» Что ответить, он не знал, да Шкалик и не ждал ответа. Жесткой ладошкой он коротко ударил Журку по уху. В ухе зазвенело. Журка понял, что это лишь начало, и сжался, закрылся поднятой сумкой.

И в этот миг рванулся в гараж солнечный свет: распахнулась прорезанная в воротах дверца. В дверцу прыгнул Капрал и с тихой яростью спросил:

— Вы что, сявки? Жить надоело?

Капрал мягко положил руку на Журкино плечо
Попросил: — Ты извини.

Шкалика отнесло от Журки на несколько метров.

Журка, глотая слезы, сказал Капралу:

— А еще слово давал...

Капрал мягко положил руку на Журкино плечо.

— Ты извини.

Потом повернулся к Шкалику, проговорил тихо:

— А ну, иди сюда.

— Ну че...— хныкнул Шкалик и пошел слабыми шажками.

— Иди, иди...

Когда Шкалик приблизился, Капрал двумя пальцами поднял за подбородок его лицо и сказал Журке:

— Лупи.

— Еще чего...— насупленно отозвался Журка. Бояться он перестал, но ударить беззащитного, закрывшего глаза Шкалика по сморщенному лицу было невозможно. Противно. И вообще нельзя это...

Журка сказал:

— Неохота руки пачкать.

— Ну и правильно,— заметил Капрал. И окликнул: — Череп!

Тот опустил с верстака громадные ботинки. Капрал кивнул на Шкалика и сказал:

— Три.

На верстаке негромко загоготали.

— Ну че...— опять хныкнул Шкалик и опасливо оглянулся на Черепа. Тот косолапо шагнул к нему, вывел на середину гаража, слегка пригнул. Шкалик третий раз сказал:

— Ну че...

Череп тяжелым своим башмаком дал ему пинок. Шкалик не то побежал, не то полетел в

дальний угол и головой врезался в кучу рухляди. Он копошился там, пока не услышал нетерпеливый голос Капрала:

— Живей...

Тогда он выбрался и побрел на середину. Капрал поднял растопыренные рогулькой пальцы:

— Еще два.

— Не надо! — с отвращением и отчаянием сказал Журка.— Ну, зачем вы...

— Не надо, так не надо,— покладисто проговорил Капрал.— Шкалик, морда, проси прощения у гостя... Ну!

— Я больше не буду,— поспешно пробормотал Шкалик.

— А теперь подальше,— велел Капрал, и Шкалик опять убрался в угол.

— Стул,— сказал Капрал.

Студент придвинул Журке расшатанный грязный стул. Журка машинально сел. Шкалик обиженно проговорил издалека:

— А че... Он нас заложил, а мы с ним целоваться должны?

— Правильно заложил,— спокойно откликнулся Капрал.— А с чего ему было молчать? Может, он нам клятву давал? Или мы его друзья? Он своего товарища выручить хотел. Вам бы поучиться этому...

— Ты, небось, разревелся и домой,— сказал Журка Шкалику — А его отец, знаешь, как излупил бы за воровство.

— Вот именно,— подтвердил Капрал и сел рядом с Журкой на подвинутый Студентом табурет.— Только ты в одном не прав, Юрик... Юриком тебя зовут? Видишь, все про тебя знаем... В одном ты не прав: не за воровство.

— А за что? — удивился Журка.

— За то, что попался,— печально сказал Капрал.— Понятно?

— Непонятно,— признался Журка.

— А ты погляди вокруг. Можно купить в магазине дубленку? Нельзя. А люди в дубленках на каждом шагу. Можно купить хорошую книгу? А познакомься с директором магазина, вон с его мамашей...— Капрал кивнул в сторону парня на верстаке,— сунь ей подарок, и будут тебе «Мушкетеры»... А вот он...— Капрал показал на другого парня, пухлого и веселого,— думаешь, почему такой откормленный? Мама работает в столовой. Скажешь, она в магазине покупает мясо?

— Это не воровство, а равномерная дележка,— отозвался сын столовской работницы.

— Воровство,— сказал Капрал.— Просто оно разное... Вот у Студента его интеллигентный папа на чем погорел? Тихо-мирно брал взяточки у поступающих в институт. А один раз взял да промахнулся — не сумел устроить оболтуса. У того родители расшумелись, дошло до прокуратуры... И пойдет теперь наш Студентик в ПТУ...

— Шиш вам,— отозвался с велосипеда Студент.— Папочка к тому сроку вернется. Да и связи остались.

— Видал? — усмехнулся Капрал.— На завод ему неохота... Хотя на заводе что? Это же самое. Дал мастеру десятку с зарплаты, будет у тебя хороший наряд. Не дал — жуй сухую корку... А сколько добра тащат через проходную! Сколько дач построено за казенный счет!..

— Тебя послушать, так все на свете воры,— ошарашенно сказал Журка.

— Не воры,— объяснил Капрал.— Понимаешь, тут разница теряется между вором и обыкновенным человеком... И кругом так.

— Нет. Не кругом,— тихо и упрямо сказал Журка.

— Не кругом? Ладно... У тебя отец кто?

— Шофер...

— Да? — почему-то удивился Капрал.— Ну, тем лучше. Он что, никогда не халтурил? Никому дрова и мебель не возил, пассажиров не подсаживал?

«А правда...» — вдруг подумал Журка. Но тут же сказал:

— Он на тяжелых грузовиках работал, все больше на самосвалах. Какие там пассажиры да мебель? Он на стройках...

— Ну ладно. А домой приезжал на своей машине?

— Ну и что?

— А то. Расход казенного горючего для личных целей.

— У него премии за экономию горючего были,— ответил Журка.— Так что ничего он зря не расходовал.

— Ты мне нравишься,— серьезно сказал Капрал.— Ты идеалист. Знаешь, кто такие идеалисты?

— Приблизительно,— ответил Журка. Он вспомнил, что идеалистом отец как-то называл деда.— Ну и что?

— Ничего. Хорошо. Рад, что познакомились... Ты заходи как-нибудь потолковать. Приятно, когда у собеседника ясная душа.

Журка выжидательно молчал.

— Ну, будь,— сказал Капрал и поднялся. протянул руку. Журка встал и нерешительно подал свою. Вообще-то по законам чести и рыцарства давать руку Капралу не следовало. Он был явный жулик, хотя и симпатичный. Но Журка дал. Не потому, что испугался. Просто постеснялся обидеть Капрала.

Глядя под ноги, Журка сказал:

— До свидания.

Шагая к дому, Журка размышлял: зачем все-таки Капралу нужен был этот разговор? И что он вообще за человек? Просто «шеф» хулиганской компании? А для чего ему это? Ребята говорили, что он учится в монтажном техникуме, причем неплохо. Играет в каком-то ансамбле. Матери во всем помогает. И вдруг какой-то Череп рядом, какой-то Шкалик — явная шпана...

Журка подошел к воротам. Ворота были старинные — из железной узорчатой решетки. Они со скрипом поворачивались на шарнирах, вделанных в кирпичные столбы. Журка за-

думчиво прокатился на половинке ворот, соскочил и увидел Горьку. Он с беззаботным видом шагал через двор.

— Эй, Горька! — обрадовался Журка.

Тот подбежал, выжидательно заулыбался.

— Ну... как? — со стеснением спросил Журка. — Обошлось?

Горька слегка поморщился.

— Сперва ничего... А потом все же распсиховался и врезал. Но не очень, просто сгоряча. Да и на работу торопился.

Журка вздохнул, будто был виноват.

— Ничего. Теперь пронесло, — успокоил Горька. И сказал откровенно и с удивлением: — Ох и дубина же я был тогда... Ну чего меня дернуло связываться с Капралом? Будто мозги набок...

— А я к нему сейчас в плен попался, — сообщил Журка.

— Как?!

Журка, нервно посмеиваясь, рассказал. А потом добавил:

— Все же непонятный он какой-то. Вроде и не злой...

— Ты ему не верь, — отозвался Горька. — Это он мозги тебе пудрит. Хочет в свою компанию завербовать. Нарочно все подстроил, Шкалика побил за тебя...

— Да зачем я ему нужен?

— Как зачем? — удивился Журка. — Пополняет ряды. Ему тоже смелые люди нужны.

— Какой же я смелый... — растерянно сказал Журка.

— Со стороны виднее.

— Да ну тебя, — поморщился от неловкости Журка. И, подумав, предложил: — Пойдем ко мне... Только у меня Брандукова... Иринка.

— Ну и что? Пойдем, — охотно сказал Горька.

Иринка в Журкиной комнате вальсировала с Федотом — держала его за лапы и кружила. Федот не сопротивлялся. Увидев Горьку, Иринка не удивилась. Она сказала:

— А, Валохин, привет... Какой ты загорелый! Тоже пойдешь в Исторический сквер?

Горьке было все равно куда идти. Лишь бы с Журкой.

— Пойдет, пойдет, — сказал Журка.

И они пошли.

Стоял безветренный день августа, в солнечном воздухе плыли невесомые пушистые семена. Над большими белыми корпусами в конце квартала подымалось похожее на светлую гору облако. Оно уже начинало розоветь по-вечернему. Тревоги и заботы длинного дня постепенно отступали. Иринка шла между Журкой и Горькой, рассказывала про соседского дрессированного пуделя Мишку и смеялась, показывая похожие на пилу зубы.

«Хорошо, что мы сюда приехали, — подумал Журка. — И хорошо, что еще три недели каникул».

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Как мы двор украсили

Это было прошлой весной, в мае. Погода была прохладная, но гулял весь двор. Я зашла за подружкой и позвала ее на улицу. Подружка училась тогда в третьем классе, а я в шестом, но с ней интересно дружить. Я решила вынести семена цветов, которые собрала летом на даче, взяла лопату, бидон воды. Перед нашим подъездом мы вскопали две клумбы, огородили по краям разными камешками, разрыхлили землю и стали сеять семена. Тут нас заметили девчонки из моего класса и подключились к нам. Дело пошло веселей. Клумбы мы сделали очень быстро и тогда решили вскопать и полить деревья около дома. Бидона воды, конечно, оказалось мало, и мы, раздобыв ведро, стали в нем носить воду для поливки. Увидели это мальчишки со двора и решили помочь. Работали все вместе и совсем не устали. Даже шестилетний Стасик помогал нам весь день и говорил, что ему не трудно.

Вечером на помощь пришли взрослые. Они разбили два палисадника и поставили на наши клумбы таблички: «По цветам не ходить». А через некоторое время мы так радовались, когда смотрели на наши яркие разноцветные клумбы и зеленые разросшиеся деревья перед домом. И никто не рвал цветов, не ломал веток деревьев. Наверное, потому, что сами ухаживали за ними.

Сейчас мы придумываем, как подготовиться к летнему сезону.

Наташа Н., г. Казань.

Кислое молоко

Однажды летом мы с туристической группой отправились в поход по Карелии. Наш лагерь был расположен примерно в двух с половиной километрах от поселка Великая Губа. Туда нам часто приходилось ездить за продуктами. Как-то раз мы с товарищем пошли в Великую Губу за молоком. В магазине нам сказали, что осталось вчерашнее молоко, и мы, посоветовавшись, решили взять. На обратном пути мой товарищ отлил из бидона чуть-чуть молока в крышку и, попробовав, сказал: «А молоко-то кислое». Молоко действительно было кислое, но, что делать, понесли его в лагерь. Вскоре началась гроза. Мы промокли оба до нитки. Капли воды, по-моему, проникли даже в бидон. Когда мы пришли в лагерь, там нас уже встречали. Кто-то выпил молока и удивленно воскликнул: «Вы же принесли кефир!» Нашему удивлению не было конца. Кислое, совершенно невкусное молоко превратилось в кефир.

Пили кефир всей группой. Ребята просили добавки и приговаривали: «Вы просто молодцы, что решили сегодня принести кефир!»

Андрей УСТИНОВ, г. Ленинград.

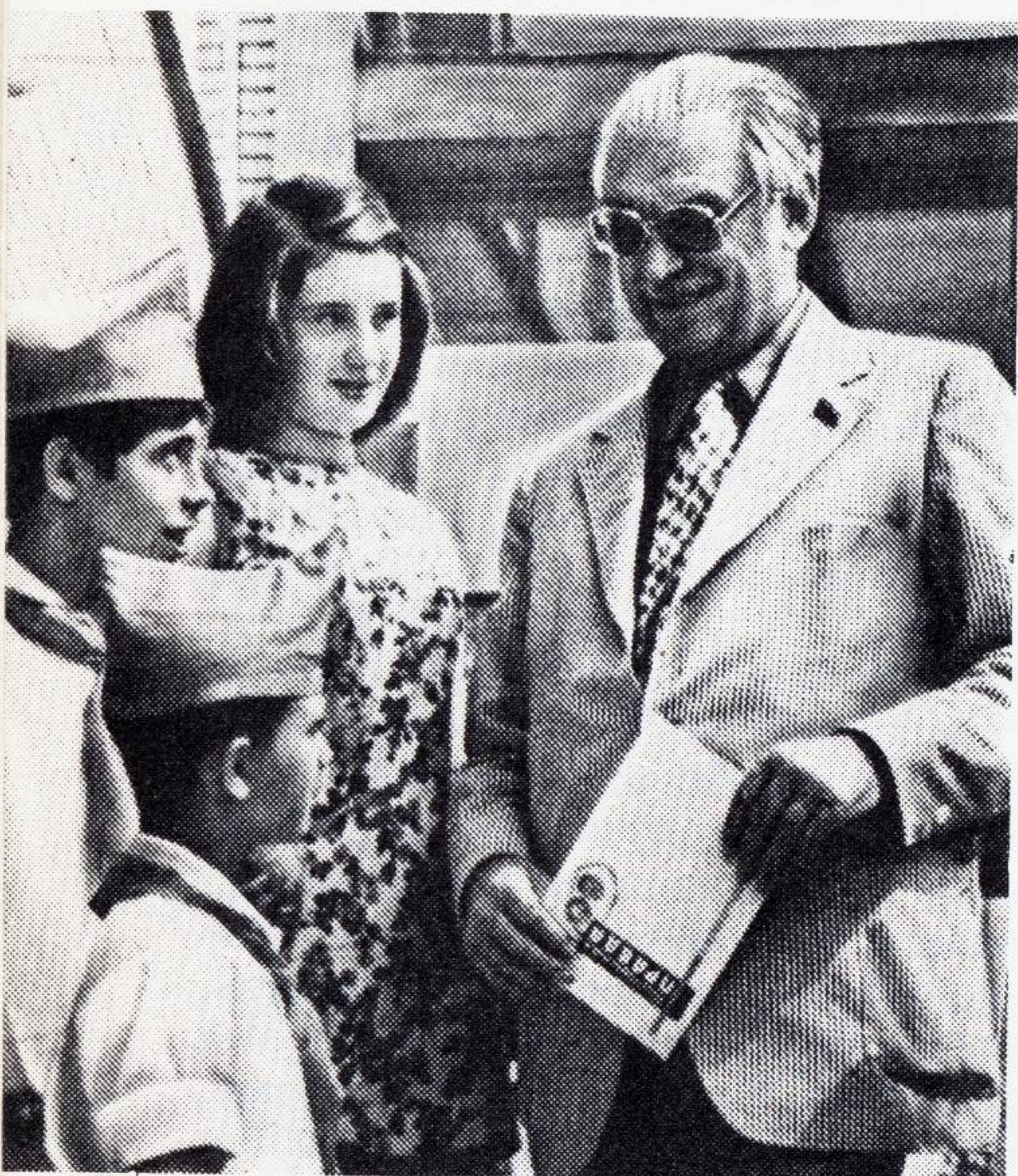

Аркадий Петрович Гайдар любил встречаться с юными читателями, отвечал на десятки их «почему», рассказывал о будущих книжках.

ЛЕТОПИСЦЫ СТРАНЫ ПИОНЕРИИ

На высоком берегу Оки, в Тарусе, стоит старинный дом. Живет в этом доме, который хранит всевозможные были и небылицы, удивительный человек. В городе его знает всякий. И обращаются к нему как-то по-домашнему — «дядя Коля». И для каждого у дяди Коли — доброе слово, дельный совет.

Рядом со старинным домом стоит современное двухэтажное светлое здание. И это тоже дело рук дяди Коли. Здесь детская библиотека. Ее подарил тарусским ребятишкам все тот же неугомонный пионерский дядя Коля — писатель Николай Владимирович Богданов — один из членов первой редколлегии журнала «Пионер». Тогда, в далеком 1924 году, комсомолец Николай Богданов и думать не думал, что станет детским писателем. У него были другие заботы: знакомиться с жизнью первых пионерских отрядов, собирать и редактировать юнкоровские заметки, носить Надежде Константиновне Крупской гранки, которые она внимательно читала. Приходилось вожатому-журналисту бывать в гостях и у людей легендарной судьбы. Ни-

Сейчас в журнал «Пионер» идут вопросы «Анкеты». Все они к одному писателю — Сергею Владимировичу Михалкову. Как писать стихи, когда вы написали свое первое стихотворение, будет ли продолжение у «Дяди Степы»? На эти вопросы Сергей Михалков отвечает и на встречах с пионерами.

Лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола Зоя Ивановна Воскресенская.

Лауреат Государственной премии РСФСР Мария Павловна Прилежаева.

Анатолий Георгиевич Алексин свои первые повести опубликовал в «Пионере». И где бы ни бывал писатель во время поездок по стране, он считает своим долгом идти к ребятам, вести большой разговор о жизни и времени.

колай Богданов вместе с юнкорами вел беседу с самим Семеном Михайловичем Буденным, чье письмо к пионерам было опубликовано в первых номерах «Пионера».

А однажды Николай Богданов получил от Центрального Бюро пионеров очень серьезное задание — написать рекомендацию для городских ребят, уезжающих в деревню помогать сельским пионерам. Над этой инструкцией он просидел несколько дней и ночей. И вот эту инструкцию под названием «Васина смычка» он прочитал пионерским работникам. Те хохотали до упаду — так весело и интересно написал Николай Богданов. Рассказ «Васина смычка» появился в июньском номере «Пионера» за 1924 год. Так родился первый рассказ на пионерскую тему в нашей литературе. За пять лет работы Николай Богданов написал двадцать (!) книг о пионерах. Ты, наш читатель, можешь со многими рассказами тех лет познакомиться в сборнике «Чудесники», почитать книгу «Когда я был вожатым». Идут годы, появляется много новых книг о стране Пионерии, но те первые пионерские рассказы дороги нам: в них приметы тех лет, когда пионерия делала свои первые шаги, когда зарождались пионерские традиции. Ну, а чем сегодня занимается Николай Богданов? Тем же, что и почти шестьдесят лет назад, — пишет для ребят новые книжки, рассказывает о первых пионерах, о вожатых, о любимом тобой Аркадии Гайдаре.

Аркадия Петровича и в «Пионере» и в «Пионерской правде» всегда ждали с нетерпением. Каждая встреча с Гайдаром была праздником. Он приходил в шинели, наброшенной на плечи, в гимнастерке и папахе. Входил шумно. Садился на стул и небрежно, с улыбкой бросал на стол рукопись, аккуратно свернутую в трубочку. Читайте, мол, люди добрые, читайте внимательно. Понравится — печатайте. Не понравится — в редакционную корзину. И появлялись на газетных и журнальных страницах удивительные рассказы и повести Гайдара — «Голубая чашка», «Дым в лесу» и, наконец, «Тимур и его команда». Не знал тогда писатель, что у этой повести будет такая завидная судьба, что она позовет на долгие годы идти тимуровской дорогой миллионы мальчишек и девчонок нашей страны, позовет по долгу сердца.

Книгами Гайдара все зачитываются с детства. Этот писатель был любимым и у пионера Владислава Крапивина. Был и остался на всю жизнь, помог увлекательно и романтично рассказать о современных Тимурах, об их стремлении быть верными красному галстуку, честному пионерскому. «Всадники со станции Роса», «Мальчик со шпагой», «Колыбельная для брата» — эти и многие другие книги Владислава Петровича Крапивина — командира морского, юнкоровского отряда «Каравелла» в Свердловске, печатались в «Пионере» и всегда находили горячий отклик у миллионов читателей.

Летописцы страны Пионерии — советские писатели — большие ваши друзья. Сколько их? Больше двух тысяч. Александр Жаров и Михаил Светлов, Эдуард Багрицкий и Александр Безыменский, Самуил Маршак и Сергей Михалков, Лев Кассиль и Агния Барто, Любовь Воронкова и Алексей Мусатов, Зоя Воскресенская и Мария Прилежаева, Юрий Сотник и Николай Дубов, Анатолий Алексин и Альберт Лиханов, Юрий Яковлев и Станислав Романовский, Радий Погодин, Юрий Томин и Виль Козлов и многие-многие другие в своих романах, повестях, рассказах, стихах год за годом создавали и создают художественную летопись нашей Всесоюзной дружины, образ пионера — человека смелого и чистого, готового на подвиг.

Горит огнями библиотека в Тарусе. Заглядывает сюда на огонек и другой человек, живущий в доме Паустовского. Его тоже хорошо знают в этом старинном русском городе. Знают по книгам, которые не залеживаются на полках. Стоит сказать «Чудак из шестого «Б», и вы сразу догадаетесь, что этот человек — замечательный писатель Владимир Карпович Железников. Только что вышла его новая книга «Чучело» (в «Пионере» она печаталась под названием «Всего-то несколько дней...»). В новой повести Железникова действуют пионеры наших дней. У них иные заботы, чем у героев первых рассказов Николая Богданова, и бороться им приходится не с кулаками и подкулачниками. Но и, как герои тех первых книжек о пионерии, они не терпят зла, верят в доброту, в справедливость нашего дела.

Горят огнями библиотеки в городах больших и маленьких, горят огни в писательских домах. Читатели ждут новых книг и верят, что история страны Пионерии продолжается не только в жизни, но и в новых рукописях советских детских писателей — верных друзей ребят в красных галстуках.

Лев Абрамович Кассиль очень любил спорт. На этой фотографии вы видите прославленного гроссмейстера Василия Смыслова и Льва Кассиля с первыми призами клуба «Белая ладья». Проводить эти соревнования подсказал Лев Абрамович. Сегодня у «Пионера» есть приз «За волю к победе». Он носит имя Л. А. Кассиля.

В далеком Уренгое стоит необычная библиотека — она построена руками молодых по инициативе журнала «Смена». Эта библиотека — самое любимое место отдыха уренгойских пионеров. Они были гостями журнала «Смена», и принимал их замечательный писатель, главный редактор Альберт Анатольевич Лиханов. Его роман «Мой генерал» впервые был опубликован в журнале «Пионер».

Фотографии В. ГУСЕВА и Н. КОЧНЕВА.

Григоре ВИЕРУ

Родной язык

Внемлю звукам, с детства милым,
Рад, что мир назвали миром
И что хлеб зовется хлебом,
Мама — мамой, небо — небом.

Не умолкни, речь родная,
Тот язык, что сердцем знаю.
В нежной дойне[1], в слове метком
Даль живая, голос предков.

Так красиво все зовется!
Солнце называют солнцем,
Птицу — птицей, лето — летом,
И рассвет зовут рассветом.

Вечно здравствуй, речь родная,
Тот язык, что сердцем знаю!
В нежной дойне, в слове метком
Даль живая, голос предков.

[1] Народная молдавская песня.

К звездам!

Звезды на небе горят
И с Землею говорят:
— Вам, землянам, очень тесно,
А на небе столько места!

В темном небе тишина,
Вон звезда, совсем одна.
Ей, наверно, очень скучно,
К ней слетать, ребята, нужно.

Сверху в дымке голубой
Мы увидим шар земной
И пошлем привет землянам,
Всем материкам и странам!

Ореховое дерево

Дерево тенистое,
Дерево ветвистое,
До окна ты дотянись,
Веткой нежно прислонись.

Пусть окно отворится,
В дом пойдешь ты, в горницу,
У окна родную мать,
Как два брата, будем ждать.

Камень

— Эх ты, камень-камень,
Безымянный камень,
Камень у дороги,
Самый одинокий,
Молчалив и нем,
Незнаком ни с кем!

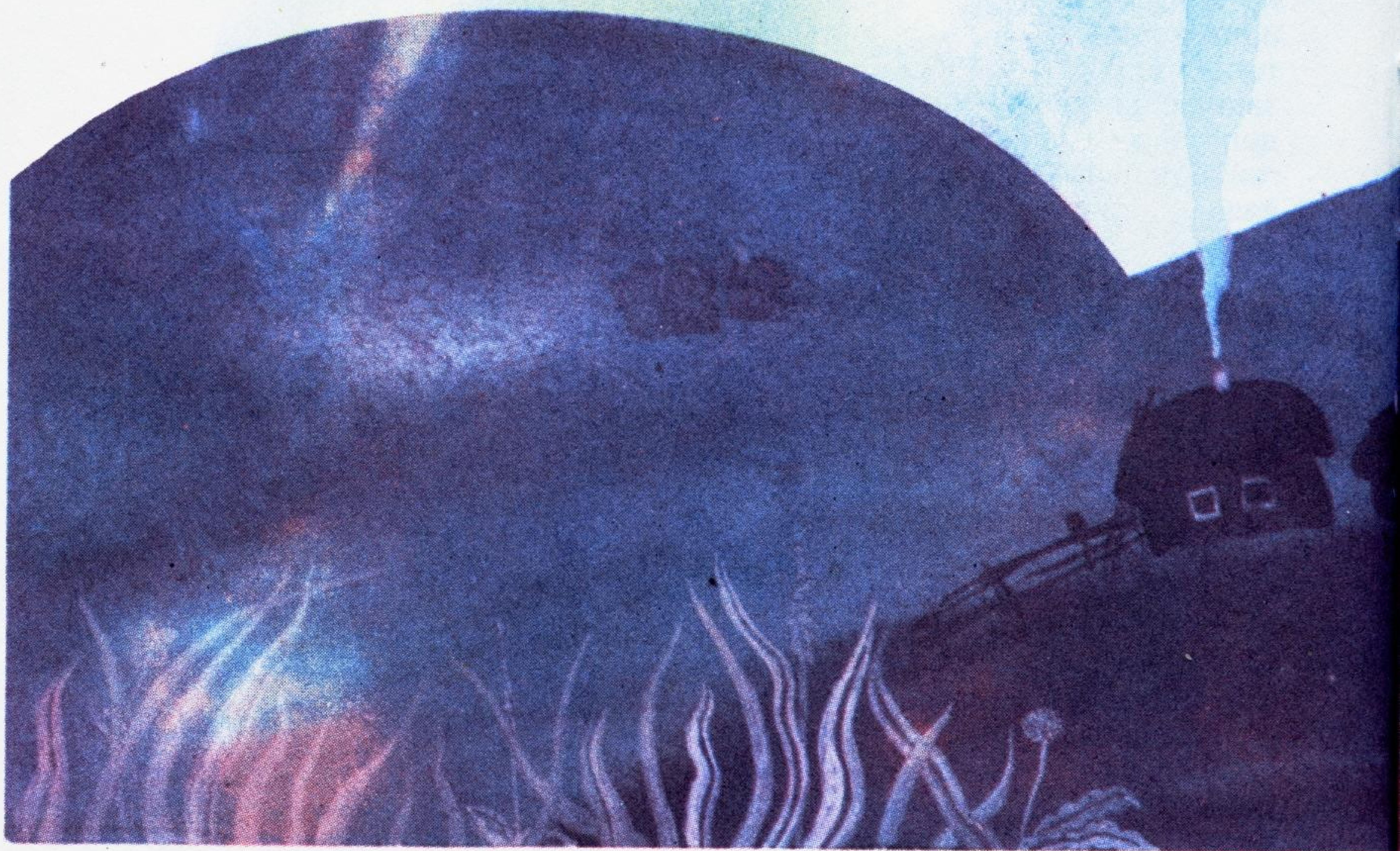
— Вовсе не один я,
Ветер гладит спину,
А поутру солнце
Щек моих коснется,
Говорю с водой
И с ночной звездой!

Вишня с белыми цветами

— Вишня с белыми цветами,
Тяжело тебе:
Днем стоишь и спишь ночами
На одной ноге.

— Зря тревожишься, мой мальчик,
Мало мне одной,
Десять ног мне верно служат —
Корни под землей.

Крепко держатся за землю
Милую мою,
И поэтому, сыночек,
Прямо я стою!

Прохладный ключ

— Ты куда, прохладный ключик?
Не запрешь тебя на ключик,
Ключик, ключик, ключик.

— Мне до моря бы добраться:
Ждет вода родного братца,
Братца, братца, братца.

Громоздясь над белым светом,
Дружат волны с лунным светом,
Светом, светом, светом.

— Ты спешишь потрогать месяц?
— Да, успею я за месяц,
Месяц, месяц, месяц.

Вечер на холме

Тихий вечер на холме
Все смешал во тьме —
Стадо звездочек ночных
И гурты овец земных.

Звезды по небу гуляют.
След молочный оставляют.
Овцы в травке серебристой
Оставляют след росистый.

Наверху, взгляни туда,—
Звездные стада,
Золотые — в небесах,
Белые — в ночных лугах.

Вышли пастушки навстречу,
Чуть крупней своих овечек.
Первый — месяц молодой,
Хлопчик с прутиком другой.

Перевел с молдавского
Яков АКИМ.

Рисунок М. ФИТИЛЕВОЙ.

ПОДАРКИ К ЮБИЛЕЮ

На календаре 19 мая — праздник. К этому дню готовились не только вы, ребята, но и те, кто работает с вами и для вас. На полках книжных магазинов еще в прошлом году появились нарядные, красочные книги с юбилейной маркой на обложке «Пионерии — 60».

«Будь готов!» Под этим девизом прошли все поколения пионеров. **«Будь готов!»** — так называется и книга, которую выпустило издательство «Молодая гвардия». В ней — история пионерской организации от ее рождения и до наших дней. Традиции пионеров, рассказы о подвигах юных героев фронта и тыла... Яркое, красочное издание, что ни страница — то рисунок или фотографии.

Богата событиями история пионерской организации. Книга **«Год за годом»** — это летопись 60-летнего пути пионерии. В ней много интересных фактов, событий, исторических фотографий.

По каким бы дорогам ни шел человек — всюду ему сопутствовала и помогала песня. У пионерской песни своя история. Сборник **«Песня, стройся и звучи!»** объединил песни о героях-пионерах, о делах юных ленинцев, о дружбе пионеров разных национальностей. Пионерские песни порой рождались необычно, и об этом рассказала во вступительной статье композитор Александра Пахмутова.

«Юные герои» — любимая ребятами серия книг. Она знакомит с легендарными героями в красных галстуках: какими они были, как жили, о чем мечтали, за что боролись...

...19 сентября 1919 года геройски погиб в стычке с деникинскими бандитами 14-летний мальчик Вася, юный чекист. Вася работал в паровозных мастерских учеником токаря. Оттуда, из шумных рабочих цехов, и начал свой путь в революцию герой повести М. Шевелева **«Берег был виден»** Вася Дробязко.

Юные разведчики Шура Кобер и Витя Хоменко награждены орденами Отечественной войны I степени. Теперь имена героев носят библиотеки, многие дружины и отряды. Об этих украинских пионерах рассказал в повести **«Гонцы из неволи»** А. Авраменко.

Книга О. Тихомирова **«В ту суровую пору в Киеве»** — еще об одном герое войны, пионере Косте Кравчуке, который в дни гитлеровской оккупации спас два полковых знамени.

В юбилейный год у школьной самодеятельности много хлопот — концерты, праздничные вечера, спектакли. В сборнике **«Твой день рождения»** — новые пьесы, композиции, сценки.

Вот какие подарки подготовило к празднику пионеров издательство «Молодая гвардия»!

Г. СМИРНОВА

Трудно живется человеку в двенадцать-тринадцать лет. Неужели есть еще кто-то, кто не знает этого?..

Почему люди так часто не слышат друг друга? Почему ОН (ОНА) — друг, мама, учительница — не хотят понять меня? Почему МНЕ так трудно понять ИХ — одноклассников, учителей, родителей? Почему ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ не видят, какой я замечательный, не верят, что завтра я стану еще лучше? Почему МНЕ так безразлично порой то, что причиняет КОМУ-ТО боль? Почему другие не хотят признать, что Я прав? Почему МЕНЯ никто не жалеет, не любит? Почему ЛЮДИ не могут договориться друг с другом? Почему от КОГО-ТО зависят моя радость, моя печаль, моя жизнь? Почему?

Л. СИМОНОВА

ССОРА

Мне казалось, что в Самарканде жарко и сухо. Солнце неутомимо трудилось, и его жаркое внимание становилось для меня тягостным. Асфальт вздулся и, по моим ощущениям, готов был вот-вот взорваться от сухости. Арыки на улицах виделись мне безнадежно облысевшими...

Я прилетела из Москвы. Там, дома, даже самые отчаянные не решались еще выбраться из пальто. И тут я просто пропадала от жары. А все вокруг сетовали на позднюю весну, стонали и ежились от холода! Наверное, они ждали сорока, пятидесяти градусов, и я подумала: как все в этом мире относительно.

Истина, как Синяя птица, мечется где-то там. Там... Кому удалось, нет, не поймать, хотя бы издали увидеть ее?

Эта мысль скорее всего понадобилась в тот момент, чтобы спрятаться за нее, как за спасительный щит. Девочки, восьмиклассницы, ждали от меня помощи, совета, суждения: кто из них прав, кто виноват?

А кто прав? Кто прав?..

Ссора вышла давно, задолго до того, как мы познакомились. Капля по капле туча собралась еще в шестом классе. В седьмом грянул гром, пронеслась гроза. Ну, а теперь, в восьмом, все, что происходило, напоминало стихийное бедствие.

Разбушевавшаяся стихия крушила и сметала на своем пути все, все разумное. И удержаться на ногах не удавалось никому. Классному руководителю, Дильбар Джураевне, тоже. Так мне, во всяком случае, казалось.

И было страшно. Чем обернется? Как отзовется в каждой душе?

Я вижу, они страдают, мечутся. А я, взрослый человек, не в силах ни словом, ни мыслью, ни чувством прикоснуться к их боли, чтобы не обострить ее. Самое трудное для меня, что они готовы на любые терзания, лишь бы получить свою заветную правду. Только бы услышать: правы они? Они! А не те, другие?!

Они жаждут услышать это и не подозревают, что ничего не слышат. В грохоте своего бедствия они потеряли всякую способность слышать. Даже себя. В первую очередь себя.

Девочки! Мальчики! Тише! Тихо! Тишина!

Все значительное появляется в тишине. Тишина нужна чувству, и мысли, и делу. Попробуйте сесть поодаль друг от друга. Попытайтесь молча сосредоточить все свои душевные силы. Потрудитесь понять: что же все-таки произошло? Что происходит?

И запишите свои мысли.

«Все началось с пустяка»,— так написали многие.

В самом деле. Две девочки закрылись в кабинете труда, чтобы примерить карнавальный костюм. К ним постучались еще две девочки. Одну впустили, другой сказали: «Тебе здесь нечего делать». Та, что осталась за дверью, понесла свою обиду к остальным одноклассницам. «Ах, так! — возмутились одноклассницы.— Мы им!» И тоже закрылись на ключ, уже в другом кабинете. И тех, троих, тоже к себе не впустили. Теперь обиделись те, трое: «Ах, так! Больно надо».

«Пустяки»,— утешали себя одни.

«Мелочи»,— заставляли себя думать другие.

«Стоит ли на всякую ерунду обращать внимание?» — заключили и первые, и вторые.

Но... «На следующий день,— пишет **Катя Семыкина,**— я сразу поняла, что класс поделился на две группы». И это уже никому не казалось пустяком. Начиналась борьба самолюбий. Борьба всегда беспощадная. Как лесной пожар. Не только губит вокруг все живое, но и на долгое время вперед оставляет бесплодной почву.

Не люблю, когда люди, утешая друг друга, говорят: «Пустяки, не обращай внимания!» Во-первых, сколько мне приходилось наблюдать, никому не удается не обращать внимания на то, что обидело, вызвало неприятное ощущение, испортило настроение. Ну, а главное, есть ли вообще пустяки в нашей жизни?..

С годами мне все труднее становится примириться с тем, что так часто я приказывала себе не обращать внимания. Хотя как раз единственное, что помогает,— обратить внимание. Не отмахнуться, а проанализировать. Не проскочить мимо, а остановиться. И хорошенько подумать: попробовать увидеть себя со стороны, попытаться понять другого. Трудно?! Согласна, ужасно трудно. И, честно признаться, редко удается. Но с детства всему легче выучиться. Поверьте пока на слово: тех, кто осилит эту науку, жизнь одарит сторицей — оградит от многих бед и неприятностей.

Давайте вместе поразмышляем о том, что произошло. Света Марунич задумала предстать пред карнавалом Летучей Мышью. Наряд не получался. Лучшая подружка, Саша Жарова, помогала, но все же что-то не клеилось. И они отправились советоваться с любимой учительницей в кабинет труда.

Дверь закрыли на ключ и... начало совершаться Таинство превращения... Тут кто-то резко забарабанил. Дверь открыли с явным неудовольствием. В дверную щель протиснулись две любопытствующие головы! Иру Афанасьеву впустили, она была близкой подружкой Светы и Саши, а Тане Обозовой сказали: «Тебе здесь делать нечего!»

Грубо? Грубо. Обидно? Обидно. Таня, разумеется, обиделась. Однако если с другой стороны посмотреть. Если дать себе труд вникнуть в состояние тех, кто на том берегу? Только настроились на Таинство, а тут так некстати — стук. Да еще врываются и

требуют (тоже довольно грубо!) — раскрой секрет. Но в том-то и смысл карнавального костюма, чтобы он оставался до поры до времени тайной. Бестактно настаивать на посвящении в тайну. Так думать Таня не умела...

Ее собственная драгоценная обида оказалась для нее непосильной ношей. И она тут же потащила ее к одноклассницам. И скинула на их руки. Обида прошлась по рукам и стала принадлежать всем: «Не впустили, значит? Значит, отделяются? Пусть попляшут без нас». И они тоже наглухо захлопнули свою дверь.

«Все настроение у меня тогда пропало,— вспоминает теперь **Света Марунич.**— Я подумала: надо было сдержаться. Внутри что-то щемило...»

«Мы поняли, что оскорбили Таню,— признается **Саша Жарова,**— и поэтому неправы. Хотели пойти извиниться. Но девочки не пожелали нас выслушать и объявили нам бойкот».

Теперь прислушаемся к голосу с противоположной стороны.

«Откройте дверь! — крикнула Света. (Эти строки из записей **Кати Семыкиной.)** — Я и Эльвира стали открывать дверь, но ключ застрял, и мы не могли повернуть его ни туда ни сюда. Я говорю девчонкам: «Подождите»,— а они, видно, не так меня поняли. Мы с силой толкнули дверь, и ключ вдруг повернулся, но они уже ушли. Стало обидно, и я сказала, что не буду больше с ними разговаривать...»

Эльвира Ибрагимова пишет так: «Девчонки говорят: они пошутили, и мы с ними пошутим». Они стучали, стучали, и мы уже решили открыть им дверь, но ключ не поддавался. А они думали, что мы специально не хотим. «Подумаешь,— крикнула нам Света,— одолжение делают». И они, задрав носы, ушли. А нас это очень обидело».

Так стояли они по обе стороны от двери, каждый со своей правдой. И никому не приходило в голову, что от этой своей маленькой правды никому никогда не становится легче. А легче становится только тогда, когда удается, чтобы тебя услышали, и ты овладеваешь драгоценной способностью слышать другого.

Если б они это умели! Возможно, все повернулось бы иначе? Возможно...

Обиды, к сожалению, не испаряются, не растворяются, не рассеиваются как утренний туман. Они выпадают в осадок. И если даже миллион раз повторить себе: «Пустяк! Не обращай внимания. Нет ничего особенного»,— осадок все-таки есть! И он остается.

И не верьте тем, кто про все подряд говорит: «Пустяки. Мелочи». Чем стремительнее бежит для меня время, тем все чаще и яснее так называемые «пустяки» видятся мне как молекулы. Молекулы нашей жизни. Перемещаясь, подстраиваясь друг к другу, взаимодействуя, «пустяки-молекулы» вступают в новые, бесконечные связи и приобретают новые, совершенно отличные от прежних свойства и состояния... и действуют на нас уже иначе, порой во много раз сильнее. И тогда никому уже не кажутся пустяками.

Случай с закрытыми дверьми, кто знает, может быть, и остался бы в жизни класса пустячным, если бы силу его воздействия на ребят не умножило то, что случалось раньше. И в каждом прежнем случае тоже само по себе казалось пустяком.

«Однажды, это было на уроке русского языка,— вспоминает **Азиза Умерова,**— Дильбар Джураевна поручила мне собрать дневники для проверки. Когда я подошла к Свете Марунич и сказала: «Света, дай дневник»,— она ехидно улыбнулась и ответила: «Да что ты говоришь?» Я повторила. Света отвернулась и дневник не дала. Меня это очень обидело, но я не показала виду. Я долго думала об этом и решила, что это ПУСТЯКИ, но боль все-таки во мне осталась. В другой раз мы с девочками собрались поговорить, как провести «Огонек». Я что-то предложила, а Света высмеяла. Меня и это обидело. Я поняла, что она высокомерная, и больше меня к ней не тянуло».

«Когда кто-нибудь выходил к доске,— пишет **Рена Григорян,**— Света с места поправляла все ошибки. Это всех обижало».

«Иногда подойдешь к ней,— это из размышлений **Оли Степановой,**— спросишь что-нибудь или, наоборот, посоветуешь, она так посмотрит на тебя высокомерно. Или скажет: «Что ты говоришь, а я не знала».

«Обозова Таня у нас маленькая, щупленькая,— рассказывает **Лена Нелюбина,**— и когда Свету оставили дежурить с Таней, она заявила: «Не хочу с этим м о л л ю с к о м». Таня заплакала».

«Один мальчик,— делится своими впечатлениями **Вадим Лю,**— послал Свете на физике записку. Точного содержания не знаю, но знаю, что он предлагал Свете дружбу. На географии Света встала и громко при всех сказала ему: «А знаешь ли ты, что дружбу завоевывают, а не предлагают?..» И это с ее стороны было очень скверно».

«Она ставила себя выше всех, считала себя

лучше всех,— заключает **Эльвира Ибрагимова.**— Она, как говорится, взяла класс в свои руки. Сначала девочки молчали, терпели, но терпение, наконец, лопнуло!»

«Маленькие ссоры срослись в большую обиду»,— так образно оценила ситуацию **Шахло Хайдарова.**

«Ну, все ясно,— возможно, скажут некоторые торопливые люди.— Все очень просто».— И тут же ошибутся. В жизни все вовсе не просто. И как подсказывает опыт, никогда нельзя спешить с выводами.

В Ташкенте (Света Марунич живет теперь в Ташкенте) я познакомилась со Светой. Признаюсь, она мне понравилась. Вовсе не злой она человек, не надменный и далеко не глупый. Мне было интересно слушать ее суждения и следить за ходом ее мыслей. Мне составило удовольствие общение с ней, и я за это Свете благодарна.

Вы удивлены? Напрасно. Когда я уезжала из Самарканда в Ташкент, заместитель директора школы по воспитательной работе Раиса Мухамедовна Мусина как бы напутствовала меня словами: «Я уверена, Света вам понравится. Мне она симпатична».

«Ну и что?— слышу я ваше возражение.— У взрослых свои мерки, у нас свои. И наши оценки часто не совпадают». Это верно. И единственное, что мне остается, снова обратить вас к мнению

ваших же сверстников, ребят из того класса, о которых я вам рассказываю.

Катя Семыкина: «В 6-м классе к нам пришла новая девочка, Света Марунич. Мы приняли ее хорошо, даже, можно сказать, отлично...»

Эльвира Ибрагимова: «Она показала себя хорошей подругой, отзывчивой, готовой всегда помочь...»

Азиза Умерова: «Она была девочка веселая, симпатичная, мы сразу к ней потянулись. Мне хотелось с ней дружить, потому что с ней было интересно...»

Рена Григорян: «Что правда, то правда, она была хорошим организатором...»

Таня Обозова: «Она всем понравилась, и в классе ее очень уважали...»

Вот так. Обратите внимание, я цитирую не других, тех же девочек, что так горячо рассказывают о своих обидах.

На первом же уроке физики Света показала недюжинные знания. К общешкольному конкурсу Света поставила «Гусарский танец», и они заняли третье место. Они сделали лучший в дружине отрядный уголок, какого до Светы у них никогда не было. Выпустили газету «Бригантина» и под Светиным руководством выучили песню: «В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса...» Потом они вместе читали стихи поэтов, не вернувшихся с войны, побеждали в конкурсах песни и строя. Ходили вместе в кино, в театр, в поход... Света потащила всех в спортивные секции, и они увлеклись байдарками, ручным мячом, боксом.

Света, казалось, могла все: достать из-под земли ватман и краски для газеты, соорудить из картона и бумаги отличные костюмы, утихомирить Иззета, которого все побаивались, объединить и сдружить всех и организовать все так, чтоб каждому стало интересно. Ее выбрали председателем совета отряда. И «...шестой класс,— пишет **Саша Жарова,**— пролетел незаметно, каждый день был веселый, радостный! Все наши ребята с удовольствием шли в школу, зная, что скуки не будет, зная, что тебя ждут верные друзья и интересные дела»...

Света, что сделать? Света, как поступить? Света, куда пойти?

И Света советовала, помогала, показывала и не заметила, как начала приказывать.

Света, приходи на день рождения! Света, пойдешь со мной в кино? Света, хочешь со мной дружить?

И Света, уверовав в свою особую значимость для всех, не заметила, как позволила себе стать высокомерной.

Когда-то еще давно, в юности, помню, меня поразила мысль, высказанная моим другом-актером: «Короля играют придворные».

Короля играют придворные... Вдумайтесь в смысл этой фразы. Если придворные на сцене не будут низко склонять головы и расшаркиваться в реверансах, не станут льстить и раболепствовать, не сумеют в словах и жестах выразить жажду высочайшего повеления, разумеется, на сцене, королю трудно удержаться на троне, изображая величие. Придворные помогают королю сыграть его роль.

Жизнь не театр. Но и в жизни мы все не можем не зависеть от окружающих нас людей. И наше самочувствие среди других, наше ощущение себя в мире во многом зависит от того, что эти другие о нас думают, чего от нас ждут, какую роль определяют для нас своим поведением.

Всем нравилось, что Света думает и делает за

всех. Было нехлопотно и удобно без всяких самостоятельных усилий жить весело и получать в готовом виде поступок, и мнение, и интересное дело. Света, по сути, выполняла ту миссию, ту роль, которую ждали от нее ребята.

Да, Свете не удалось удержаться на высоте, потому что она слишком оторвалась от своих одноклассников. Но и одноклассникам не удалось сократить это расстояние, не удалось встать вровень со Светой, потому что они не захотели утруждать себя хлопотным и нелегким делом восхождения на Вершину...

А тут еще подоспел седьмой класс. Седьмой класс, когда что-то такое непонятное происходит с ребятами. Словно летом совершается чудо. Вот они стоят друг перед другом. Вроде все те же? И уже совсем не те?

В шестом так хорошо было дружить всем вместе. В седьмом: то один от чего-нибудь откажется, то двое отделятся, то трое устранятся, а то и целая стайка — пять — семь человек — упорхнет с общего насеста...

В шестом так легко и незаметно рождалось одно на всех настроение — радостное или печальное — общее. В седьмом: кто-то постоянно оказывается не в духе, кто-то не согласен, кто-то думает иначе, кто-то предлагает совершенно другое, и кому-то грустно, когда всем весело...

В седьмом люди неожиданно и сразу становятся выше на много сантиметров. И сознание своего «Я» внутри каждого человека вырастает вдруг до незнакомых размеров, и этому «Я» становится тесно в жестких рамках общего «МЫ». «Я» начинает неосознанную борьбу за свое место в общем «МЫ». Каждое «Я» хочет, чтобы «МЫ», то есть все остальные, признали его, увидели, какой он умный, всемогущий, красивый, а главное, особенный, непохожий на других. Со своими мыслями, которые, увы, можно доверить только близкому другу. Со своими страданиями, в которых и себе-то не всегда признаешься. Со своими интересами, которые не всякий в состоянии понять и разделить. Человек вырастает из прежней детской одежды и из прежних своих отношений тоже.

Кто смеет командовать мной, мной, таким сложным и, может быть, великим? Кто указывает мне, что делать, как жить, когда я сам еще не знаю, чего хочу? Кто осмелился требовать от меня общего благополучия, когда я пока еще не поладил с самим собой?

«Мы готовились к конкурсу самодеятельности,— рассказывает **Рая Хван.**— В соседнем классе шел урок, а мы расшумелись. Пришла Дильбар Джураевна и спросила, в чем дело? СВЕТА, она, как всегда, была главной у нас, свалила нашу общую беготню и шум на мальчиков. Когда Дильбар Джураевна ушла, **Я** сказала **СВЕТЕ:** «Зачем ты свалила все на мальчиков, мы тоже шумели». **Я** говорю: «Давайте готовиться». **СВЕТА** говорит: «Давайте сначала утихомирим Иззета». **Я** говорю: «Не бегайте за ним, и все». **СВЕТА** налетела на меня, зачем, мол, я его защищаю. **Я** говорю: «Надо понять сначала, что **Я** говорю, а потом налетать...» И мы поссорились. Это была первая моя ссора со Светой...

Потом, к Дню Советской Армии, мы готовили мальчишкам подарки. Чтобы сделать эти подарки, нужно было кое-что купить: бумагу, краски... Деньги были у Светы. **СВЕТА** сказала, что она не сможет пойти. **Я** тоже сказала, что не смогу. **СВЕТА** сказала: «Я не могу, никто не может». Тогда **ДЕВОЧКИ** Эльвира, Шахло и Оля Степанова сказали, что они поедут. **СВЕТА** была в этот день дежурной, а когда вернулась, чтоб отдать деньги, девочки уже ушли домой. **ОНА** стала кричать на **МЕНЯ. Я** сказала: «Что ты орешь на всех? Сама виновата, что вовремя не отдала деньги». **Я** видела, как девочки уходили, но не остановила их, потому что думала, что деньги уже у них. И мы снова поссорились.

...Я ужасная болтушка (заметьте, себе Рая прощает многое!). Девочки на гребле спросили меня, как Света учится в школе? **Я** сказала, что она задается, ставит себя выше других и многие у нас не хотят с нею знаться. На следующий день **ОНА** подходит ко мне и говорит таким тоном, будто она шеф, а я подчиненный: «Ты что это сплетни распускаешь?» **Я** растерялась, но все же ответила: «Не твое дело, где, и с кем, и о чем я говорю». Эта ссора была роковой...»

Не правда ли, мелкая, некрасивая возня. Стоило ли сообщать всем эти низкие, ничтожные разговоры? Ведь и Рая Хван вовсе не глупый и не злой человек. Человек с характером и мнением, и вполне определенными небезынтересными суждениями о жизни. Я рассказываю об этом подробно только для того, чтобы нам всем было легче разобраться в случившемся. Рая Хван и почти все ее одноклассники в седьмом начали, возможно, неосознанную войну за место своего собственного «Я» в общем «МЫ». И Рае, и другим стало теперь важно, чтобы все окружающие разглядели, наконец, что и они — Рая, Эльвира, Азиза, Катя—могут не меньше Светы и ничуть не хуже ее. А может быть, даже лучше?! Но бороться за свое собственное «Я» с достоинством они не умели. Не умели, потому что никогда не пытались видеть себя со стороны, не учились вставать на точку зрения другого. И они принялись утверждать себя отрицанием другого...

Время шло. Девочки, как пишет Шахло, постоянно «задевали друг друга словами». Они уже не соглашались «с ЕЕ придуманными делами». Они не признавали дружбы Светы с Сашей Жаровой, Ирой Афанасьевой, а позже и Ирой Шапазовой. Они воспринимали эту дружбу как вызов. И они, по свидетельству той же Шахло, «носили в душе обиду, как черное пятно».

Света в конце седьмого класса уехала в Ташкент, куда направили работать ее отца. Летом, уже без Светы, они всем классом ездили помогать собирать хлопок. И не ссорились, и все вроде бы успокоилось. Но «черное пятно обиды не исчезало». И каждую секунду время от времени устанавливающийся мир мог взорваться новой ссорой.

«Наш «мир» длился недолго,— пишет **Саша Жарова.**— На зимние каникулы приехала Света. Как раз в тот день, когда весь класс собирался у Иры Афанасьевой на новогодний «Огонек». Мы так долго ждали ее, мы так радовались встрече, мы не знали, как поступить, и пошли вместе со Светой к Ире. Как мы могли поступить иначе? Нас встретили возгласами: «А, та дура приехала!» У нас все настроение пропало, и мы ушли. После каникул с нами никто не разговаривал. И снова начался весь этот ужас...»

«Только мы сели к столу,— вспоминает **Катя Семыкина,**— слышим звонок. Ирина мама пошла открывать дверь. А там — Марунич. Ну и Жарова с Шапазовой. Мы, конечно, расстроились. А Марунич, как ни в чем не бывало, смеется. Обидно стало, ну, я не выдержала и сказала: «А, эта дура приехала». Она посмотрела на меня и вышла в другую комнату. Потом они вообще ушли. Зачем, зачем они привели ее? Неужели они это сделали назло? Мы же просили ее не приводить!»

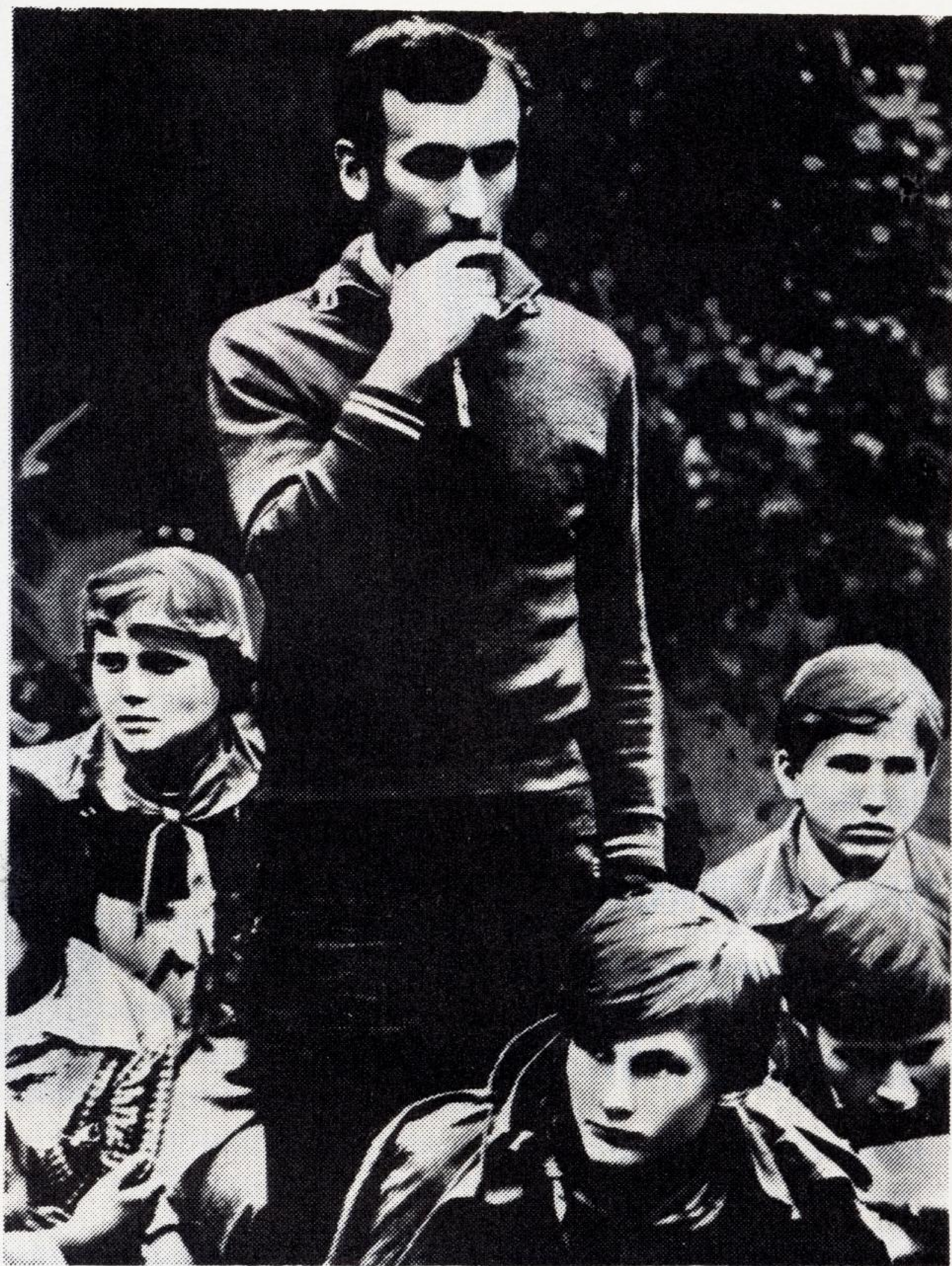
Видите, никто не захотел понять другого. И именно этим пониманием проконтролировать свои действия. А такое понимание необходимо каждому, как пища, как воздух. И как самозащита.

Света, Саша и две Иры ничего не делали назло, ничего не демонстрировали. В седьмом классе они интуитивно потянулись друг к другу, почувствовали, что им особенно хорошо вместе. Как-то само собой возникла игра в Трех Мушкетеров, Саша — Атосик, Ира Афанасьева — Портосик, Ира Шапазова — Арамисик, ну а Света — Света, разумеется, Д'Артаньян. Мушкетеры, готовые по первому зову прийти на помощь товарищу. А помощь в седьмом, как никогда, оказывалась нужной. Помощь не любого — близкого человека. В душевных метаниях, в сердечных тайнах, в установлении контактов с внешним миром и самим собой.

Я не имею права цитировать письма Светы и Саши, но мне позволено было их прочитать. И я наслаждалась их высоким юношеским откровением, чистотой чувств, переполнявших девочек, уважительностью и нежностью их отношений.

То, что состоялось между ними в седьмом, не могло стать общим для класса. У всякого человека есть право на личную дружбу, и это право глупо оспаривать. Дружба вдвоем, втроем, всемером не мешает, напротив, должна помогать дружить всем классом.

Если попробовать понять четырех девочек? Они так истосковались по своей подруге, так ждали встречи после долгой разлуки. Им так хотелось принести свою радость всем, ко всем привести Свету... А тем, другим, так не хотелось ее видеть. Так хотелось поскорее забыть прошлое. И они так просили Свету к ним не приводить... У каждого была своя маленькая правда, и все слепо настаивали на своей правоте и сейчас настаивают. И в поисках этой невеликой правды, этой долгожданной собственной правоты, теряют и теряют друзей, дружбу и самих себя.

Кто прав? Кто виноват? Где Истина?

В народе говорят: «Нет худа без добра», «Все что ни делается, все к лучшему». Если хорошо подумать, откроется великий смысл народной мудрости.

Если это самое «худо» позволяет человеку, пусть дорогой ценой, приобрести жизненный опыт, тонкое чутье, неторопливость и осторожность в суждениях, снисхождение к другим столь же великое, сколько к себе самому,— это уже «добро».

Если все худшее, что происходит с нами, снимает бельмо с наших глаз, освобождает нашу душу от черствости, делает более восприимчивым к боли, чувству и мысли другого,— пусть не прост этот путь, он ведет к лучшему.

Может быть, вовсе не там ищем мы Синюю птицу? Потому и не удается нам приблизиться к ней?

Кто прав? Кто виноват? Где Истина?

«Я столько всего передумала за эти два года»,— с горечью говорит **Света Марунич.**

«За эти два года я так много плакала и думала тоже»,— пишет **Саша Жарова.**

«Раньше я думала, что все это пустяки, и все мы преувеличиваем,— признается **Азиза Умерова,**— а сейчас я все пытаюсь понять: где, когда, кто из нас ошибся. И все время об этом думаю».

Так, может быть, тот и прав, кто неустанно думает, кто не дает себе успокаиваться, кто в вечном поиске Истины? И жалок тот, кто пытается словить Синюю птицу, чтоб усадить ее в клетку рядом с собой? И такое ли это наслаждение — раз и навсегда завладеть Синей птицей?

Фотографии В. КРУПСКОГО

Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

В Москве, на Новой площади, в доме №6, находится главный штаб пионерии — Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина (ЦС ВПО имени В. И. Ленина). На третий этаж этого дома нельзя входить без волнения — здесь размещается небольшой зал пионерской Славы: редкие фотографии первых пионерских отрядов в городе, на селе, первые номера журналов «Барабан», «Пионер», «Вожатый», «Вожак», «Дружные ребята», фотографии пионеров-героев, пионерские значки, медали, вымпелы, книги по истории пионерской организации, тексты Указов Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении пионерской организации двумя орденами Ленина.

В этом боевом штабе советской пионерии постоянно идет работа, чтобы отряды и дружины с каждым годом жили еще лучше и интереснее. Сюда приезжают делегации пионеров всех союзных республик. Здесь принимают зарубежные делегации детских демократических организаций мира.

Партия коммунистов создала пионерскую организацию, и она руководит ее работой, проявляет отеческую заботу о юных ленинцах. Постоянное руководство деятельностью пионерской организации по поручению КПСС осуществляет Ленинский комсомол. ЦК ВЛКСМ создал ЦС ВПО имени В. И. Ленина, который повседневно руководит работой пионерской организации. В его составе — герои пятилеток, ветераны войны и детского коммунистического движения, видные писатели, художники, композиторы, комсомольские и пионерские вожаки, журналисты, спортсмены — всего 87 человек.

Каждый год на пленуме (заседании) ЦС ВПО имени В. И. Ленина они сообща определяют самые главные задачи, которые призваны решать пионерская организация, каждый отряд и каждая дружина.

ЦС ВПО имени В. И. Ленина разрабатывает программу Всесоюзного марша пионерских отрядов, проводит Всесоюзные слеты пионеров, где сами ребята обсуждают итоги своей работы, намечают планы. ЦС ВПО имени В. И. Ленина имеет Книгу почета пионерской организации, Почетную грамоту и значки «За активную работу» и «За активную работу с пионерами», которыми награждаются юные ленинцы и друзья пионеров. Вместе с ЦК ВЛКСМ Центральный Совет издает для юных читателей центральные издания — газету «Пионерская правда», а также журналы для вожатых, пионеров, октябрят и дошкольников.

Между пленумами практическими делами занимается Бюро ЦС ВПО имени В. И. Ленина. Оно обобщает лучший опыт пионерских коллективов, районных, городских, областных и республиканских организаций, намечает очередные мероприятия, в которых участвуют затем миллионы юных ленинцев. На заседания Бюро приглашаются и юные пионеры тех дружин, чей опыт признается интересным для остальных. Каждый пионер имеет право обратиться в Центральный Совет с любым вопросом и всегда получит ответ.

ЦС ВПО имени В. И. Ленина поддерживает постоянные связи с СИМЕА, с детскими демократическими организациями всех континентов, вместе с которыми прошли международные праздники и фестивали «Салют, Победа!», «Пусть всегда будет солнце!» и другие.

Вот уже двадцать пять лет работает ЦС ВПО имени В. И. Ленина — боевой штаб пионерии Страны Советов.

Запомни адрес ЦС ВПО имени В. И. Ленина: 103012, Москва, Новая площадь, 6.

В. РАЗУМНЕВИЧ,
лауреат Всероссийского конкурса на лучшую книгу для детей

СПАСИБО СТАРШЕМУ БРАТУ

Недавно мне довелось побывать в одной из автономных республик — в Чувашии, где до революции люди жили в постоянной нужде, ходили в лаптях, пахали землю обрубком сосны, часто болели трахомой и слепли.

Безвозвратно ушли в прошлое и эти болезни, и эта нищета. Чуваши сделали свой край промышленным. Отсюда на предприятия страны идет аппаратура, без которой не выпустишь ни капрона, ни лавсана. В Чувашии и модную одежду шьют из красивейших тканей, которые изготовляют на своих фабриках. Вступили в строй крупнейший тракторный завод, Чебоксарская ГЭС...

В республике, где шестьдесят лет назад большинство людей ни читать, ни писать не умели и ставили вместо своей подписи черный крестик на бумаге, теперь неграмотных нет.

Чувашская АССР — в числе передовых наших республик, недаром на ее знамени сияют три ордена: орден Ленина, орден Октябрьской Революции и орден Дружбы народов.

Рассказ Петра Григорьевича

В этой поездке я встретился с моим давним другом — чувашским тележурналистом и писателем Петром Григорьевичем Маркиным.

Над городом сияло солнце, и мы отправились побродить по улицам Чебоксар — столицы Чувашии. Петр Григорьевич рассказывал мне о своей жизни, о детстве, о нелегкой судьбе своей семьи... Пройдя вдоль огромного — во всю ширь площади — белоколонного Дома союзов, мы свернули налево и подошли еще к одному светлому зданию с колоннами — Чувашскому педагогическому институту имени Ивана Яковлевича Яковлева. Имя Яковлева — знаменитого чувашского педагога — широко известно в республике.

— Руководил Иван Яковлевич и Симбирской учительской семинарией,— рассказывал мне Петр Григорьевич,— куда много лет назад поступала моя мама. Но пробыла она там недолго: когда отец узнал, сколько за учебу надо платить, забрал ее обратно. Денег таких в бедной крестьянской семье не было.

Вскоре маму выдали замуж, и ей пришлось целиком посвятить себя детям. Нас у нее было девять человек. Двое маленькими заболели и умерли. В селе не было ни врача, ни санитарки. Не случись революции, наверно, все бы поумирали с голоду и от болезней. Советская власть нас выручила. Четверо получили высшее образование, остальные — среднее специальное. Каждый нашел себе работу по призванию. Мама на нас нарадоваться не могла. Когда маме было уже семьдесят пять лет, она, совершенно больная, попросила меня сводить ее вот сюда, в этот институт, где я тогда учился. И мы пошли. Увидев громаду коридоров, множество аудиторий, мама расплакалась. «Вот где ты учишься ныне,— сказала она.— Ведь и я бы могла...» Каждый раз, вспоминая маму, я вспоминаю и эти ее слова. Сравниваю ее жизнь со своей и поражаюсь, до чего далеко шагнула наша республика, наша страна при Советской власти.

Петр Григорьевич помолчал...

— А грамотность еще до революции пришла к нам из России — от передовых русских людей. Чуваши всегда высоко ценили тех, кто нес их народу знания и просвещение, и прежде всего отца Ленина — Илью Николаевича Ульянова. Он был директором народных училищ Симбирской губернии. В состав этой губернии входила тогда и Чувашия. Именно по настоянию Ильи Николаевича были открыты школы во многих чувашских селах, он добивался, чтобы дети получали там знания. Надо было бороться с царскими чиновниками, которые хотели все земские школы превратить в церковноприходские, по существу, свести учебу к усвоению молитв. А про талантливого чувашского математика Никифора Охотникова слышали, конечно? Дорогу в гимназию ему открыл Илья Николаевич, а к экзаменам в университет подготовил шестнадцатилетний сын Ульянова — Владимир Ильич. После революции Владимир Ильич помогал и нашему Ивану Яковлевичу Яковлеву, создателю нового чувашского букваря. Именно ему, претерпевшему немало от царизма, поручил Ленин возглавить работу по ликвидации безграмотности в республике чувашей.

За то, что я, чуваш, ныне счастлив, читать-писать обучен, от души говорю спасибо старшему брату — русскому народу. И не только я. Весь народ благодарит.

Родные

Слушая рассказ Петра Григорьевича, я думал о том, как причудливо жизнь переплетает человеческие судьбы, как широко может отразиться порой в одной судьбе, в одной семейной биографии все то великое, замечательное, что произошло за долгие годы в жизни целой страны.

Наш разговор с Петром Григорьевичем мне

вспомнился и на вечере, который состоялся в те же дни в Чебоксарах, в Доме политического просвещения. Литературный вечер назывался «Союз нерушимый республик свободных».

Среди выступавших была и Мария Павловна Прилежаева. Бывшая учительница, автор замечательных книг для детей о Ленине, она рассказала о том, как в голодном 1921 году по заданию Владимира Ильича москвичи спасали от гибели чувашских ребятишек.

...В Чувашии и во всем Поволжье выдалась тогда исключительно лютая зима. Погибли на корню озимые посевы. Страшным оказалось и лето — без единой капли дождя. Горячая, выжженная солнцем земля покрылась трещинами. Людям нечего было есть, они умирали от голода. «Восемь миллионов детей Поволжья обречены на гибель. Товарищи, помогите!» — взывала о помощи газета «Беднота».

И Советское правительство по предложению Ленина приняло решение: спасти во что бы то ни стало умирающих детей! Из голодных чувашских деревень привезти их в Москву, а в столице и ее окрестностях создать для них специальные детские дома.

Первое время детей размещали в одном из московских барских особняков. Но в столицу приходили новые эшелоны, набитые исхудалыми, обессиленными детьми. Для детского дома, где воспитательницей работала Мария Павловна Прилежаева, нашли более просторное помещение под Москвой. Чувашских ребятишек разместили в бывшем Хотьковском монастыре.

Больные, беспомощные, с усохшими, почернелыми личиками, эти дети нуждались в особых условиях, в особом внимании. Дружный коллектив педагогов, московских и чувашских, делал все возможное, чтобы вернуть малышам здоровье, радость, веру в жизнь.

Шли дни, недели, месяцы, и монашеские кельи, где никогда прежде не звучал смех, наполнялись звонкими детскими голосами, музыкой, весельем. В длинном зале бывшей трапезной возле пианино, которое поставили здесь, чувашские пионеры разучивали революционные песни и пели их по вечерам.

Советская столица, как и вся страна, в ту пору жила трудно, голодно. Но москвичи по-братски делились с чувашскими детьми своими тощими пайками. Сами недоедали, а детям несли порой последний кусок. Позже к чувашским детям присоединились еще и малолетки из других голодных губерний, ребята разных национальностей. Детский дом стал маленькой ячейкой многонационального государства.

Окрепли, повеселели дети, пришла пора им возвращаться домой, в родные края. И вдруг в один из вьюжных январских дней 1924 года дошла до старых монастырских келий трагическая весть — умер Ленин. Услышав скорбный паровозный гудок, дети и воспитатели вышли во двор и замерли в молчании, прощаясь с человеком, который помог сохранить им жизнь, подарил радость, с человеком, которого они так любили! Тут же на пронизывающем ветру стояла и Мария Павловна Прилежаева...

Вспоминая на вечере дружбы те давние годы, Мария Павловна сказала:

— В нашем детском доме чувашские и другие дети часто с любовью повторяли два имени, близкие их сердцам,— Ленин и Крупская. И вот о чем я сейчас думаю: может быть, не случайно, что именно чувашских ребятишек первыми приняли Москва и Московская губерния? Мы знаем, с какой нежностью относился отец Ленина, Илья Николаевич, к великому земляку вашему Ивану Яковлевичу Яковлеву, знаем, как высоко ценил педагогические заслуги этого человека — творца чувашского алфавита — Владимир Ильич. Вспоминаю учеников Яковлева — чувашских педагогов, работавших вместе со мной в детском доме,— супружескую чету Смирновых: дядю Ваву и тетю Груню. Были мы тогда все молоденькими, душа в душу жили. Я и по сей день переписываюсь со Смирновыми. Они живут у вас, в Чувашии, в Цивильском районе. От них-то я и услышала про сердечную дружбу Яковлева с семьей Ульяновых. Про то, как поддерживал он мать Владимира Ильича в страшный год ее жизни — в год казни сына Александра... Может быть, сейчас в этом зале сидят те, которым в лихую годину Москва сберегла жизнь. Знайте: я всех вас люблю искренне, как своих детей, хотя теперь-то вы уже далеко не дети. Но сердце друга, проверенное в беде, навсегда сохранит верность вам, родные мои люди. Родные... Да, я не оговорилась — всех нас с вами породнил великий закон братства!

...Возвращаясь с вечера дружбы, мы снова шли по улицам Чебоксар. На мемориальной доске одного из старинных особняков мы прочли надпись, сделанную по-чувашски и по-русски: «Здесь 9 июня 1919 года выступила с речью перед трудящимися города Н. К. Крупская». И я вспомнил строки из записок Надежды Константиновны о поездке в Поволжье. Она рассказывала Владимиру Ильичу, как жители здешних городов тепло принимали участников агитрейса, как интересно выступали на многолюдных митингах представители поволжских народностей, горячо поддерживая Советскую власть. Та великая нерушимая дружба, которая зарождалась тогда, на веки вечные связала разные народы нашей страны, открыла перед ними светлую дорогу к счастью.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Чем занимаются индейцы?

Ученик. Бегают по лесу.

Вася Мещеряков,
Калмыцкая АССР

* * *

Учительница. (Показывает на карте одну из параллелей.) Что это такое?

Ученик. Параллель...

Учительница. А точнее...

Ученик. Меридиан.

Юля Спирова,
Ленинград.

* * *

Учитель. Расскажи о населении пустынь.

Ученик. В пустынях население редкое. Лишь изредка попадаются стада верблюдов и кочевников.

Наташа Стройкова,
г. Куйбышев.

НА УРОКЕ ХИМИИ

Учительница. Назови какой-нибудь металл.

Ученик. Гвоздь.

Алеша Рукавишников,
г. Киров.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Назови простое слово.

Ученица. Каникулы.

Роза Юмашева,
г. Чебаркуль.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Куда отправился Александр Македонский после завоевания Персии.

Ученик. Вперед!

Оля Кобец,
г. Макеевка.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница. К какому виду растений относится крапива?

Ученица. К жгучим.

Люда Шторм,
с. Семиозерное,
Кустанайская область.

Из школьных сочинений

«Вокруг стояли растерянные лица».

«У моей подруги глаза темно-светло-карие».

«Феодал, получив много подарков, улыбался на все четыре стороны».

«Рискуя простудиться, он был вежлив».

«Иудушка Головлев был профессиональным подхалимом».

«Он был сильным и смелым, но боялся щекотки».

«Эта книга находится в среднем возрасте, а я еще в младшем».

«Из этой книги я узнал столько слов и глаголов, что даже в голове не умещается».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Ведет журналист-международник П. ГРИГОРЬЕВ

СЕГОДНЯ В ВЫПУСКЕ:

- Почему ЮАР напала на Анголу?
- Большой отряд советских специалистов трудится более чем в пятидесяти странах Азии, Африки и Латинской Америки.
- Где готовят специалистов «Ковослужбы»?
- Лос-Анджелес — «столица убийц».

8 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Я счастлива, что учусь в СССР!

Анна-Мария МОУРАО,
студентка IV курса физического факультета МГУ

Я родилась в Лиссабоне, в семье агронома. Из всех детей я самая старшая. У меня еще есть сестра и два брата. Живем мы очень скромно. Другие родители послали бы меня после окончания школы зарабатывать деньги. На ткацкую фабрику, например, или в ресторан прислугой... В небогатой португальской семье для девочки считается удачной любая работа, лишь бы приносила в дом деньги. Однако отец и мать очень хотели, чтобы не только братья, но и мы с сестрой пошли учиться. Мама когда-то поступала на физический факультет университета. Но через некоторое время ей пришлось оставить занятия. У нее не было средств, чтобы продолжать учебу. Свою любовь к физике она передала мне. Я мечтала стать физиком, получить хорошее образование. Но буржуазное общество ставит слишком много препятствий на пути женщины, которая хочет стать ученым.

В нашем классе было несколько политических группировок. Я знала, что именно коммунисты выступают за справедливость и равноправие. Поэтому вступила в школьную организацию молодых коммунистов и вскоре была избрана в комитет. Мы митинговали, дрались с фашистами, обличали педагогов-реакционеров, участвовали в демонстрациях, пели «Интернационал»... Однажды секретарь нашего комитета спросил меня: «Ты хотела бы учиться в Советском Союзе, в МГУ?» Учиться в МГУ? Тогда мне это казалось невероятным. Но на всякий случай я сдала документы. Сдала и скоро забыла о них, настолько казалась мне эта поездка нереальной.

И вдруг секретарь говорит: «Вот тебе билет Аэрофлота. Москва ждет!»

Сначала было страшно. Ни языка, ни людей, ни страны я не знала.

На первых порах трудно давалась учеба. Я по восемь часов занималась русским языком, но на лекциях и семинарах по физике и математике просто ничего не понимала!

В самый тяжелый момент моей жизни ко мне пришли на помощь советские товарищи. Один из преподавателей вызвался заниматься со мной дополнительно по специальным предметам. Вместе с сокурсницами, девочками из нашего общежития, я осваивала премудрости русского языка. А те, кто не мог помочь в учебе, просто старались подбодрить. И вот теперь я учусь на четвертом курсе.

Скоро буду готовить дипломную работу. Я счастлива, что у меня много советских друзей, что я учусь в СССР — стране Великого Октября.

У ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

Почему ЮАР напала на Анголу?

В то раннее сентябрьское утро дети, как обычно, спешили в школу, мужчины шли на работу, женщины торопились на базар. И никто из жителей Кунене, самого большого города на юге Анголы, не подозревал, что через несколько минут на их головы обрушатся юаровские бомбы.

Расисты бомбили и обстреливали все населенные пункты юга республики. Целые деревни и города были стерты с лица земли. Тот, кто не погиб от бомб, был раздавлен гусеницами танков или пал от пуль. Южноафриканские расисты не щадили никого. Всех убитых женщин, детей

и стариков они объявляли террористами, которые будто бы нелегально переходят границу ЮАР и ведут против нее партизанскую войну. Однако любой школьник может уличить их во лжи. Надо лишь посмотреть на карту юга Африки: у ЮАР нет общей границы с Анголой! Почему же тогда расисты напали на республику?

Анголу отделяет от ЮАР Намибия. Эта страна имеет богатейшие залежи полезных ископаемых. Намибию давно оккупировали юаровцы, а ее богатства безжалостно расхищаются не только расистами из Претории, но и капиталистами США, Канады, Англии, Франции и ФРГ. Организация Объединенных Наций, все прогрессивные люди давно требуют вывести южноафриканские войска из Намибии. Но ее оккупация продолжается. Намибийцев, которые недовольны расистским режимом, бросают в тюрьмы и концлагеря, расстреливают без суда и следствия. Поэтому истинным патриотам ничего другого не остается, как взяться за оружие. И в этой борьбе их поддерживают соседние с Намибией государства, народы которых уже освободились от колониального господства. Одно из них — Ангола.

Агрессоры из ЮАР на ангольской земле.

Среди независимых республик юга Африки это государство самое большое и самое сильное. В Анголе успешно развивается промышленность и сельское хозяйство. Ее экономика не зависит от юаровских монополий. Дружба с социалистическими странами помогает Анголе проводить независимую политику. Кроме того, молодая республика старается помочь своим менее сильным соседям освободиться от экономической кабалы ЮАР. Это злит не только южноафриканских расистов. Президенту США Рейгану всюду мерещится «коммунистическая опасность». И любой народ, борющийся за свою независимость, тут же превращается для него в «агентов Москвы». Конечно, без поддержки США южноафриканские расисты никогда бы не отважились на такую наглую агрессию против Анголы.

МАРШРУТАМИ ДРУЖБЫ

ДОКТОР ЛЕОНИД

Когда хирурга Леонида Блатуна назначили руководителем интернациональной бригады врачей в Эфиопии, он и не подозревал, что на него свалится столько обязанностей. Пришлось быть и переводчиком, и завхозом, и руководителем курсов повышения квалификации медсестер и фельдшеров, и организатором народных торжеств, и капитаном футбольной команды, и воспитателем, ну и, конечно же, хирургом.

Он мог бы остаться работать в одном из госпиталей Аддис-Абебы — столицы Эфиопии. Но советский врач рассудил по-другому. Как раз к приезду его бригады южная провинция страны Каффа осталась без врачей.

— От нас ждут помощи два с половиной миллиона жителей провинции,— сказал Леонид своим коллегам.— Я не могу никому приказывать... Но лично я еду в Каффу.

Его решение поддержали остальные члены бригады: кубинец Гонсалес, болгарин Василев, чех Рубеш и поляк Хайдук.

В госпитале города Джиммы, центра провинции Каффа, бригада обнаружила два стареньких рентгеновских аппарата и кое-какие инструменты. Не хватало оборудования, медикаментов, квалифицированных медсестер. Вначале бригаде пришлось тяжело, каждый работал за двоих, а то и за троих: принимал больных, делал операции, обучал медицинский персонал, ездил на вызовы. Но постепенно жизнь в госпитале наладилась, а доктор Леонид и его коллеги завоевали авторитет у местных жителей.

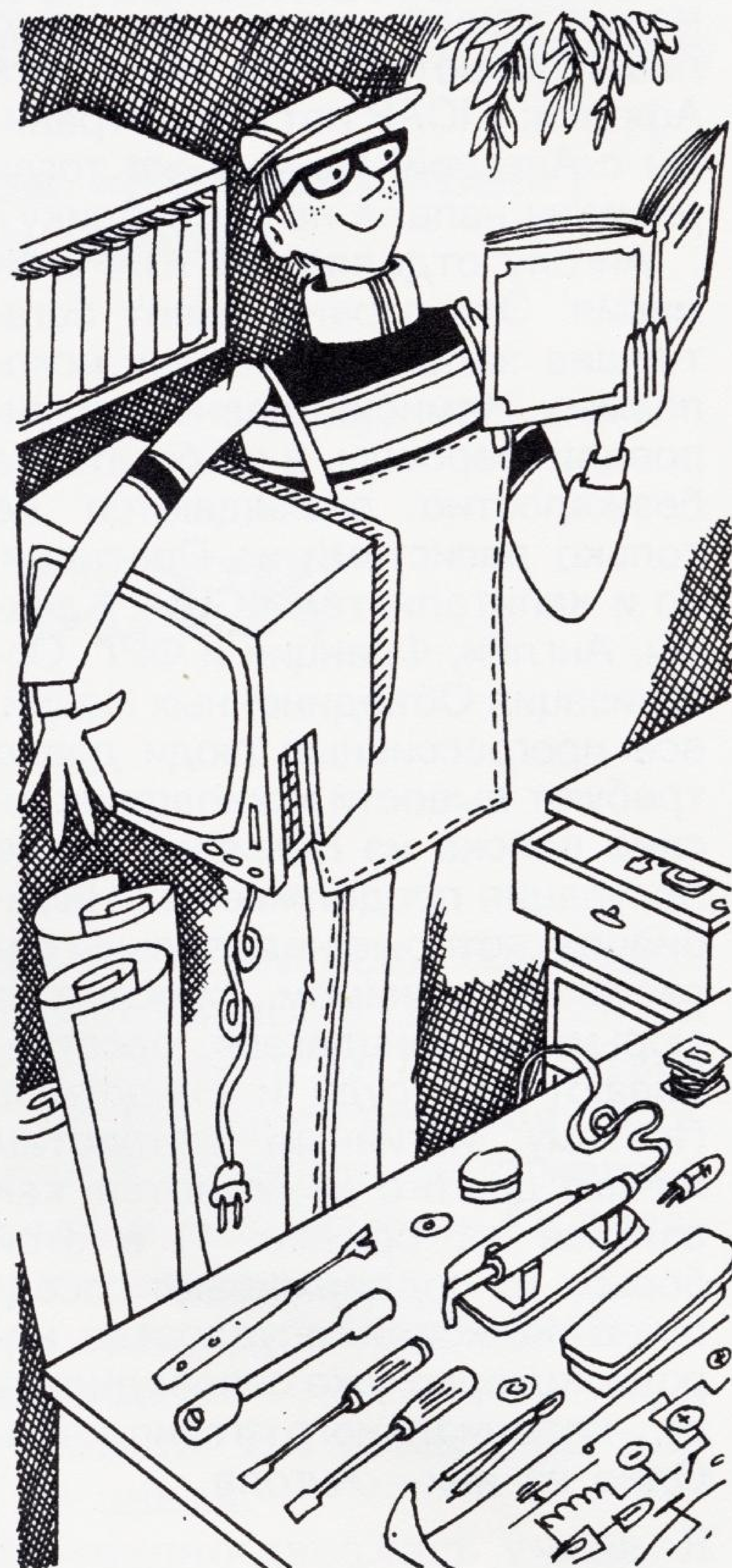
Однажды во время операции потребовалось сделать срочное переливание крови. Доктор Леонид обратился за помощью к населению Джиммы, и вскоре появился донор. А через день при госпитале была организована целая донорская группа.

Приезд советского доктора совпал с образованием Революционной молодежной ассоциации Эфиопии. В поселках провинции стали открываться библиотеки и молодежные клубы. И конечно же, местным активистам ассоциации очень хотелось знать об опыте Ленинского комсомола, о том, как создавался Союз молодежи в Советской России. Доктора Леонида приглашали выступать на все митинги и собрания, а его комната превратилась в библиотеку.

Но и это не все. В республике началось массовое физкультурное движение молодежи. Доктор Леонид тоже не остался в стороне. Он надевал шорты, кеды и выбегал на футбольное поле или волейбольную площадку. А с ним и его интернациональная бригада.

Окончился срок командировки. Блатун вернулся в Москву. Его товарищи по бригаде уехали на родину. А жители Джиммы, проходя мимо госпиталя, до сих пор вспоминают: «Здесь работал доктор Леонид и четверо его коллег...»

Чтобы стать хорошим механиком...

Статистика утверждает: каждый житель Праги самое малое дважды в год прибегает к услугам «Ковослужбы». Это известное чехословацкое предприятие может отремонтировать все: от телевизора и холодильника до огнетушителя. Механики «Ковослужбы» издавна считаются умелыми специалистами. А готовят их в училищах. Недавно в Праге открылось новое для «Ковослужбы» училище — среднее профессиональное (СПУ).

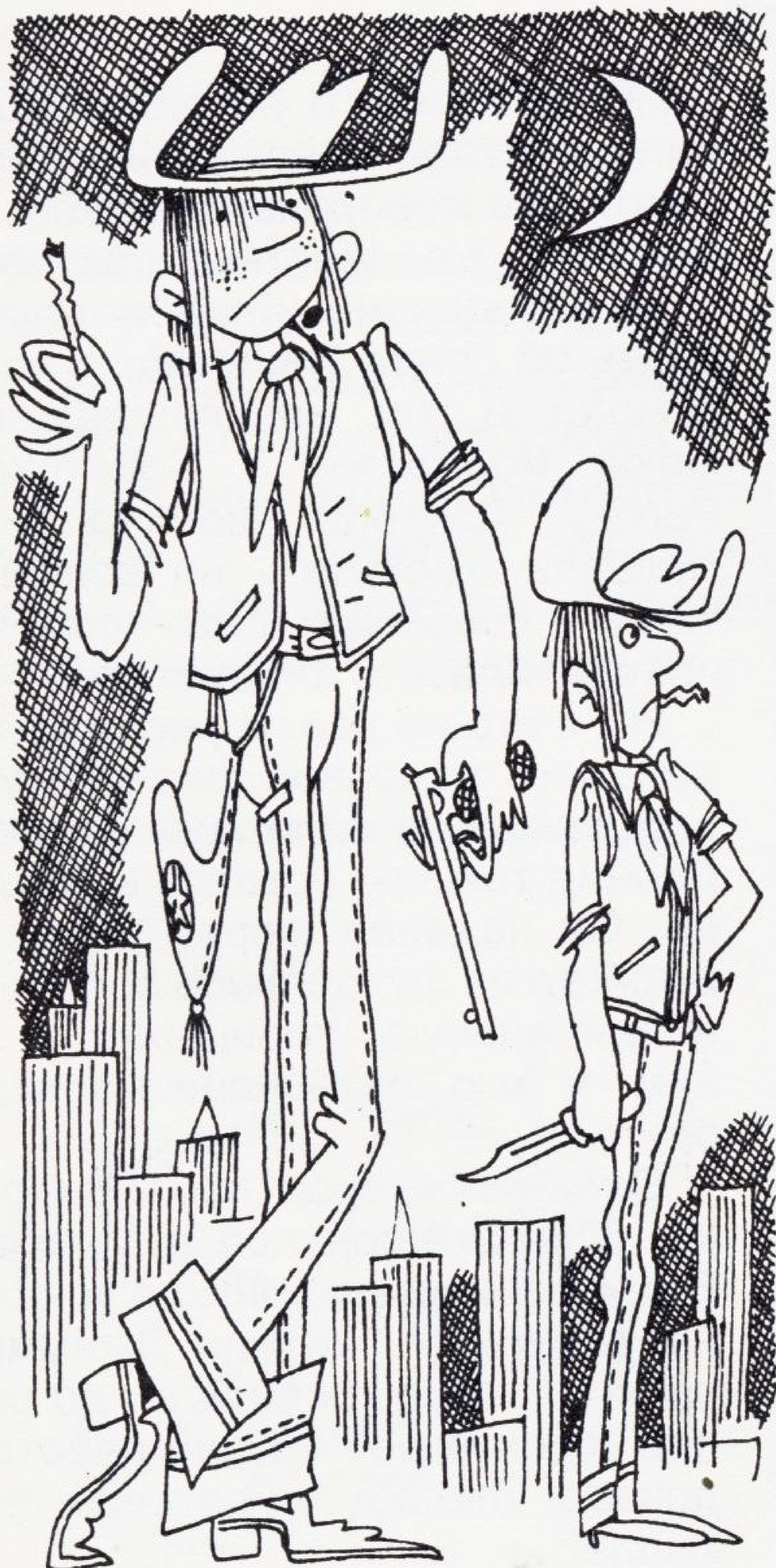
Восемнадцатилетний Людок Сохор был в числе первых выпускников нового СПУ. «Конечно,— говорит он,— когда поступал в училище, сомневался, а правильно ли я делаю? Но первые же месяцы учебы развеяли сомнения. В училище я понял, что современному мастеру мало овладеть секретами ремесла. Нужно все время работать над собой, много читать, интересоваться техническими новинками».

СПУ, которое успешно окончил Людок, дает выпускникам и специальность и среднее образование. Такие училища появились в Чехословакии сравнительно недавно, но быстро завоевали популярность у ребят.

Здесь преподают опытные мастера и педагоги. Такие, как Ярослав Книже. Он тридцать лет учил ребят в обыкновенной школе, прежде чем перешел в СПУ «Ковослужбы» и стал его директором.

— Чтобы стать хорошим механиком,— говорит он своим воспитанникам,— мало знать только технику. Нужна еще культура. Учитесь читать не только чертежи, но и толстые книги.

ПОДРОСТКИ ИЗ «СТОЛИЦЫ УБИЙЦ»

Родину нынешнего президента Рейгана Лос-Анджелес американцы называют «столицей убийц». Полиция насчитывает в городе более трехсот шаек, которые объединяют тридцать тысяч юношей и подростков. В основном это дети безработных из черного гетто, из мексиканских и пуэрториканских кварталов.

— У нас в квартале ты либо член шайки, либо никто,— говорит восемнадцатилетний Куинте Эстес. Сам он вступил в шайку в одиннадцать лет.

Ежегодно подростки Лос-Анджелеса совершают более двух тысяч преступлений. «Они охотятся за теми, кто ездит в роскошных машинах и посещает дорогие рестораны,— объясняет лейтенант полиции Роберт Мартин, возглавляющий специальное подразделение по борьбе с гангстерами.— Они убивают не для того, чтобы ограбить, а потому, что вы богач. Им не нужны ваши деньги».

Да, черные и цветные мальчишки Лос-Анджелеса не имеют возможности учиться, живут они в грязных гетто. Погубленное детство — вот что толкает их на преступление.

Тем временем президент США Рейган, который еще недавно был в этих краях губернатором, выбрасывает миллиарды долларов на гонку вооружений. И власти Лос-Анджелеса вместо строительства новых школ для ребят из гетто увеличивают полицейский персонал. На большее у них нет ни средств, ни желания.

Ох, уж эти габровцы!

Народная легенда гласит, что в 1393 году, когда пало второе болгарское государство, боярыне Божене удалось спастись от турецкого плена и укрыться с детьми в балканских горах. Ее старший сын, никогда не унывающий Рачо, взял на себя заботу о пропитании семьи. На берегу реки Янтры под ветвистым грабом он построил кузницу. Заслышав стук его молота по наковальне, путники сворачивали с дороги. И не только чтобы подковать лошадей или подправить повозку, но и послушать шутки Рачо, подхватить его острое словцо. Так с веселой кузницы и начался нынешний город Габрово.

Теперь это один из индустриальных центров Болгарии. Во многие страны мира он поставляет свои ткани, обувь, станки, электрокары, электронно-вычислительные машины... и шутки. В них высмеивается жадность и восхваляется находчивость. Судите сами.

Приехал габровец в Софию навестить своего сына-ученика, а тот спешит ему похвалиться:

— Папа, я сегодня сэкономил три стотинки! (Стотинка — самая мелкая монета.)

— Молодец, сынок! Как же ты ухитрился?

— Утром я не сел в трамвай, а чтобы не опоздать на урок, бежал за ним до самой школы.

— Чудак! Надо было бежать за такси, сэкономил бы больше!

* * *

— Папа, мне приснилось, что ты мне купил маленькую шоколадку.

— Если будешь слушаться, то тебе приснится, что я купил большую шоколадку!

* * *

— Папа, выбивая ковер, я нашел стотинку. Что делать?

— Продолжай выбивать!

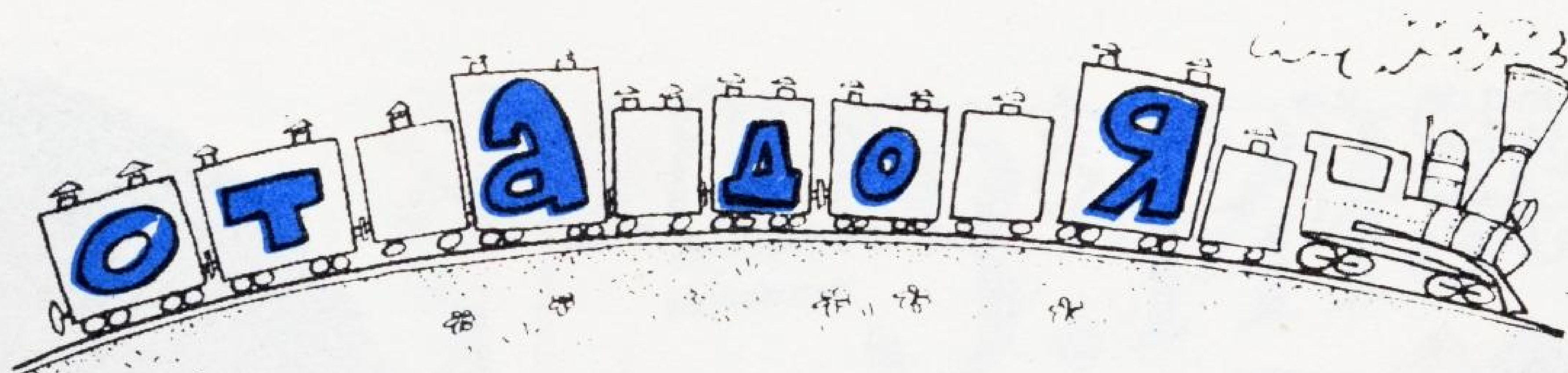
* * *

Учитель спросил ученика, почему он пропустил занятия.

— Позавчера мама выстирала мои штаны...

— А вчера?

— По дороге в школу я заметил, что на веревке у вашего дома висят ваши брюки...

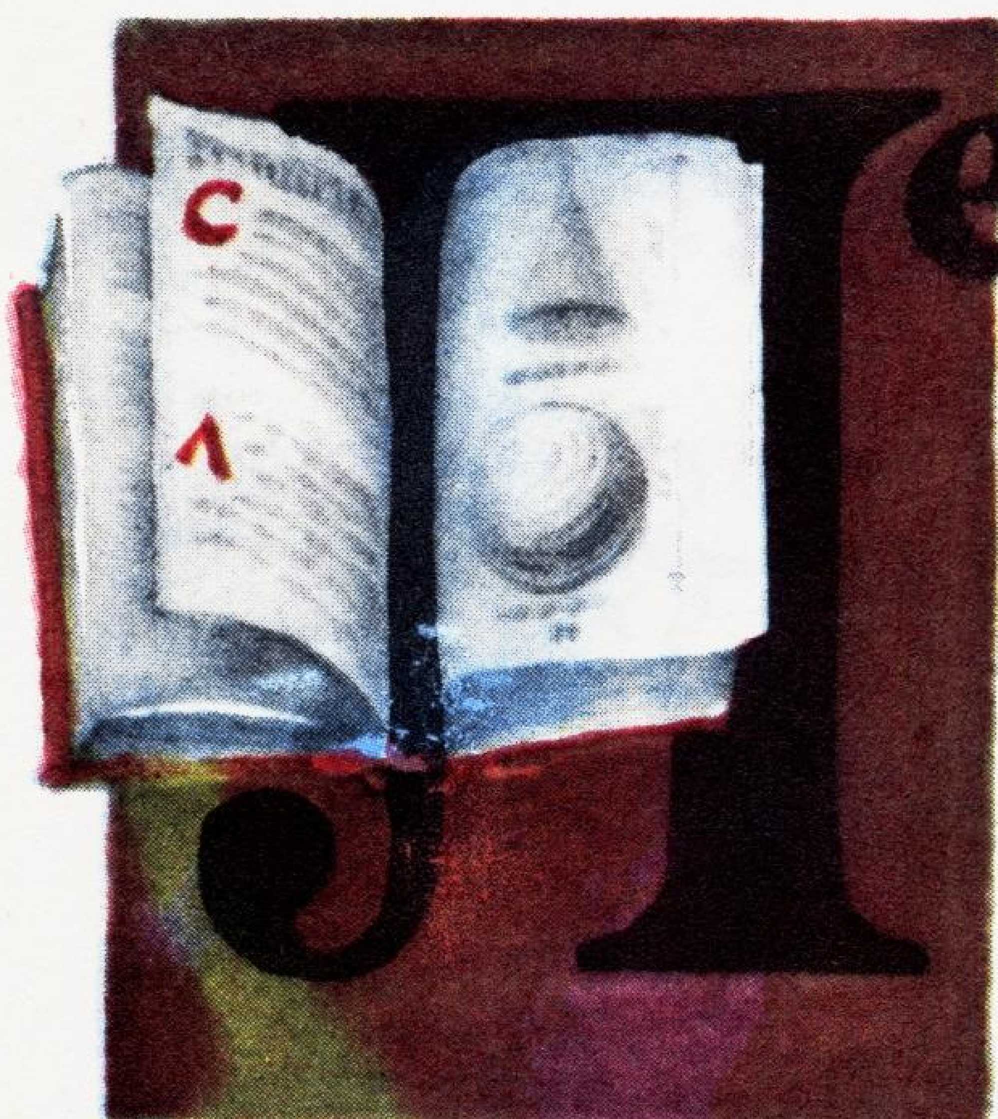

КАНЦЛЕР — так называется высшая правительственная должность в некоторых государствах. Например, федеральный канцлер ФРГ стоит во главе правительства Западной Германии.

КАРАБИНЕРЫ — отборные пехотные и кавалерийские стрелки в Италии и некоторых других странах. В Италии карабинеры выполняют роль жандармов.

РЕФЕРЕНДУМ — всенародное обсуждение важного государственного вопроса. Референдум проводит правительство. Во время референдума население страны голосует «за» или «против» предложения правительства, вынесенного на обсуждение.

Лекарство от лени?

«...Я уговорил учителя не ставить мне двойку за неприготовленные уроки, обещал выучить и завтра ответить. Но дома не мог себя заставить открыть учебник, потому что было лень. Что мне делать, если я часто ленюсь?»

Дима Руденко, г. Одесса.

«...Я учусь на «четыре» и «пять», но зато больше ничего не успеваю. И зачем нас так перегружают? Можно подумать, что все это когда-нибудь пригодится, особенно всякие глупые предметы вроде пения. А по пению, между прочим, тоже уроки задают...»

Ким Фаэ, г. Кривой Рог.

Два письма. Одно от лентяя, другое — от старательного ученика. Первое совсем короткое, второе — на трех страницах, подробное, обстоятельное: тут и перечисление заданных на дом уроков, и подсчет времени, которое уходит на каждый предмет, и жалобы на усталость и головные боли. Казалось бы, ничего общего нет в этих письмах, кроме чувства недовольства. Да и то: автор первого письма скорее недоволен собой, автор второго — жизненными обстоятельствами. Я сперва не понимала, что роднит эти письма, а потом догадалась: их авторы не любят учиться и не понимают, зачем это нужно. Только один не понимает и не учится, а другой не понимает и учится, учится «из последних сил». В чем же дело? Почему один человек может заставить себя работать, а другой нет?

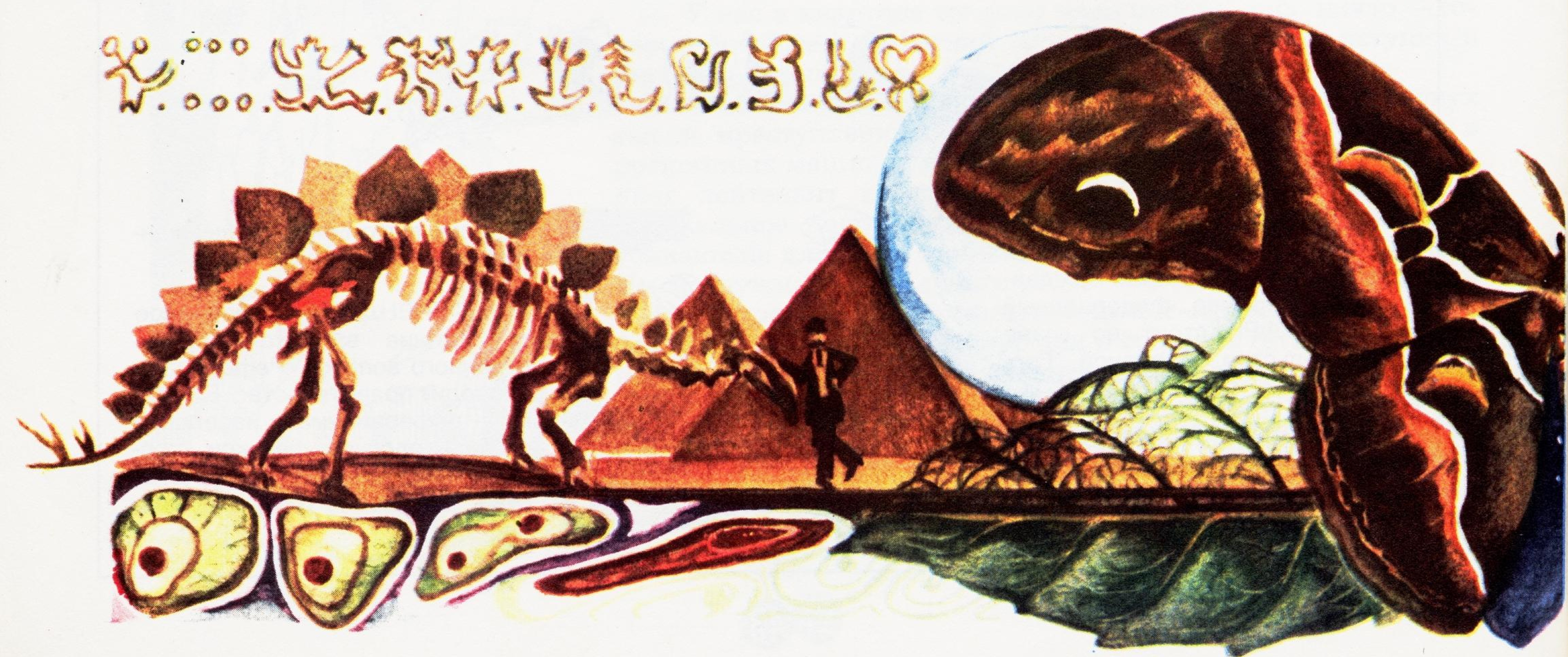
Сначала попробуем ответить на вопросы, что такое лень и, говоря языком математики, какая это величина: переменная или постоянная? Ну, что такое лень, более или менее понятно,— это нежелание что-либо делать. А как быть со вторым вопросом? Конечно же, лень — величина переменная, потому что тесно связана с понятием интереса.

Трудно себе представить, чтобы здоровому мальчику или девочке было лень гулять или играть. Но той же самой девочке бывает лень делать уроки, и причина ясна: им неинтересно учиться.

И тут встает самый трудный вопрос: что же с этим «неинтересно» делать? Существует ли лекарство от лени? Когда слышишь от родителей и других взрослых: «Ну и лентяй растет!», «Лень вперед тебя родилась», «И в кого же ты такой лентяй уродился?!» — когда постоянно слышишь эти упреки и сетования (к сожалению, справедливые), то и сам начинаешь смотреть на лень как на какое-то хроническое заболевание, неизлечимую хворобу.

И те же взрослые твердят: «Учись, надо учиться!», «Садись заниматься, невеждой останешься!», «Набирайся ума, пока голова свежая, потом не наверстаешь!». Сил нет, как надоедают своими нравоучениями...

Самое смешное (или самое грустное?), что они, эти неугомонные взрослые, абсолютно правы. Учиться действительно надо, плохо вырасти неучем. И не только потому, что культурный человек должен как можно больше знать. Когда становишься взрослым и самостоятельным, жить без этих са-

мых школьных знаний затруднительно.

Я, например, на собственном горьком опыте это поняла. Когда училась в школе, не любила физику и географию, не любила и не учила. То спишу, то по подсказке отвечу, а то и прогуляю. Вот теперь и расхлебываю... Утюг сломался — бегу к соседям за утюгом, пробки перегорели — сижу в темноте, пока муж не придет (он, на мое счастье, был отличником по физике). А про географию и говорить нечего! Каждая журналистская командировка — целое дело: куда бы я ни собиралась, приходится всех расспрашивать, где это находится, да какой там климат, да что рядом расположено, где горы, где долины... всего не перечислишь. Да что командировки! В лес одна не могу пойти погулять, потому что в свое время по географии не учила ориентирование на местности.

Чем меньше знаешь, тем больше зависишь от других людей, от обстоятельств. Вспомните «Старика Хоттабыча». Всемогущий старик волшебник был в полном подчинении у школьника Вольки только потому, что Волька, современный мальчик, знал об окружающем мире в тысячу раз больше Хоттабыча.

Конечно, нужда заставит — научишься, но способность к обучению, познавательная шустрость, что ли, действительно с возрастом утрачивается. То, на что в детстве и юности уходят часы, в зрелом возрасте приходится постигать годами. Это научно доказал крупнейший психолог XX века Жан Пиаже, а вслед за ним и многие другие. Существует в психологии такое понятие сензитивный период. Это тот возраст, в котором приобретение того или иного знания происходит легче и успешнее. Такой период для обучения как раз детский и юношеский возраст. И голова свежая, да и дел других не так уж много. Ну, дел-то, может, и хватает, но обязанностей все-таки меньше, чем у взрослых. И главная из этих обязанностей — учеба.

Я бы солгала, если бы сказала, что нет на свете ничего интереснее, чем учиться. Кому как... Неправда и то, что все школьные знания обязательно потом пригодятся. Конечно, не все. Но очень трудно угадать, что именно в такой большой жизни пригодится. Могут быть всякие неожиданности, так что чем больше про запас, тем лучше.

Хорошо тем, кому учиться интересно: у них и голова от уроков не болит, и на хроническую лень они не жалуются. Если человек с ленцой или еще хуже — отпетый лентяй, да к тому же не интересуется учебой, то он «неизлечим»? А тот, который страдает от перегрузки, так и будет страдать?

Не знаю, как вы, а я не верю в стопроцентный и мгновенный успех «исцеления» как того, так и другого.

Мне, говоря по правде, так было лень эту статью писать, что долго взяться не могла. И, может, не взялась бы, если бы не подумала: а вдруг это кому-то все-таки будет полезно? И тут потихоньку стал появляться интерес.

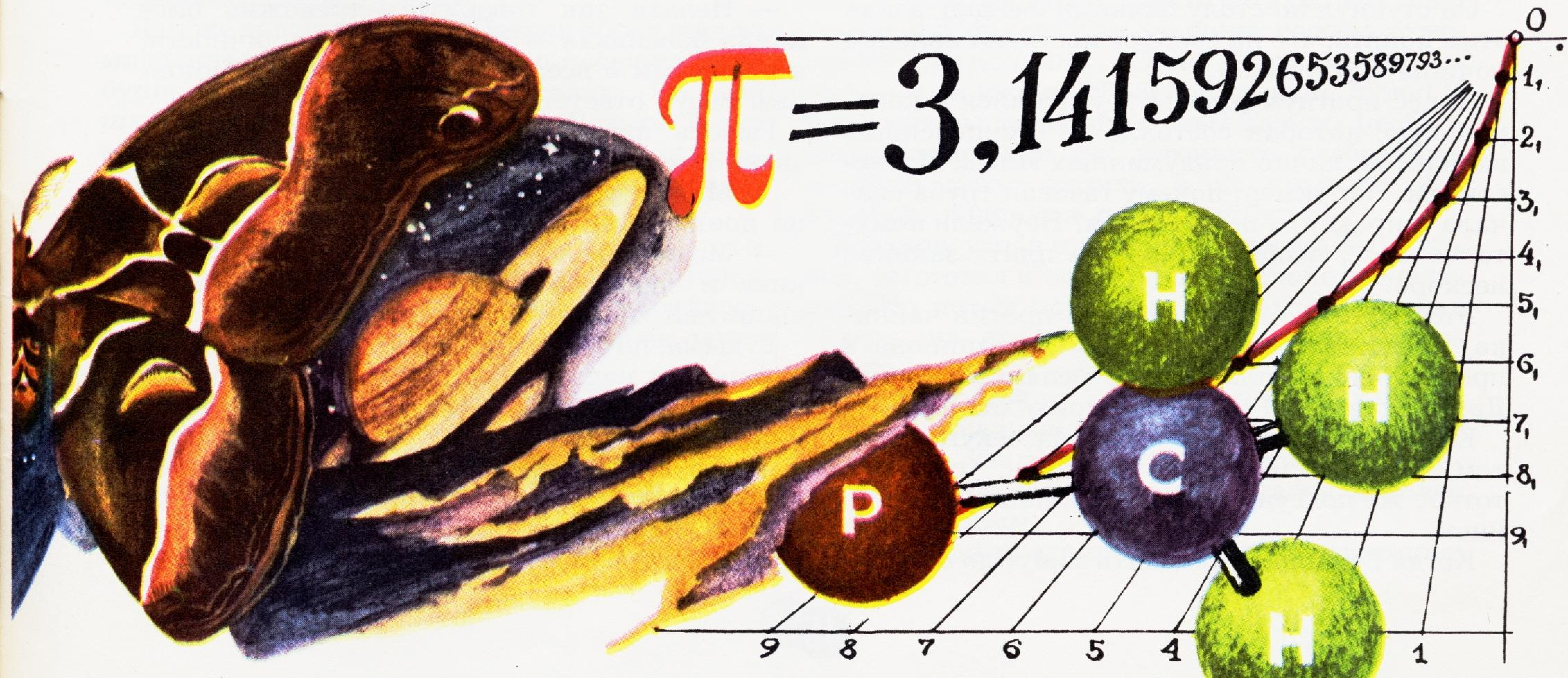
Пожалуй, в этом признании содержится тот единственный совет, который я могу дать: постарайтесь **лично для себя** осознать, что учиться нужно, и нужно именно вам, будущим взрослым. При этом честно скажите себе, что учеба не есть сплошной праздник и развлечение. Нет, это довольно тяжкий труд. Но труд **не бессмысленный.** Хотя бы потому, что у вас когда-нибудь будут дети, они пойдут в школу и, просчитав на уроке математики (физики, литературы, биологии и т. д.) ворон, спросят, как им решить задачу (выполнить упражнение, сделать календарь природы). Не оплошать перед собственным ребенком — тоже не пустяк!

А когда видишь в труде смысл, интерес должен появиться. Ну, не сразу, так потихоньку, не огромный, так маленький,— и то хлеб, все лучше, чем никакого.

В конце хочу сказать несколько слов в защиту урока пения. Умение петь совершенно необходимо, честное слово! Пожалуй, даже больше, чем умение чинить утюг.

Ирина МЕДВЕДЕВА

Рисунок Д. БАРАБАША.

Геннадий ЖАВОРОНКОВ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Несравненная Гюзель

РАССКАЗ

Сначала в дверной щели показался ее шелушащийся нос, потом появилась она вся — протопала через класс и плюхнулась за парту Петьки Гудымы.

— Здрасьте,— сказал физик ласково.

Новенькая подняла глаза, внимательно оглядела Илью Матвеевича и вдруг улыбнулась. Собственно, она улыбалась, уже когда вошла, а тут еще просияла, словно увидела перед собой близкого и родного человека.

— Здрасьте,— прошепелявила она, продемонстрировав всему классу отсутствие трех передних зубов.

Дефект челюсти несколько смутил физика, и он дипломатично спросил:

— А вы, собственно, дама, кто?

Девчонка на «даму» не обиделась и сообщила, доверительно обращаясь ко всем:

— Я — Гюзель Кюзякина!

Весь класс дружно засмеялся. Петька Гудыма заерзал на парте и пропел рано прорезавшимся баском:

— Хошь, зови меня Гюзя, а хошь, Кюзя!

— Мальчик,— не переставая улыбаться, сказала новенькая,— а вот скоро тех, кто обзывается, будут наказывать штрафом с родителей или одним годом исправительно-трудовых работ по месту жительства!

Петька покраснел и умолк. Его не устраивал ни штраф с родителей, ни год исправительно-трудовых работ даже по месту жительства. Самое большое наказание, которое ему пришлось перенести в жизни,— удар по шее, полученный от Нины Собакиной, которую он попытался перекрестить в Песикову.

Класс насторожился и зауважал новенькую.

— Тихо! — потребовал Илья Матвеевич, хотя в классе и без того было тихо.

Он стукнул по столу банками Лейдца, давая этим понять, что на свете существуют явления почище Кюзякиной.

Класс пригнул головы и углубился в контрольную, которая состояла из бесчисленных вариантов, лично придуманных Ильей Матвеевичем. Например: почему газовая труба сначала широкая, а потом узкая? Неужели кому-то хочется, чтобы чайник на плите закипал нескоро?

Этот «кто-то», настроенный против чайника, представлялся Гудыме в виде шпиона в прорезиненном плаще и потрепанной шляпе. Других решений на ум не приходило,

Кюзякина притихла лишь на секунду, потом, заглянув Петьке в листок с условием, тотчас же подсунула ему промокашку с решением.

Когда Гудыма за двадцать минут до окончания урока сдал контрольную, класс ахнул. Еще не сдала Собакина, еще Ольга Дудина пыхтела над решением, а Петька Гудыма сделал?! Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда.

Все подозрительно покосились на Кюзякину. Она листала какую-то книжку и была вроде бы ни при чем.

В физическое озарение Петьки могла поверить его бабушка, Илья Матвеевич, директор школы, но не класс.

На парту к новенькой посыпались промокашки с условиями задач. Гудыма аккуратно сортировал их и подсовывал Кюзякиной. Гюзель щелкала задачки, как орехи, а «ядрышки» от них распределял Петька.

За оставшиеся до звонка двадцать минут все желающие были удовлетворены. Илья Матвеевич собрал контрольные в стопку и величественно покинул класс.

Все повскакивали со своих мест и окружили новенькую.

— Ну, ты даешь, Кюзякина! — восхитился Петька.— Ты, может, к нам из спецшколы?

— Может быть,— уклончиво согласилась Гюзель.

— А может, у тебя отец физик?

— Может быть...

— А может, ты теперь всегда за нас будешь?

— Может, и всегда...

— Вот это здоровски! Ну, Собакина, теперь мы уже точно среди шестых классов первыми будем...

— Умолкни,— потребовала Нина,— может, Кюзякина за тебя всю жизнь думать будет?

— Не,— пояснил Петька,— только еще пять лет — в школе. Здесь разве жизнь?!

— Дурак! — сказала Собакина.

— Нельзя так говорить! — тревожно пискнула новенькая.— За оскорбление личности, а равно как и всего общества в целом виновные несут ответственность...

Гюзель вдруг втянула голову в плечи и звонко чихнула.

— Может, у тебя отец прокурор? — испуганно поинтересовался Петька.

— Может быть,— легко согласилась Кюзякина и спрятала свой шелушащийся нос в вышитый гладью платок.

Гудыма, почувствовав себя под строгим прокурорским надзором, нахохлился и зазвенел «шпорами» — тремя гайками и велосипедным ключом в кармане.

— Ты, Кюзякина, молодец, что к нам попала. Это, можно сказать, наша обоюдная удача. У нас, понимаешь, по части обязанностей (Петька выразительно покосился на Собаки-

Однажды пришли даже первоклашки и позвали Кюзякину к себе для консультации по поводу вскрытия могилы какой-то птички.

ну) все в порядке. А вот по части прав у нас, прямо скажем, существенная недоработка...

Петька вещал высоким стилем производственного протокола.

Собакина, естественно, без Петьки, несмотря на их вечные ссоры, никогда бы не стала Собакиной, то есть членом совета дружины школы. В совет ее выбрали вести протоколы, но она их только переписывала своим старушечьим почерком, а оформлял их в нужном «деловом» стиле Гудыма.

Дар же высокого стиля Петька обрел еще во младенчестве, когда регулярно посещал с бабушкой заседания домового совета. Во всей школе не было второго такого Петьки. А тут еще классу подвезло на Кюзякину с ее великолепными знаниями по охране человеческого достоинства.

Класс ликовал. Собакина с ее авторитетом и Петька Гудыма были оттеснены на второй план, так как, естественно, чаще требовалось оградить человеческое достоинство, чем запутать собственную мысль.

Все последующие дни шестой «Б» жил славой Кюзякиной: к Гюзель из всех классов шли ходоки — обиженные и оскорбленные.

Девчонке из параллельного шестого, которую вконец задразнили ребята, она поведала под большим секретом, что очень скоро опять введут раздельное обучение и всех мальчишек изгонят в другую школу за пять остановок от нашей, а проездных билетов не дадут.

Федьке Кастрюлькину — вечному троечнику по физкультуре — она вбила в голову, что он ценный экземпляр. Что им вот-вот заинтересуется Академия наук, и Луну якобы не заселяют только потому, что не хватает таких удивительных людей, как Федька.

— Ты только подумай! — кричала она.— Что делать на Луне таким бугаям, как наш чемпион Ездаков? Там же почти совсем отсутствует притяжение... Стоит Ездакову прыгнуть — и он уже на обратной стороне Луны! И кому нужны такие прыгуны? Там же необходимы такие, как ты: легонькие, слабенькие, которые могут ходить, а не прыгать, как Ездаков, поднимая песчаные бури...

Ездаков, узнав про лунную теорию Кюзякиной, загоготал и не придал ей никакого значения. Но потом почему-то обиделся и вызвал Гюзель на лестничную площадку для разговора.

Подробностей их объяснения не знал никто, однако высказывались предположения, что Кюзякина обещала Ездакову жизнь в условиях подводной стихии и тот остался доволен своим будущим.

Новенькая притащилась даже на репетицию

в драмкружок старшеклассников, куда ее вовсе никто не звал.

Кружок в отсутствие руководителя, уехавшего куда-то обмениваться опытом, переживал период распада. Две примы — из десятого «А» и десятого «В» — никак не могли поделить одну главную роль.

Кюзякина выслушала обе стороны и приняла совершенно дурацкое решение, которое почему-то всеми было встречено с восторгом. Она предложила в первом действии играть главную роль приме из десятого «А», а во втором — приме из десятого «В», обосновав это тем, что героиня до замужества — это один человек, а после замужества — другой.

Староста драмкружка, встретив Петьку на улице, с интересом спросил:

— Это у вас, что ли, учится такая маленькая, черняненькая?

— У нас! — впервые не собой погордился Петька.

— Голова! — похвалил староста.— Мейерхольд. Вы ее того... берегите!

На всех переменках класс был забит разными личностями, нуждающимися в юридической помощи. Они то орали во все горло, то заговорщически шептались по углам, не обращая должного внимания ни на Собакину — члена совета дружины, ни на Петьку — знатока делового стиля.

Однажды пришли даже первоклашки и позвали Кюзякину к себе для консультации по поводу вскрытия могилы какой-то птички. Виновные понесли наказание, а птичка была вторично погребена в школьном саду, где ей обеспечивался отныне вечный покой.

Скандал разразился через две недели, когда даже самые опытные астрологи шестого «Б» не предсказывали классу никаких грядущих перипетий.

Опять был урок физики, и Илья Матвеевич вошел в класс без своих любимых лейденских банок, но с бухгалтерскими счетами под мышкой.

Петька первым почувствовал надвигающуюся грозу и мысленно прорепетировал речь перед родными и близкими в защиту себя, хотя пока еще не догадывался, от чего придется защищаться.

Илья Матвеевич раздал контрольные, но не все, а чуть больше половины. И именно тем, кто самостоятельно отстаивал свои знания в области физики. На столе остались работы тех, кто отстаивал свои знания при помощи Кюзякиной.

На секунду в Петькиной голове мелькнула спасительная мысль, что всех их за оригинальность решений физик решил послать на городскую олимпиаду.

— Тэк-с! — прищелкнул языком физик.— Кюзякина, она же, извините, и Гюзель...

— Я! — вскочила Кюзякина, хотя ее никто не просил.— Я не писала контрольную...

— Тэк-с,— повторил Илья Матвеевич.— Работы я ваши, Кюзякина, прочитал. Часть из них я оценил на «отлично», часть на «хорошо», а часть — на отвратительно... Сложив все эти оценки вместе (физик подвинул костяшки счетов вправо), я получил довольно-таки бессмысленный балл — что-то около сорока и одной сотой. Я извлек из этого числа квадратный корень, совершил еще кое-какие матема-

— Ландау! — опять съязвил Петька и толкнул новенькую плечом.

тические операции и получил в конечном счете нуль (Илья Матвеевич сдвинул костяшки влево.) Нуль!

Физик поглядел на новенькую.

— У вас родители случайно не физики?

— Может быть...— промямлила Кюзякина.

— Да,— охотно согласился Илья Матвеевич,— у нас это вполне может быть... А вот у них (он кивнул на стопку работ, лежащих на столе) этого, прямо скажем, быть не может! И дабы возместить им печальное отсутствие родственников-физиков, мы объявим им что?

— Контрольную,— мрачно подсказал ему Петька.

— Правильно, Гудыма, контрольную. При которой любой балл будет снижен на...

— Единицу,— догадался Петька.

— Правильно, на единицу... Будьте добры, Кюзякина, раздайте физическим сиротам варианты работ, а потом мы с вами лично побеседуем о великолепном лейденском феномене.

После очередной контрольной пострадавшие окружили Кюзякину.

— Мейерхольд! — фыркнул Петька.

— Что же ты, а? Ты чего же это так?! — закричали все.

— Ландау! — опять съязвил Петька и толкнул новенькую плечом.

Привычка говорить протокольным стилем покинула его, и он вещал предельно коротко и ясно.

— Лучше всех, да? Юрист, да? Трепло ты, а не юрист! Как вот щас дам...

— Я...— раскрыла было рот Кюзякина, но все заорали еще громче.

Из этого дружного ора можно было только понять, что Кюзякина нарочно решила задачки так, чтобы все догадались, что шестой «Б» так решать не может. И что она слишком заносится и вообще только и делает, что врет.

Некоторое время Гюзель слушала все эти выкрики и не обращала внимания на толчки, а потом вырвалась из плена и побежала вниз по лестнице.

— Так будет со всеми,— с пафосом произнес Петька,— кто впереди интересов коллектива будет ставить свои личные интересы, тем самым культивируя в себе эгоцентризм.

Высокий дар протокольного стиля снова вернулся к нему.

На следующий день Кюзякина в школу не явилась. Не пришла она и на другой день.

Обычно на отсутствие кого-нибудь в классе не обращали особого внимания. Каждый школьник имеет священное право болеть ангиной и гриппом. Но как назло в этот день все время заглядывали первоклашки и выпрашивали кюзякинский адрес. Потом пришли две примирившиеся звезды школьного театра — приглашать новенькую на очередную репетицию.

Всем постоянно нужна была Кюзякина. И складывалось впечатление, что существование школы без Гюзель находится под вопросом, как существование полка, потерявшего знамя.

При выяснении причин отсутствия были найдены свидетели, которые видели Кюзякину с пятью пачками мороженого в руках. Петька высказал мысль, что его соседка по парте решила отравиться, на что Собакина привычно обозвала его дураком.

На четвертый день Собакина сколотила инициативную группу, которая, проанализировав события, обвинила Петьку в подстрекательстве Кюзякиной к самоубийству. Но он и без того был в отчаянии. Шестой «Б» третировали все, от первоклашек до десятиклассников.

В переменках их задирали и в конечном счете загнали в самую темную часть коридора с нефункционирующим туалетом.

Нужны были срочные меры по спасению чести класса. Инициативная группа во главе с Собакиной и примкнувшим к ним Гудымой отправилась домой к Кюзякиной.

Дом был двухэтажный и пока еще без мемориальной доски. Они вошли в него и сразу же увидели женщину, моющую полы, которая и оказалась мамой Кюзякиной.

В комнату все вошли гуськом, сохраняя на лицах должное уважение к загробной жизни, в которую собиралась переселиться их одноклассница.

Постель Гюзель была похожа на распечатанный саркофаг, а сама Кюзякина — на труп, приготовленный к бальзамированию.

Петька толкнул Нину Собакину под локоть.

Речь Собакиной удалась на славу, даже Петька внутренне признал это. В ней было про все: и про неземную красоту Кюзякиной, и про ее ум, и про место в обществе, и даже про то, что могло бы быть с Гюзелью в будущем, раздумай она вдруг покидать грешную землю.

Когда Нина кончила, все присутствующие готовы были разрыдаться, поняв наконец, с каким великим человеком свела их судьба.

Петька откашлялся, чтобы хрипота не мешала ясности звучания делового стиля, и вдруг заканючил тенорком профессионального ябедника:

— Да, Кюзякина, тебе хорошо... Ты болеешь, Шитиков болеет, Крапивина с Тишкой в «Артеке», а нас теперь так мало, что чуть ли не каждый день вызывают к доске. А еще и грозятся городской контрольной... Хорошо тебе, Кюзякина, а нам плохо...

Бездыханное тело шевельнулось, и, к великому изумлению опечаленных одноклассников, из-под простыни показался облупленный до красноты нос и два черных разбойничьих глаза.

Гюзель цокнула языком и протрещала простуженным басом:

— Ты не расстраивайся, Петька. Это я тебе точно говорю. Скоро будет так много больных, что все больные будут ходить в школу, а здоровые — сидеть дома, чтобы не заразиться...

Книга зовет в гости

Два года назад в Доме детской книги в Москве решили собрать историю книги для детей. Годы идут, и первые читатели многих детских книг стали теперь пожилыми людьми, бабушками и дедушками, а книги, которые они читали, теперь на постоянной выставке в Доме детской книги.

...Через год после революции К. И. Чуковского вызвали в Смольный и сказали: «Нужны книги для детей». И Корней Иванович написал сказку в стихах «Крокодил». На стенде под стеклом можно рассмотреть ее странички, пришедшие к нам из девятнадцатого года. Эти первые книжки раздавали детям бесплатно.

Пройдем немного вперед: 19 сентября 1933 года — день очень знаменательный. Создается первое детское книжное издательство. Тогда Максим Горький обратился к ребятам с вопросом: «Что вы читаете?» И получил пять тысяч писем. После этого, внимательно прочитав каждое, писатели составили план выпуска книг.

А весной сорок четвертого года детские писатели решили устроить праздник для московских ребят, которые помогали взрослым как могли — гасили пожары, строили укрепления, ухаживали за ранеными. И в Москве с заклеенными крест-накрест окнами, со стрелками на стенах домов, указывающими вход в бомбоубежища, был устроен праздник — День детской книги. В Большой Колонный зал Дома союзов пришли С. Маршак, К. Чуковский, Л. Кассиль и ребята — читатели их книг.

Писатель Ю. Яковлев вспоминает, что всем собравшимся на праздник подарили напечатанную на грубой оберточной бумаге книжку Л. Пантелеева «Честное слово».

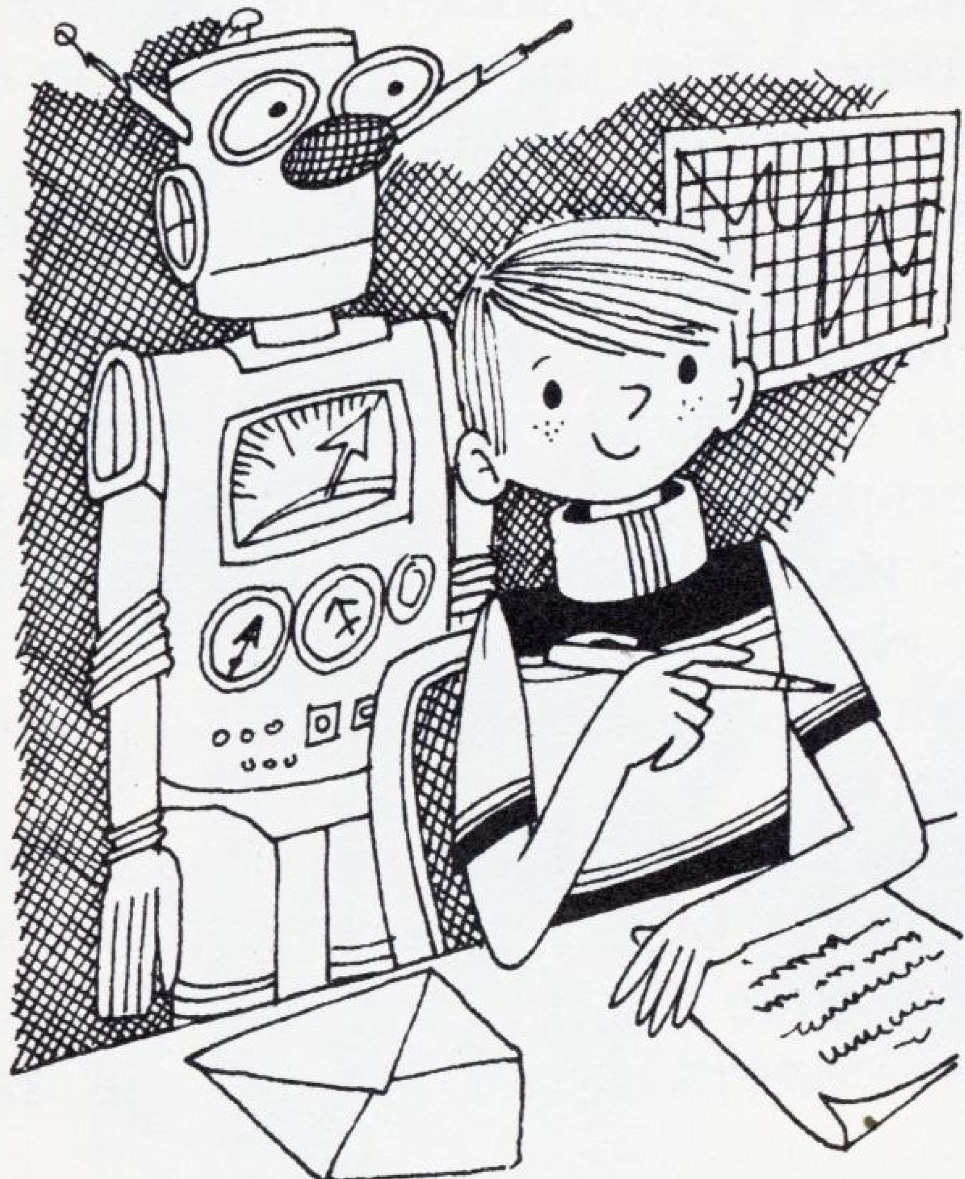
С тех пор каждый год с двадцать четвертого марта по первое апреля в нашей стране проходит Всесоюзная неделя детской и юношеской книги. В этом году она состоится уже в тридцать восьмой раз. На одно из открытий Недели С. Маршак прислал такие стихи:

Длятся только день единый
Именины у людей,
А у книжки именины —
Целых семь веселых дней!

И каждый день этой радостной недели, включая утром радио, вы слушаете передачу — «Моя любимая книжка», а по телевизору смотрите «Веселую книжную викторину». Писатели, разъезжаясь во все концы страны, выступают в школах, дворцах пионеров, в клубах.

«Книжкина неделя» продолжается всего семь дней, но готовятся к ней целый год — писатели пишут новые книги, а вы их читаете.

ИЩУ СВОИХ ГЕРОЕВ

Книги писателя Ю. Сотника — «Архимед Вовки Грушина», «Как я был самостоятельным», «Машка Самбо и Заноза», «Эликсир Купрума Эса» и многие другие захватывающие, смешные рассказы и повести этого писателя вы, конечно, читали. Юрий Вячеславович много лет участвует в Неделе детской книги. Он знает, что особенно интересно спросить ребятам у писателя, поэтому мы попросили его выступить перед вами на страницах «Пионера».

— Скажу прямо, писем я получаю от своих читателей много. Это, конечно, приятно, но значительно важнее для меня другое. Я люблю встречи с ребятами, во время которых устраиваю себе экзамен — читаю, например, новый рассказ и смотрю. Если вижу, что ребятам нравится,— я спокоен, все в порядке. Ну, а если нет? Тогда думаю, переделываю. Мне приходилось исправлять не один рассказ. Так что общение с читателями — самая верная оценка моей работы.

Очень часто на встречах ребята ко мне обращаются: «Прошу сообщить мне адрес Вовки Грушина. Я сделал одно важное изобретение и хочу с ним сотрудничать». Тогда я отвечаю, что Вовки Грушина (героя рассказа «Архимед Вовки Грушина») на свете нет, что он мной придуман.

Ну, а на вопрос — как же пишутся книги? — мне приходится отвечать на каждой встрече с ребятами. И я рассказываю...

Скажем, недавно я познакомился с мальчиком, который не переставая говорил о ракетах, при этом солидно покашливал и крутил от волнения пуговицу на своей курточке. Или видел девочку, которая через каждые пять минут причесывала свою челочку и смотрелась в зеркальце. Я все это запомнил.

А потом я начинаю писать книжку о фантастических приключениях мальчика и девочки. И, чтобы хорошо представить себе этих ребят, я пишу, как мальчик крутит пуговицу, а девочка постоянно смотрится в зеркальце. И они оживают, становятся похожими на ваших сверстников, потому что ведут себя так, как мои знакомые. Вот тогда-то вы и поверите, что мои герои действительно летят на Луну или путешествуют во времени... Но разве это значит, что мальчик и девочка существуют на самом деле, ведь их приключения придумал я?

Вам, наверное, хочется спросить, над чем я работаю сейчас. Дописываю смешную повесть о девчонке-фантазерке, которая придумала и сообщает всем, что в их новом доме поселились одни хулиганы. Дело повернулось так, что все, кто услышал эту новость, начали вести себя так же, как эти выдуманные девочкой жильцы.

Ну, а что касается «Книжкиных именин», то я непременно приму в них участие: чтобы работа продолжалась, нужно обязательно встречаться с читателями, искать своих героев.

Записал С. КОЗЫРЕВ.

Ведет А. ДРУЯНОВА.

24 марта 1982 года исполняется 200 лет со дня рождения Ореста Кипренского (1782—1836).

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

Кипренскому выпало счастье познакомить читателей с обликом великого поэта.

Русский художник Орест Адамович Кипренский писал портреты. С портретов, им созданных, смотрит на нас его век. Но портреты не стареют. Люди на холстах Кипренского сосредоточенно думают, глубоко чувствуют. Портреты пробуждают и в нас, сегодняшних зрителях, ответные чувства, зовут к раздумьям о мире, в котором жили те, кого запечатлел художник, и о мире, в котором мы живем.

Отец Кипренского был барин, мать — крепостная крестьянка. Барин не пожелал признать мальчика своим сыном и отдал его на воспитание дворовому лакею. Когда Кипренский вырос и стал художником, он написал портрет приемного отца. Перед нами человек серьезного, независимого ума, сильной воли, гордый сознанием собственного достоинства. Портрет, исполненный в коричневых и золотистых тонах, будто озаренный лучами заходящего солнца, получился на редкость хорош. Четверть века спустя он был показан на выставке в Италии. Никто не верил, что это работа молодого русского художника. Даже знатоки считали, что портрет принадлежит кому-то из великих мастеров прошлого. «С нами хотят сыграть шутку,— говорили они.— Вещь создана Рубенсом или Рембрандтом!..» И это была лучшая награда чужому человеку, который стал Кипренскому настоящим отцом.

Шести лет Ореста определили в Петербургскую Академию художеств. Он пробыл в ней без малого два десятилетия. Заканчивая Академию, Кипренский представил на суд учителей историческое полотно — «Дмитрий Донской на Куликовом поле»: соратники сообщают раненому князю радостную весть о победе над полчищами Мамая. За картину молодой живописец получил золотую медаль. Решено было также послать его в Италию для дальнейшего совершенствования в искусстве: такое право предоставляли лучшим воспитанникам Академии.

Тема картины была выбрана, конечно, не случайно. В те дни в России многие предвидели, что в недалеком будущем придется вновь отстаивать в боях независимость Родины: армия Наполеона одерживала все новые победы, близился 1812 год.

Накануне Отечественной войны 1812 года художник работал в Москве. Он помогал известному скульптору Мартосу создавать памятник славным защитникам Отечества — Минину и Пожарскому, тот самый памятник, который и сейчас стоит на Красной площади. Исторических полотен Кипренский больше не писал, но эпоха, судьба современников жили в его портретах.

В тревожное предвоенное время он написал портрет гусарского офицера Давыдова. Чело-

век с лицом открытым и решительным, яркими глазами и вольной черной прядкой на лбу, одетый в огненный доломан, хорош горячей красотой смелого бойца. За легкостью его движений скрывается напряженная сила, готовность к подвигу. В нем живут предчувствие недалеких грядущих сражений, вера в победу.

Долго считали, что это портрет будущего партизана Дениса Давыдова. Но теперь полагают, что живописец запечатлел другого человека с той же фамилией. Конечно, жалко расставаться с мыслью, что перед нами знаменитый герой-партизан. Но кого бы ни написал портретист, он угадал и открыл современникам образ героя, одного из тех, кому было суждено самоотверженно защищать Отечество, поразить врага, дотоле непобедимого.

Когда началась война, художник сменил кисть на быстрый карандаш. Он работал горячо, жадно. Участники войны в его страстных рисунках — настоящие герои; лица их одушевлены верой в торжество справедливости, живым искренним чувством, стремлением отдать все силы души на благо Отечества.

В портретах художник передал свою близость с теми, кого рисовал: герои 1812 года — его дорогие друзья. На портрете одного из них помечено, что рисунок сделан вскоре после «получения им тяжелой контузии на Бородинском поле...».

После войны Кипренский уехал наконец в Италию. Но и там, на «родине искусств», как ее называли, слава русского художника быстро росла. Его попросили написать самого себя для знаменитой галереи Уффици, где были собраны автопортреты лучших художников Европы. Ни один русский художник прежде не удостаивался такой чести.

Казалось, в России Кипренского должны были встретить восторгами. Но этого не произошло. Итальянский народ боролся тогда за освобождение своей страны от австрийского владычества, и царское правительство, видимо, подозревало художника в связях с теми, кто поднимал народ на борьбу за свободу. Кипренскому дали понять, что он лишился покровительства царской фамилии и двора. Перед ним надолго закрылись двери многих знатных домов. Начальство Академии художеств объявило прославленному живописцу, что, поскольку он не состоит на казенной службе, «квартиры и стола» ему не положено; оно распространяло слухи о «лени» Кипренского, о «падении» его таланта.

Другой замечательный русский живописец, Александр Иванов, создатель «Явления Христа народу», объяснял: «Кипренский не был никогда ничем отмечен, ничем никогда жалован от двора, и все это потому только, что был слишком благороден и горд, чтобы искать этого».

Художника приютил молодой богач Шереметев. Кипренский сделал его парадный портрет — представил во весь рост, в блестящей форме офицера-кавалергарда; за спиной Шереметева одна за другой открываются комнаты его громадного дома-дворца, в них пусто и кажется, что холодно. Гордому художнику было нелегко пользоваться милостями богатого покровителя.

Особенно тягостной сделалась петербургская жизнь Кипренского после 14 декабря 1825 года. Среди тех, кто был в тот день на Сенатской площади, оказалось немало добрых знакомых живописца. Главное же — это были люди благородных стремлений, безукоризненной чести, беспримерной храбрости, «дети 1812 года», как назвал декабристов участник восстания Матвей Муравьев-Апостол. Это было поколение, запечатленное на холстах и листах Кипренского, в лучших его портретах.

В эту трудную пору Кипренский написал портрет Пушкина.

Пушкин был человек, по которому истосковалась кисть художника, душа его. Меньше чем за месяц до восстания Рылеев, тоже знакомый Кипренского, писал Пушкину в Михайловское: «На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и Гражданин».

В трудную пору, когда многие старались отказаться от себя и стать «как все», подавляли в себе лучшие душевные порывы и прятали глаза, чтобы блеск их не выдал истинного чувства, перед художником оказался человек, который в каждом слове, каждом взгляде, каждой своей черточке оставался самим собой. Поэтом. Гражданином. Пушкиным.

Пушкин, написанный Кипренским, как будто спокоен и задумчив. Но блеск устремленных вдаль ясных голубых глаз, большой красивый лоб, как бы вылепленный озарившим его лучом света, непослушные волосы, будто тронутые пролетевшим ветром,— все говорит о внутренней взволнованности. В самом спокойствии лица, в повороте головы, в неподвижности плеч, в руках, крепко скрещенных на груди, таится волнение, та «бездна дум и чувств», которую угадывали современники, видя задумавшегося поэта. Наружная сдержанность лучше выявляет душевную встревоженность.

Переброшенный через плечо клетчатый плащ, бронзовая фигура Музы, богини — покровительницы поэзии, с лирой стоящая за плечом Пушкина, подчеркивают поэтическую возвышенность его образа.

В стихотворении «Поэт», написанном вскоре после окончания портрета, читаем:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел...

Человека со встрепенувшейся душой, поэта,

натыкался мыслью на эти «печали жизни». О них, быть может, с горечью беседовали поэт и художник, Пушкин и Кипренский, пока рождался портрет.

15 июля 1827 года знакомый поэта отмечал: «С Пушкина списал Кипренский портрет необычайно схожий». Назавтра, 16 июля, почти день в день первой годовщины казни декабристов, закончен был «Арион»: «Пловцам я пел...»

Хороший художник рассказывает в портрете не только о том человеке, которого пишет,— еще и о самом себе, о своем искусстве, о своем отношении к людям, о своей судьбе. И Кипренский, конечно же, вложил в портрет Пушкина часть самого себя.

Кипренскому выпало счастье познакомить читателей с обликом любимого поэта. Сейчас нам кажется, что не узнать Пушкина невозможно: мы начинаем жизнь, окруженные его портретами. А люди, которые жили в одно время с поэтом, твердили, как клятву, его вольнолюбивые стихи, нетерпеливо ждали новых его творений, могли встретить Пушкина и не угадать, что это ОН.

К первому изданию поэмы «Кавказский пленник» был, правда, приложен давний портрет автора: Пушкин, совсем юный, почти мальчик, задумался, подперев кулаком щеку. Но с тех пор как портрет был нарисован, прошло немало лет, сосланный царем поэт оказался надолго вдали от друзей, от знакомых; когда он возвратился из ссылки, в его лице не было уже почти ничего похожего на давнее изображение.

Портрет, написанный Кипренским, появился на выставке в Петербурге и привлек всеобщее внимание. «В залах толпилось много народу, преимущественно из незнатных»,— отметил один из посетителей выставки. А когда с портрета была сделана гравюра и в сотнях оттисков разошлась по России, лицо поэта, образ его стали известны и близки всем.

Пушкин посвятил Кипренскому стихи. «Себя, как в зеркале я вижу»,— писал он о сходстве портрета. Но настоящий художник не просто переносит на холст то, что видит: всякое впечатление вызывает отклик в его душе, побуждает его передать во всей полноте образ стоящего перед ним человека. Пушкин понимал это лучше других. И в стихотворении он называл портретиста «волшебником», не только точно запечатлевшим черты его облика, но «вновь создавшим» образ поэта, питомца муз. Этот образ навсегда останется с людьми.

Портреты Кипренского не стареют, потому что не может устареть душевная красота человека, которую стремился открыть миру, сохранить на своих холстах русский художник. Так же, как его современникам, она дорога нам сегодня, трогает нас, заставляет задуматься, зовет стать лучше.

Накануне Отечественной войны 1812 года художник написал портрет гусарского полковника Давыдова.

пробужденного вдохновением, запечатлел Кипренский.

Есть свидетельства, что бронзовой фигуры богини сначала на холсте не было. Но друзья Пушкина попросили художника поместить на портрете изображение Гения поэзии: они говорили о статуэтке Музы. «Но я уже изобразил Гения поэзии»,— отвечал Кипренский: он говорил о Пушкине.

И все-таки он уступил просьбам. Вряд ли взыскательный художник сделал это лишь для того, чтобы угодить заказчикам. Появление бронзовой Музы за плечом Пушкина, без сомнения, что-то изменило в готовом портрете. Наверное, образ поэта, сопрягаясь со скульптурой, сделался выразительнее, величественнее, сам стал более скульптурным.

Современники, всматриваясь в портрет, уловили оттенок скорби, «пасмурность» в лице Пушкина. «Ужели это следствие печалей жизни?» — спрашивал поэта один из давних его друзей. «Печали жизни» — это казнь и каторга декабристов, «друзей, братьев, товарищей», как называл их Пушкин, подавленность и равнодушие, охватившие людей вокруг, неволя, на которую были обречены и поэт, и художник... О чем бы ни размышлял Пушкин — о судьбах ли Отечества, своего поколения, о собственной ли судьбе,— он непременно

Григорий КРУЖКОВ

Кросс

Кросс — это самый трудный бег,
Такая проба сил,
Где сразу виден человек:
Могуч он или хил.

Ты парнем выглядишь лихим,
На старте ты хорош,
Но поглядим еще, каким
Ты к финишу придешь!

И вот уж голоса слышны,
И майки белые видны,
И показались бегуны,
Мелькая средь берез...

— Ура! Я первый прибежал!
— А я ежа в лесу видал!
— А я... я тапку потерял.
— А я ее принес!

Веселый маляр

Утро — веселый маляр,
Он просыпается рано.
С красным ведерком зари,
С белым ведерком тумана
Бодро идет по росе,
В красках штаны и рубаха,
Кисти несет на плече,
Свищет, как первая птаха.

День — расторопный кузнец
В синей небесной спецовке,
Он в наковальню стучит,
Тащит клещами поковки,
Бьет, раскаляет и мнет,
Точит, грохочет, швыряет...
Грузной походкой идет,
Пот рукавом утирает.

Вечер проносится вскачь —
Всадник с таинственной вестью.
Стелется сумрачный плащ
По городам и предместьям,
Реет, струится, летит,
Блещет изнанкой багровой,
И замирают вдали
Эхом звенящим подковы.

И, рассыпая кругом
Звездного жемчуга горсти,
Плавною поступью в дом
Входит прекрасная гостья.
Над изумленной землей
В лунном сиянии ясном
Ночь-королева идет
В черном уборе атласном.

Морозный день

Ну и морозец! Свечерело,
Но на дворе — белым-бело.
Ворона на сарай присела,
Нахохлилась — и ей тепло.

Труба дымит неудержимо,
И колкий, вьюжный ветерок
Наматывает нитку дыма
На белый облачный клубок.

И на веревке громыхает
Заледеневшее белье...
Ворона нехотя взлетает,
Подмышки мерзнут у нее.

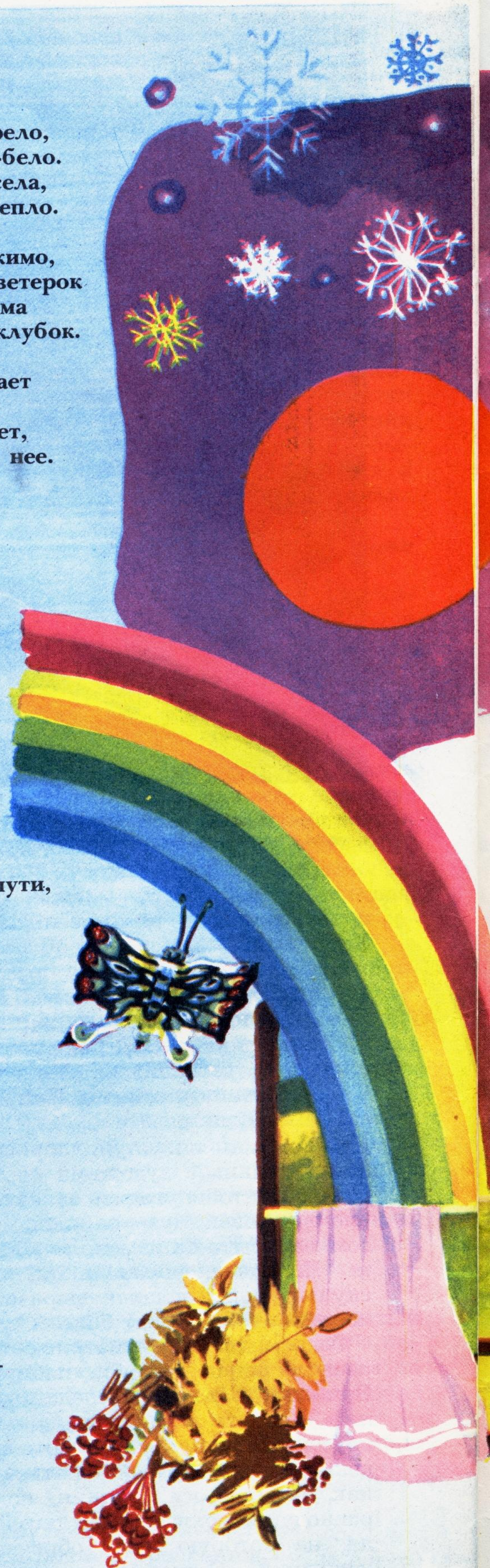
Под стук колес

Здравствуй, корова!
Куда ты, корова?
Здравствуй, коза!
До свиданья, коза!
Что ни мгновенье в пути,
то обнова:
стрелочник с флагом,
с косою косарь.

Ах, вас уносит,
как на карусели,—
люди, деревья,
стада, облака!
Ехать в вагоне —
какое веселье!
Здравствуй, река!
До свиданья, река!

Что за веселье,
что за потеха!
Утром, едва я
глаза разомкну,
первым вопросом:
я сколько проехал?
Первым движеньем —
скорее к окну!

Что за веселье —
ехать в вагоне!
Птицы, плетни
улетают назад...
Что там такое
пасется на склоне?
Здравствуй, коза!
До свиданья, коза!

Подледный лов

I

Вот выходит на пруд школьник Вова,
Вова — мастер подледного лова.

Он пешнёй твердый лед прорубает,
Манной кашей крючок наживляет,
Прямо в лунку наживку бросает,—

Вот так ловко!
Вот так Вовка!

II

Но живет в том пруду окунь Лёва,
Лёва — мастер подводного клёва.

Тихо-тихо к крючку подплывает,
Кашу манную всю объедает,
Но на удочку не попадает,—

Вот так ловко!
Вот так Лёвка!

III

Вот сидит себе Вова на ящике,
Снег притаптывает мерзлым валенком
И мечтает хотя б о подлещике,
О плотвенке хотя б самом маленьком.

IV

Подо льдом окунь Лёва похаживает,
Плавниками живот свой поглаживает,
Да посмеивается над Вовою,
Да поет свою песнь окуневую!

Очевидно, я чудак

Очевидно, я чудак
И всегда им буду:
Обожаю вечерком
Перемыть посуду.
Слева в кране — кипяток,
Справа — кран холодный.
Руки заняты,
Зато
Голова свободна.

Если я струю воды
Ложкою раскважу,
То получится
Фонтан
«Водяная чаша».
Если ложку повернуть
Тыльной стороною,
То получится
Дворец
С крышей водяною.

И при этом я могу,
Тронув ручку крана,
Прибавлять и убавлять
Высоту фонтана.
Отвернув сильней струю,
Повернув потише,
Я легко могу влиять
На размеры крыши.

Как сверкающий каскад,
Эти струйки льются.
Перелился водопад
Из стакана в блюдце,
По тарелкам
Вниз и вниз
Спрыгнул по ступенькам,
Над кастрюлею повис,
По ножам затренькал...

Отчего я так люблю
Плеск,
И блеск,
И влагу?
Может, плавал прадед мой
По архипелагу?
Может, прежде, чем на свет
Люди появились,
Пучеглазый предок мой
Из пучины вылез?

Ах, прабабушка вода!
И поет, и моет,
Если скучно —
Рассмешит,
Грустно —
Успокоит.
Очевидно, я чудак,
Но ведь это чудо,
Как сверкает и блестит
Чистая посуда!

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ

ПРИМАНКИ ДЛЯ ЖУКОВ

В нашей стране что ни день вступает в строй новый завод или цех, реконструируются новые предприятия. И слышать по радио, что завод будет выпускать тысячу, миллион или десять миллионов тонн продукции в год, для всех нас дело привычное. Но что вы скажете о производстве, вся годовая продукция которого весит килограммы или даже граммы, а предназначена для приманивания жуков?

Скажете, наверное, это что-то несерьезное, игрушечное. И не стоит даже сравнивать такое несолидное предприятие с гигантами, дающими нам всякие полезные вещи миллионами тонн. Но не надо торопиться с выводами: бывают граммы, которые оборачиваются тоннами.

Когда человек сеет хлеб или сажает яблони, он, понятное дело, рассчитывает на урожай для себя и других людей. Но в мире полным-полно существ, которые мнение людей не разделяют. Жуки полагают, что все растущее в полях и садах предназначено только для жуков. Бабочки уверены, что все это великолепие растет специально для бабочек и их гусениц.

Из-за этих противоречий в мире происходит, как говорят биологи, непрерывная межвидовая борьба за пищевые ресурсы. И люди при всем их могуществе далеко не всегда одерживают в ней верх. Бывает и так, что немалую часть урожая съедают жуки, гусеницы и прочие сельскохозяйственные вредители. И до чего же хитры бывают эти незатейливые существа!

Взять, к примеру, жуков-щелкунов. Эти шестиногие негодяи обосновались в полях и лесах многих стран. Бороться с ними чрезвычайно трудно: если сам жук живет около месяца, то его личинка-проволочник может окопаться в земле и на три года и на шесть. Из-за этого получается, что жуков-то на поле вроде не густо, но корешки растений объедаются с убийственной регулярностью, и урожаи резко падают.

Чтобы истребить щелкунов и их личинки традиционными ядохимикатами, приходится сыпать отраву в громадных количествах — до 50 килограммов на гектар. А ядохимикаты губительны не только для жуков, но и для всего живого. Теперь представьте себе вещество, совершенно безвредное для всех, но способное истребить проклятых щелкунов. И нужно такого вещества лишь 15 граммов на один гектар. Здорово? Еще бы! Вот это вещество и начали изготовлять на новом производстве. Теперь вы понимаете, какими тоннами оборачивается каждый его грамм: тоннами пшеницы, ржи, древесины...

Пора сказать и о том, где это вещество делают. В Таллине, на опытном заводе Института химии Академии наук Эстонской ССР. Ну, а что это за вещество, надо рассказать особо.

Ни одно живое существо не может жить, не обмениваясь информацией с себе подобными. Это делают и насекомые и бактерии, которые не умеют ни рычать, ни свистеть, ни, разумеется, читать и писать. Язык простейших живых существ — химический. Насекомые безошибочно находят свою родню потому, что выделяют особые привлекающие вещества — аттрактанты. Эти вещества совершенно безразличны для всех, кроме своих — партнеров, принадлежащих к одному биологическому виду. Зато свои реагируют на аттрактант даже тогда, когда до них доносятся чуть ли не отдельные молекулы. Ни один электронный прибор не может обнаружить в воздухе такого малого количества аттрактанта, которого с лихвой хватает для жука или бабочки.

Всего 15 граммов аттрактанта хватает для того, чтобы создать на целом гектаре концентрацию вещества, в сто раз большую, чем та, которой

подманивают друг друга щелкуны. В результате вредители теряют ориентацию, найти друг друга не могут, перестают производить потомство и постепенно вымирают. И никто, кроме вредителей данного вида, от такой обработки не страдает.

Рассказать об этом, конечно, гораздо легче, чем сделать. Каждый вид насекомых выделяет свои аттрактанты. Значит, каждое из этих веществ химики должны выделить, выяснить точное строение его молекул, а потом научиться делать точно такое же вещество, да притом хоть и не в многотонных, но все же в заводских количествах. На такую работу нередко уходят многие годы. Несмотря на ее сложность, в Таллине научились делать не только самый простой, обманывающий вредителей аттрактант. Другое удивительное вещество заставляет насекомых сбегаться со всех концов к одному месту. С места, пахнущего аттрактантом-фиксатором, насекомое не сдвинется, пока не умрет. Такой препарат даже не надо распылять — достаточно обрызгать его раствором один угол поля.

Люди борются с вредителями, чтобы сохранить для себя все, что выращивается нелегким крестьянским трудом. Борьба эта ведется все успешнее, потому что изобретаются новые средства, которые истребляют только тех, кто нам мешает, и не вредят нашим друзьям.

В. ИНОХОДЦЕВ

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

В сумерках звезда мерцала

«Можно ли увидеть спутник Земли невооруженным глазом?»
Вова ЯКУБА, 4-й класс,
с. Мукур,
Семипалатинская область.

Один-то спутник Земли мы прекрасно видим невооруженным глазом чуть ли не каждую ночь — это наша Луна. А если речь идет об искусственных спутниках, то тут дело сложнее: уж очень они малы (по космическим меркам, конечно), а летают над поверхностью нашей планеты хоть и сравнительно невысоко, но все-таки в нескольких сотнях километров над Землей. Чтобы на высоте, скажем, 300 километров — на такую орбиту был запущен первый советский искусственный спутник Земли — увидеть какой-нибудь предмет под таким же углом зрения, как Луну (то есть чтобы он казался такого же размера), его диаметр должен быть около 3 километров.

Такие гигантские искусственные станции — пока еще дело будущего. Сейчас размеры искусственных спутников и космических станций, запускаемых с Земли, измеряются метрами, самое большое — десятками метров. А разглядеть на высоте 300 километров десятиметровый предмет так же невозможно, как уследить за полетом футбольного мяча, если сидишь километров за шесть от стадиона.

И все-таки видеть искусственные космические тела без помощи телескопа можно. Помогает Солнце, в лучах которого металлические конструкции спутников блестят как зеркало. А ярко освещенные предметы видны очень далеко — велико ли пламя спички, а его ночью можно увидеть на расстоянии в полтора километра. Все дело в том, чтобы сам предмет был намного ярче, чем фон, на котором мы его видим. Искусственные спутники удобно наблюдать в сумерках, когда небо уже потемнело, а спутник, летящий высоко над Землей, еще освещен Солнцем.

Конечно, и для этого он должен иметь приличные размеры. Первый спутник диаметром 58 сантиметров был слишком мал, но ракета-носитель, которая вывела его на орбиту и сама некоторое время на этой орбите оставалась, была хорошо видна. В то время все, связанное со спутником, вызывало огромный интерес, и в местных газетах регулярно печатали сведения о том, в котором часу, в какой стороне и на какой высоте над горизонтом можно ракету увидеть. Я собственными глазами не раз видел яркую звездочку. Она равномерно мерцала (ракета в полете кувыркалась и подставляла Солнцу то один, то другой бок) и плыла среди только что загоревшихся в вечернем небе настоящих звезд...

Д. АЛЕКСЕЕВ.

ЗНАЕШЬ?

В ледовой шапке Антарктиды погребено около 700 тысяч метеоритов.

* * *

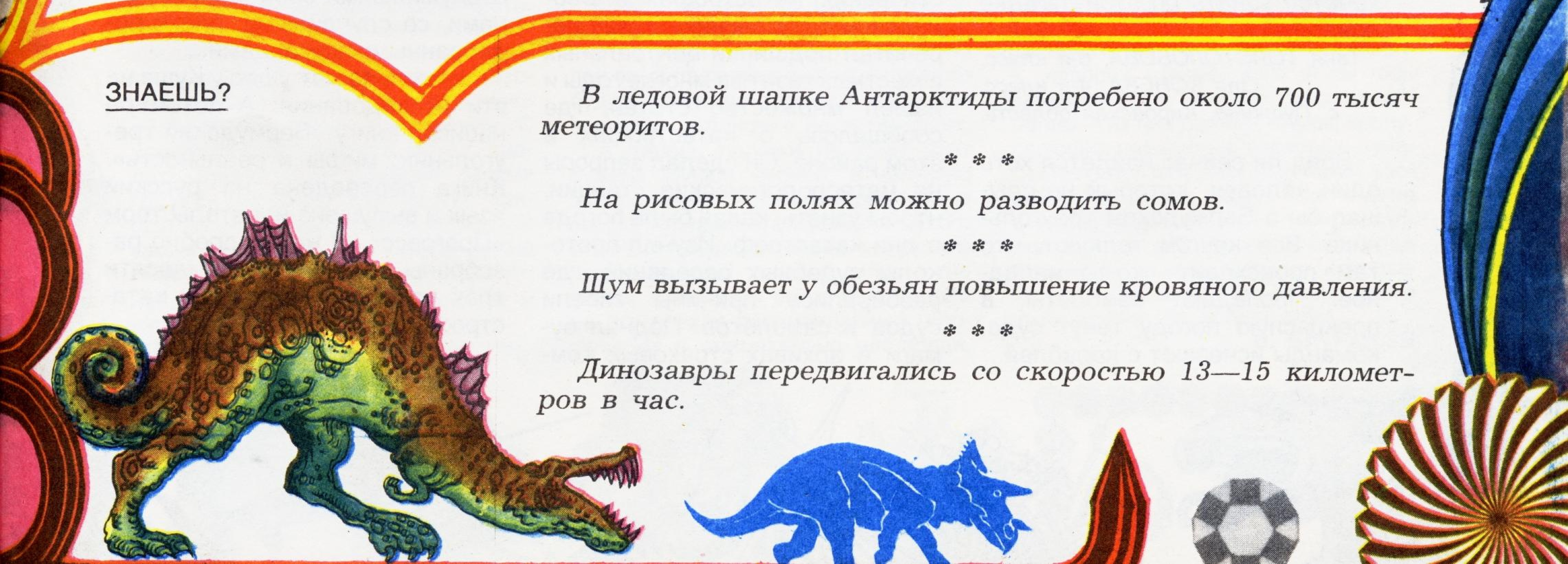
На рисовых полях можно разводить сомов.

* * *

Шум вызывает у обезьян повышение кровяного давления.

* * *

Динозавры передвигались со скоростью 13—15 километров в час.

ГДЕ МЫ БЫЛИ, ЧТО МЫ ВИДЕЛИ

КОВАРНУЮ ПЛАЗМУ —

Вы когда-нибудь задумывались, почему наше Солнце светит и греет? Потому что в его сердцевине происходит термоядерная реакция: водород превращается в гелий, и выделяется огромное количество энергии.

Все ядра атомов, вероятно, вы знаете, заряжены положительно. Поэтому при сближении ядер между ними возникают электрические силы отталкивания. Чтобы ядра могли соприкоснуться и вступить в ядерную реакцию, нужно преодолеть эти силы отталкивания. Для этого нужна большая энергия. В недрах Солнца температура достигает десятков миллионов градусов. Раскаленные до такой температуры ядра могут преодолеть силы отталкивания. Способ получения ядерных реакций за счет высокой температуры называется термоядерным.

Термоядерная реакция происходит и при взрыве водородной бомбы. Необходимая температура получается в этом случае за счет взрыва атомной бомбы. Сначала взрывается урановый заряд, получается очень высокая температура, а затем начинается термоядерная реакция. В миллионные доли секунды выделяется столько энергии, сколько производят ее все электростанции Земли за неделю. Но это энергия разрушающая. А хорошо бы научиться управлять термоядерной реакцией, заставить энергию выделяться не мгновенно, в виде взрыва, а медленно, в течение нескольких недель или, еще лучше, нескольких лет. Тогда собранное тепло можно будет преобразовать в электроэнергию.

Если бы управляемая термоядерная реакция удалась, то жители Земли были бы обеспечены энергией раз и навсегда. Можно было бы построить сколько угодно электростанций, работающих на водороде, а точнее, на одной из его разновидностей — дейтерии. Дейтерий — очень доступное сырье, его добывают прямо из воды.

Больше тридцати лет бьются физики над этой задачей. Почему так долго? Все дело в том, что дейтерий вступает в термоядерную реакцию только при 100 миллионах градусов. А уже при температуре около 100 тысяч градусов любое вещество переходит в особое состояние — плазму. Вы знаете три состояния вещества: газ, жидкость и твердое тело. Плазма — четвертое состояние.

Так вот, прежде чем в водороде начнется термоядерная реакция, он тоже превратится в плазму. И, значит, придется нагревать уже не газ, а плазму, и не только нагревать, но еще и удерживать ее в раскаленном виде достаточно долго — целую секунду. Тогда энергии выделится больше, чем ее было потрачено на нагрев плазмы. Тут же возникает проблема: в чем хранить нагретую плазму? Ведь при такой жуткой температуре любые стенки испарятся и сами превратятся в плазму.

Решили делать стенки не из твердого вещества, а из магнитного поля. Плазма состоит из заряженных частиц, и их можно удержать магнитным полем. Эта замечательная идея была высказана советскими учеными в самом начале исследований, в 1951 году. Но воплотить ее оказалось не так-то просто.

Когда плазму помещают в магнитное поле, сило-

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

Кто повинен в катастрофах у Бермудских островов?

«Мы много читали про Бермудский треугольник. Там пропадают самолеты и корабли, выходят из строя все приборы. Нам хочется узнать об этой загадке природы».

Таня ТОЛСТОЛОБОВА, 6-й класс,
Оля КОНЕВА, 4-й класс,
с. Пушкино, Кировская область.

Вряд ли сейчас найдется хоть один человек, который не слышал бы о Бермудском треугольнике. Все кругом толкуют, что там происходит что-то неладное. Пропадают самолеты, в прекрасную погоду тонут суда, команды исчезают с кораблей...

Кто повинен в этих страшных и загадочных катастрофах? И тут наше воображение разыгрывается вовсю. Мы обвиняем инопланетян. Жителей Атлантиды, которые будто бы живут сейчас на дне океана, прекрасно приспособились к морской среде и время от времени утаскивают к себе землян.

А на самом деле...

В 1972 году библиотечный работник Аризонского университета (США) Лоуренс Дэвид Куше начал собирать информацию о наиболее нашумевших и фантастических катастрофах в Бермудском треугольнике. Куше перечитал подшивки центральных и местных газет за многие годы и нашел множество статей, где сообщалось о катастрофах в этом районе. Он сделал запросы на метеорологические станции, чтобы узнать, какая была погода в дни катастроф. Изучил протоколы судебных заседаний, где разбирались причины гибели судов и самолетов. Поднял бумаги в архивах страховых компаний, чтобы выяснить техническое состояние погибших кораблей...

И оказалось, что, во-первых, суда и самолеты терпят крушение в Бермудском треугольнике не чаще, чем в других оживленных точках океана. Многие катастрофы объясняются плохими погодными условиями. Обломки судов и самолетов очень быстро уносит сильное течение Гольфстрим, отсюда иллюзия их бесследного исчезновения. Большинство судов, затонувших в прошлом веке, были старыми, отслужившими свой век посудинами, со случайными, плохо подобранными командами...

Несколько лет ушло у Куше на эти исследования. А потом он написал книгу «Бермудский треугольник: мифы и реальность». Книга переведена на русский язык и выпущена издательством «Прогресс». В ней подробно разобраны причины пятидесяти трех наиболее известных катастроф.

М. МАТВЕЕВА

В ЛОВУШКУ

вые линии которого охватывают ее со всех сторон, плазма начинает метаться в ловушке и искать выход. Ее заряженные частицы порождают собственное магнитное поле. Оно действует на магнитное поле ловушки и искажает его. В результате этих искажений в ловушке появляются щели, сквозь которые плазма быстренько удирает.

Из первых простейших ловушек плазма ухитрялась вырваться за миллионные доли секунды. Сейчас ученые делают ловушки похитрее. Одна из самых хитрых ловушек под названием «стелларатор» построена в Физическом институте имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР в Москве.

Стелларатор похож на металлический бублик. Снаружи намотана медная обмотка, по которой пропускают ток, так создают магнитное поле. Внутри плазма. Силовые линии магнитного поля в стеллараторе вьются по спирали, обвивая плазму слой за слоем, наподобие бинта, и не дают плазме прикасаться к стенкам установки. Чтобы нагреть плазму, пользуются огромным трансформатором. Он способен «гонять» по плазме ток очень большой силы. Когда ток течет, выделяется тепло, плазма нагревается, как спираль в электроплитке.

Сам же эксперимент идет так. Электронные часы — такие же, как в метро, только идущие в обратную сторону,— отсчитывают время, оставшееся до начала опыта. 30 секунд, 20, 10... Физики готовят свои приборы. И тут раздается низкий, басовитый звук «Ух!» — это ток создал магнитное поле, и под действием поля вся установка весом в 14 тонн слегка подпрыгнула.

Внутри стелларатора рождается плазма. Если заглянуть в стеклянное окно установки, можно ее увидеть. Она покажется светящимся газом голубовато-сиреневого цвета. Но никто в момент опыта в окошко не заглядывает. Физики сидят далеко, укрывшись за свинцовой защитой. Потому что плазма испускает жесткие рентгеновские лучи, опасные для человека.

«Удар» тока длится несколько сотых секунды. Затем плазма гаснет, магнитное поле выключается, а физики бегут к вычислительной машине смотреть, что же получилось.

Во время опыта ЭВМ собирает со множества приборов, расставленных вокруг установки, тысячи цифр. За одну минуту она успевает цифры обработать и напечатать таблицу с результатами.

По таблице видно, что температура плазмы достигла 5 миллионов градусов, а жила она 0,01 секунды. Увидев эти результаты, физики вздыхают: нужно-то 100 миллионов градусов и 1 секунда! И начинают изобретать новые ловушки, новые способы нагрева. В одном из опытов, уже на другой установке, были, наконец, получены желанные 100 миллионов. Но удержать плазму в таком состоянии пока что не удается и одной десятой секунды.

И все же шаг за шагом физики движутся к цели. Есть уверенность, что этот путь они пройдут к 2000 году.

Г. С. ВОРОНОВ,
кандидат физико-математических наук

ДОМАШНЯЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Цветы из царства Снежной королевы

Морозной зимой окна домов часто покрываются изнутри ледяными узорами. Эти фантастические веточки, листики, кустики, деревца образуются при замерзании влаги, которая выделилась из комнатного воздуха и осела на холодном стекле.

Замерзая, вода не просто перестает быть жидкой, она кристаллизуется. Это значит, что составляющие ее частички — молекулы замирают в строго определенном порядке. Если росту кристалла ничто не мешает, он приобретает вид правильной геометрической фигуры.

Если твой папа занимается фотографией, у него должно быть вещество, называемое гипосульфитом,— из него делают раствор, которым закрепляют, фиксируют пленки и отпечатки после проявления. С помощью гипосульфита можно сделать опыты, позволяющие своими глазами увидеть, как растут кристаллы и как образуются морозные узоры на окнах. Для этого нужно лишь запастись маленькой стеклянной баночкой из-под лекарства и кусочком оконного стекла.

Насыпь в баночку примерно на треть гипосульфита и опусти ее донышко в стакан с кипятком. Очень скоро ты увидишь, что гипосульфит начнет как бы таять и в баночке окажется прозрачная жидкость. Оботри дно баночки каким-нибудь ненужным лоскутком и поставь ее на ярко освещенный стол. А пока баночка остывает, выбери в пакете с гипосульфитом один маленький кристаллик. Осторожно брось кристаллик на поверхность остывшей жидкости — так, чтобы он не утонул,— и гляди на него во все глаза (лучше через лупу или увеличительное стекло). Ты увидишь маленькое чудо: на твоих глазах кристаллик начнет стремительно расти, сохраняя при этом прежнюю форму. Кристалл будет расти до тех пор, пока вся жидкость в баночке не затвердеет.

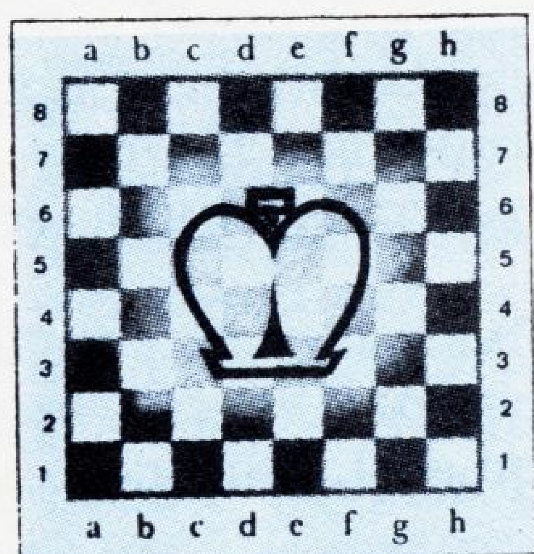
А теперь положи на стол лист бумаги (лучше черной, в которую заворачивают фотоматериалы), а сверху прикрой его кусочком сухого стекла, предварительно нагретого над пламенем газовой плиты (не огнем, а горячим воздухом). Вылей на это стекло расплавленный гипосульфит и внимательно наблюдай, что будет дальше. Пройдет немного времени, стекло и расплав остынут, и прямо на твоих глазах на стекле начнет расти кристаллический узор, поразительно похожий на ледяной узор замерзших окон. А можешь сделать и так: на слой жидкого гипосульфита брось маленький кристаллик из пакета. Тогда гипосульфитные узоры начнут расти из этого кристаллика.

Современной науке и технике очень нужны большие чистые кристаллы разных веществ. Кристаллы кварца — горного хрусталя — работают в эхолотах и сверхточных часах. Кристаллы искусственного драгоценного камня — рубина — служат в лазерах. Даже кристаллы поваренной соли находят себе применение — из них делают линзы, пропускающие невидимые тепловые лучи.

Поэтому, любуясь ледяными узорами на окнах, знай, что многие близкие родственники этих кристаллов служат людям. И вообще вряд ли в природе есть явления, которые не таили бы в себе не только много интересного, но и полезного.

В. БАТРАКОВ

Трехкратный чемпион

Уже немало времени прошло с той поры, как чемпион мира Анатолий Карпов одержал блистательную победу в Мерано, а любители шахмат во всех странах продолжают изучать отлично проведенные чемпионом партии.

Нет сейчас гроссмейстеров, равных по силе игры и глубине понимания шахмат Анатолию Карпову,— таково единодушное мнение крупнейших специалистов и знатоков шахматного искусства. Двенадцатого чемпиона мира Анатолия Карпова по праву можно поставить в один ряд с такими шахматными великанами, как Эммануил Ласкер, Хосе-Рауль Капабланка, Александр Алехин, Михаил Ботвинник.

Замечательным примером трудолюбия, умения преодолевать трудности, преданности шахматам является для юных спортсменов, для всех пионеров Анатолий Карпов, член ЦК ВЛКСМ.

Все юные любители шахмат поздравляют трехкратного чемпиона мира Анатолия Евгеньевича Карпова с творческими и спортивными успехами, с высокой правительственной наградой — орденом Ленина, желают ему новых свершений.

Говорит чемпион мира

Мы хотим напомнить вам, ребята, несколько ответов Анатолия Карпова на вопросы корреспондента газеты «Правда».

Какие качества воспитывают шахматы прежде всего?

Уверенность в своих силах. Работоспособность.

А что выделяет игрока высочайшего класса?

Названное выше плюс крепкая нервная система. И талант.

А что такое, по-вашему, талант?

Талантом надо родиться. Но это никак не залог, а возможность будущего успеха. Нужны еще труд, характер. Могут сказать, это же очевидно, и тем не менее...

Сколько раз бывало: начинающий блестеть талант так и остается в своем первозданном, так сказать, чистом состоянии и не более. Потом говорят: ему бы характер!

Какая черта характера вызывает у вас наибольшее уважение?

Смелость. Только разумная.

В одной из своих недавних статей Анатолий Карпов так характеризовал шахматы: **«Это мир незабываемых сражений, в которых еще никому не удавалось достичь полного совершенства, однако в неуклонном стремлении к нему росли большие мастера и с ними вместе — шахматное искусство».**

Приз Мити Шкляренко

Митя Шкляренко учится в школе № 46 города Брянска. Шахматами увлекается несколько лет и уже стал перворазрядником.

Недавно проводился мужской чемпионат Брянской области. Впервые играя в таком сильном турнире, Митя храбро сражался с опытными и сильными противниками. Он занял шестое место, опередив нескольких кандидатов в мастера.

В следующей партии с кандидатом в мастера В. Дементьевым, игравшим черными, Митя получил специальный приз за отлично проведенную атаку.

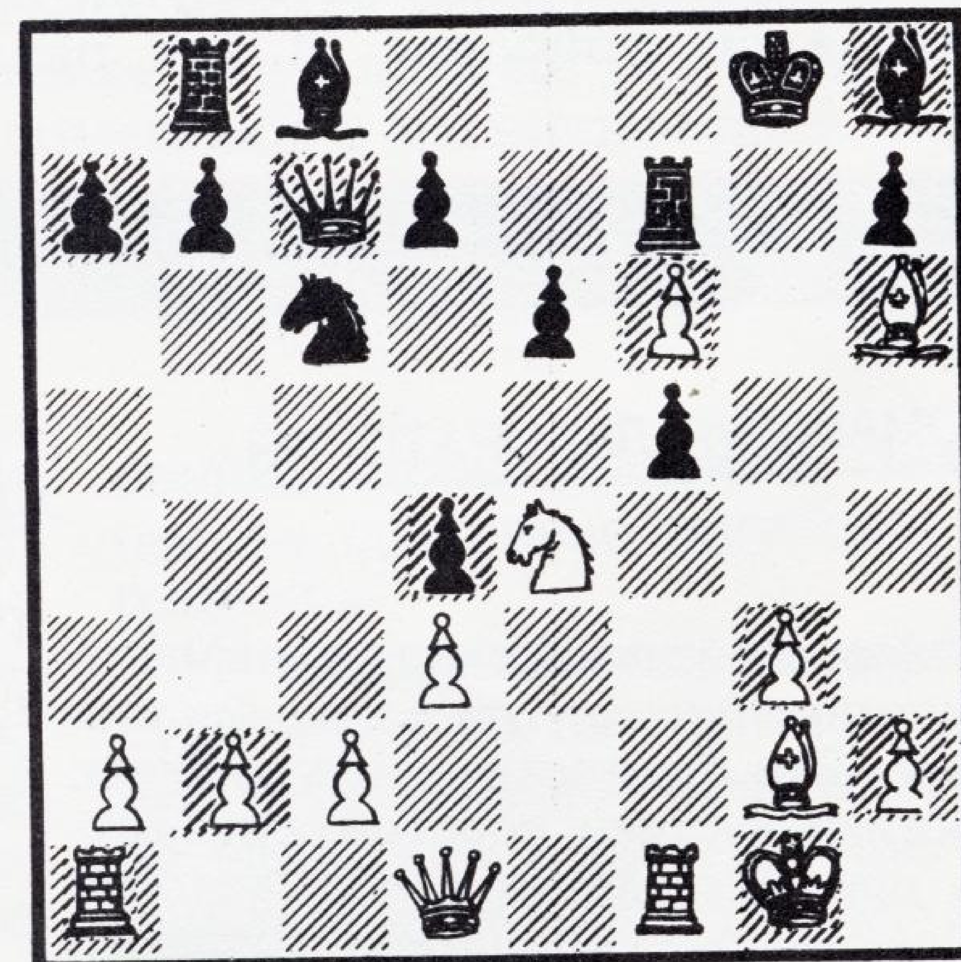
(Диаграмма № 1)

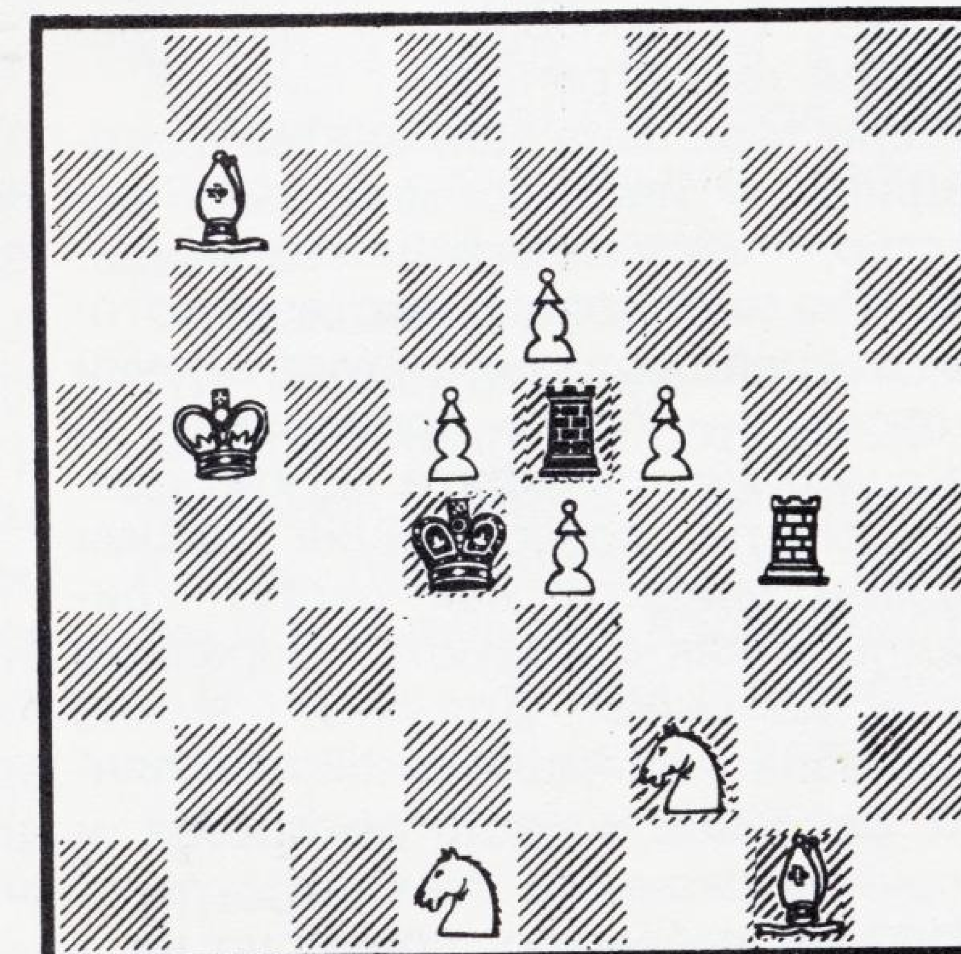
Белые бросили все силы на штурм королевской крепости. Партия продолжалась так:

17. Фd1—h5! Кc6—e5 (к разгрому вело и 17... С:f6 18. Л:f5! ef 19. К:f6+ Л:f6 20. Cd5+ и т. д.) 18. Кe4—g5 Сh8:f6 19. Кg5:f7 Кe5:f7 20. Лf1:f5! e6:f5 21. Сg2—d5 d7—d6 22. Лa1—e1 Сc8—e6.

Красивый вариант получался в случае 22... Се5. Тогда решало 23. Фg5+ Крh8 24. Л:e5.

23. Лe1:e6 Фc7:d8 24. Фh5:f5 Кf7:h6 25. Лe6:f6+, и через несколько ходов черные сдались. Еще проще было 25. Лe7+, что сразу вело к победе.

Диаграмма № 1

Диаграмма № 2

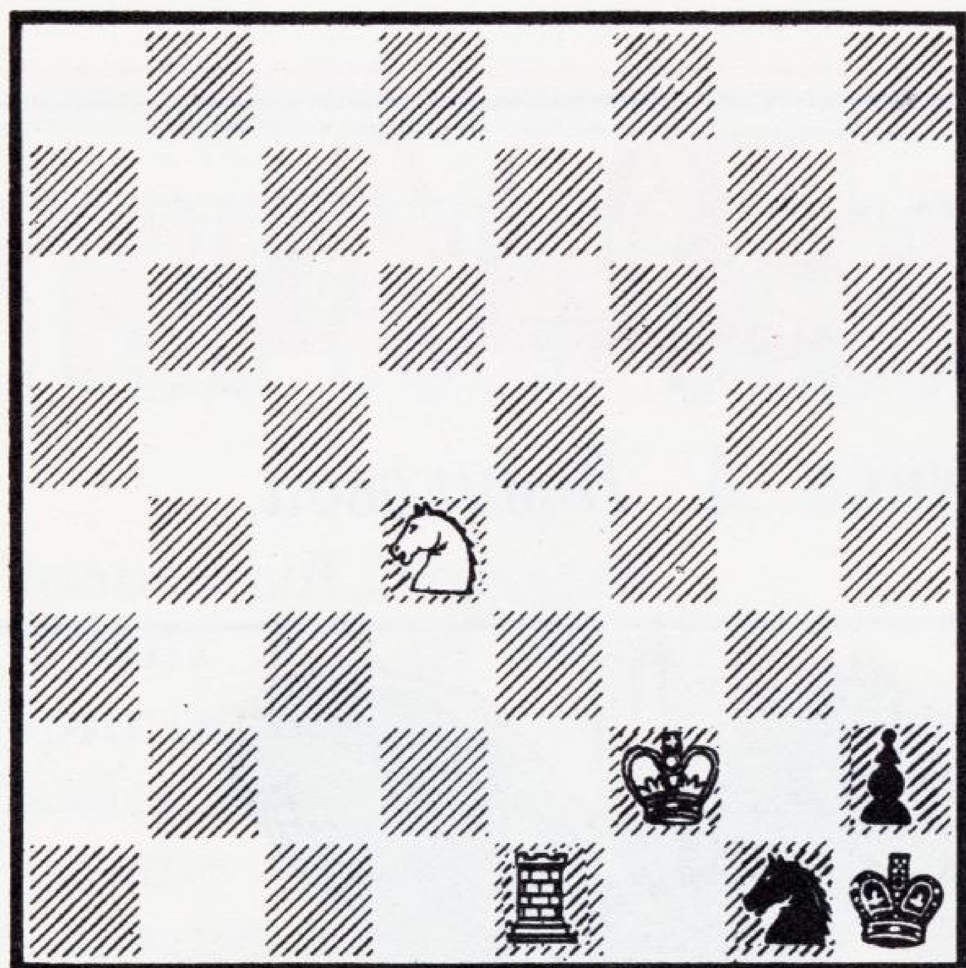

Диаграмма № 3

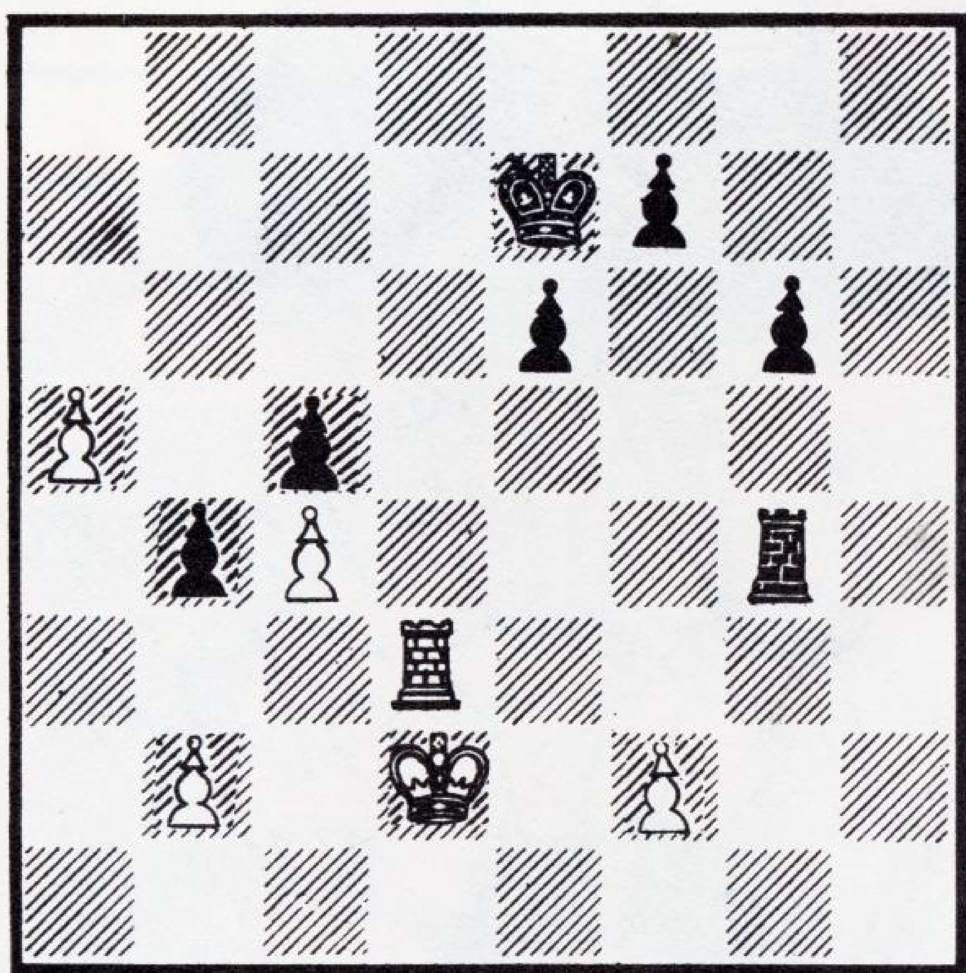

Диаграмма № 4

Из почты Пешкина

«Я очень люблю шахматы, но живу в маленьком поселке, а потому не могу принимать участия в турнирах. Хотелось бы знать, как можно включиться в соревнования по переписке».

Такое письмо прислал **Игорь Белунов** из поселка Самодед Архангельской области. О том, как записаться в заочные турниры, просят рассказать **Саша Горелов** из Белгорода, **Витя Лукашин** из Томска и другие ребята.

Чтобы включиться в игру по переписке, надо послать заявление и справку о спортивном разряде в шахматные клубы, которые проводят такие соревнования.

Для шахматистов всех разрядов организуют заочные турниры Всероссийский шахматный клуб (его адрес: 121002, Москва, Г-2, абонементный ящик 526) и Одесский шахматный клуб профсоюзов (270001, Одесса, ул. Жуковского, 33).

Любопытное письмо получил Пешкин от московского школьника **Саши Тихомирова.**

«Устроил я домашний турнир. Было шесть участников, все ребята из нашего дома. Сначала все шло хорошо, а потом те, кто проигрывал, стали спорить: и то не так и это. А судьи у нас не было, и турнир развалился».

Очень жалко, Саша, что вы не довели свой турнир до конца. В шахматах обязательно надо строго соблюдать правила игры и, конечно, уважать противников. Если проиграл, то виноват прежде всего ты сам, вот и подумай над тем, какие ошибки допускал, и постарайся больше их не повторять.

Конкурс Пешкина

В свой традиционный конкурс Пешкин включил задачу, составленную **А. Шапошниковым** (г. Горький), а также задачу и этюд из шахматной классики. Автором этюда является **Александр Алехин.** Этюд был опубликован в 1933 году и является окончанием одной из партий бывшего чемпиона мира. Задаче уже 130 лет. Ее автор — знаменитый шахматный композитор **С. Лойд.**

(Диаграмма № 2)

Мат в два хода.

(Диаграмма № 3)

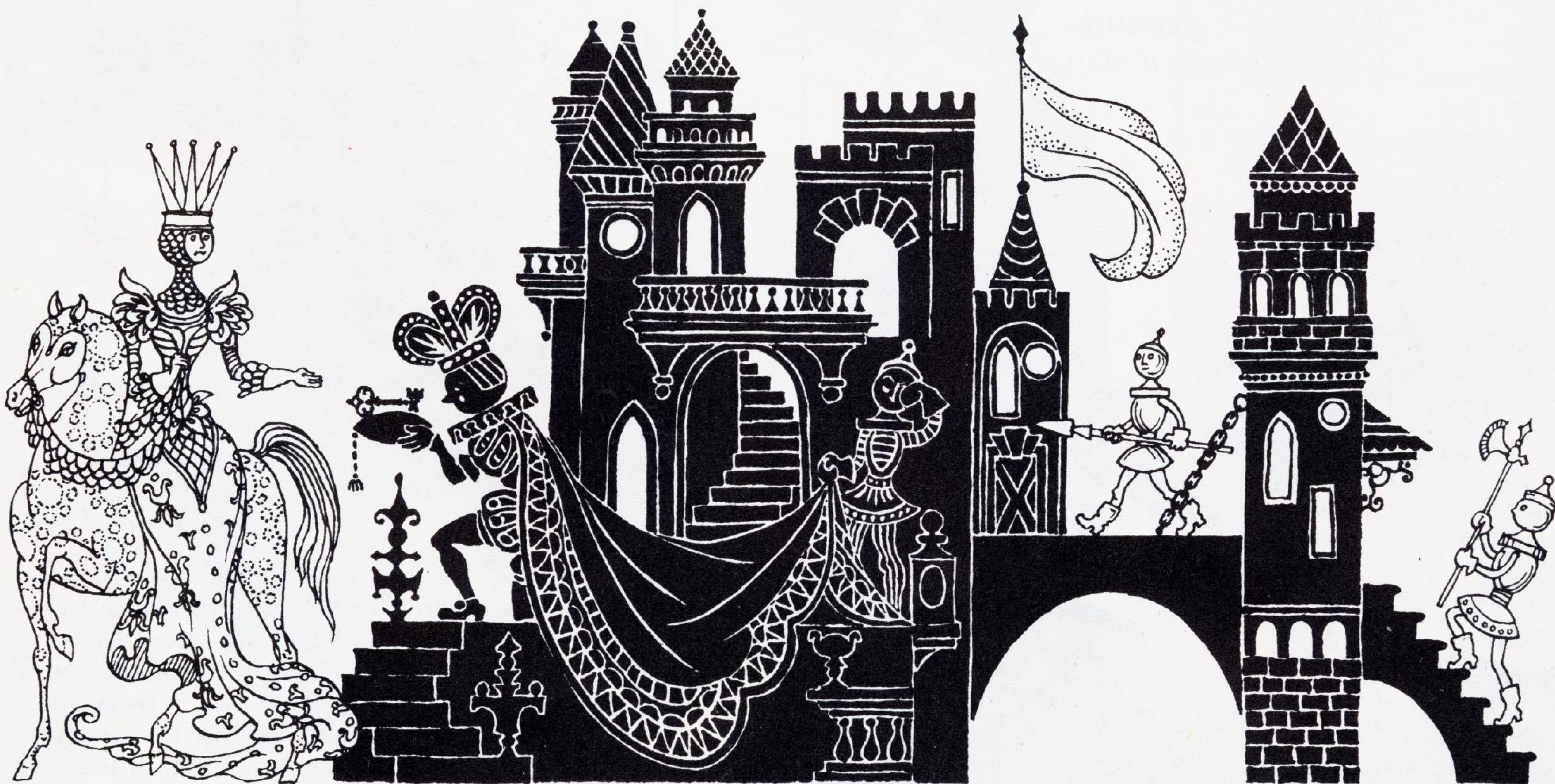
Мат в три хода.

(Диаграмма № 4)

Белые, начиная игру, добиваются победы.

Пешкин ждет ваших решений, ребята. Напишите ему также о турнирах «Белая ладья» в вашей школе.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

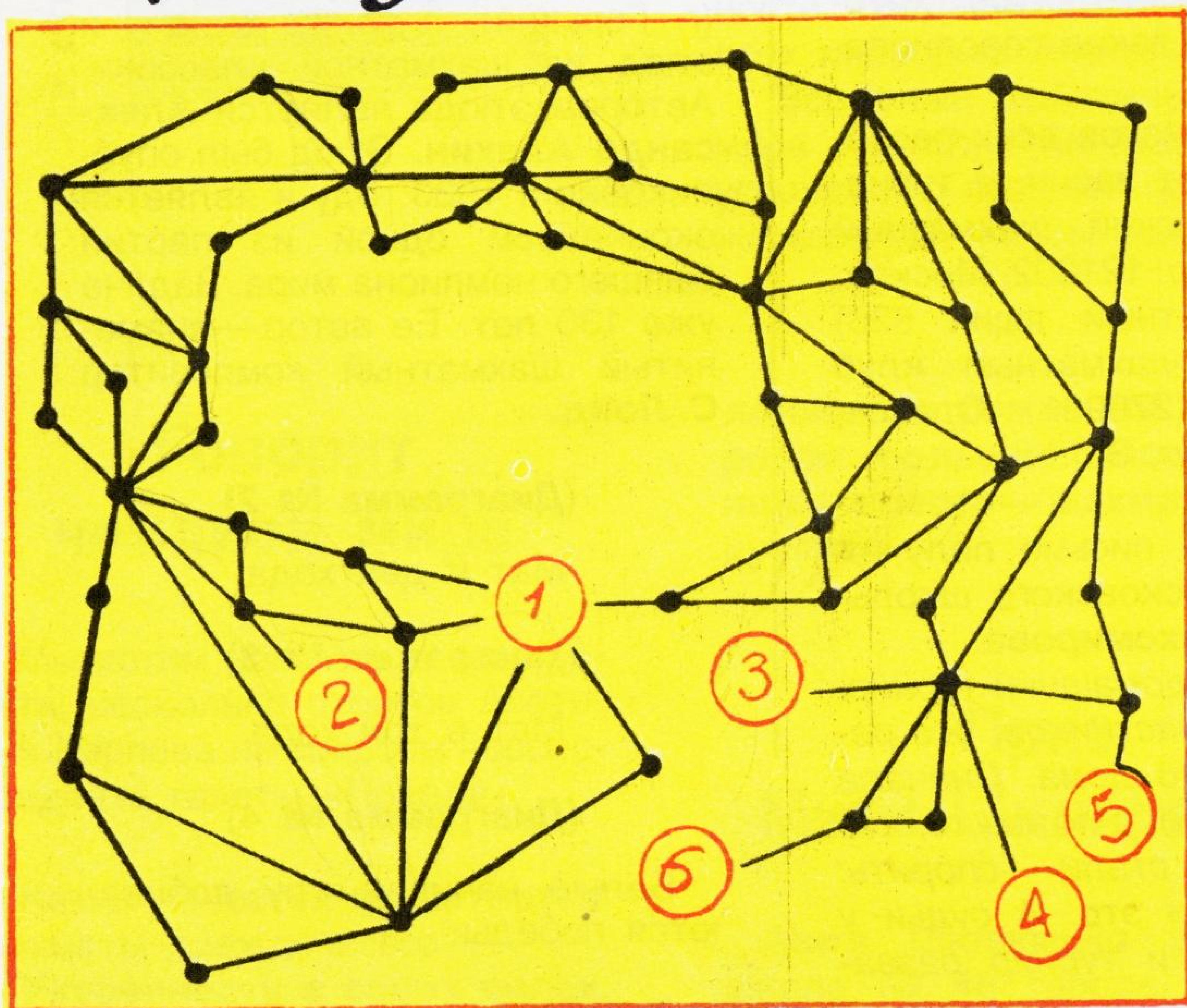

ПАЛАТА УМА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Маршрут Бармалея

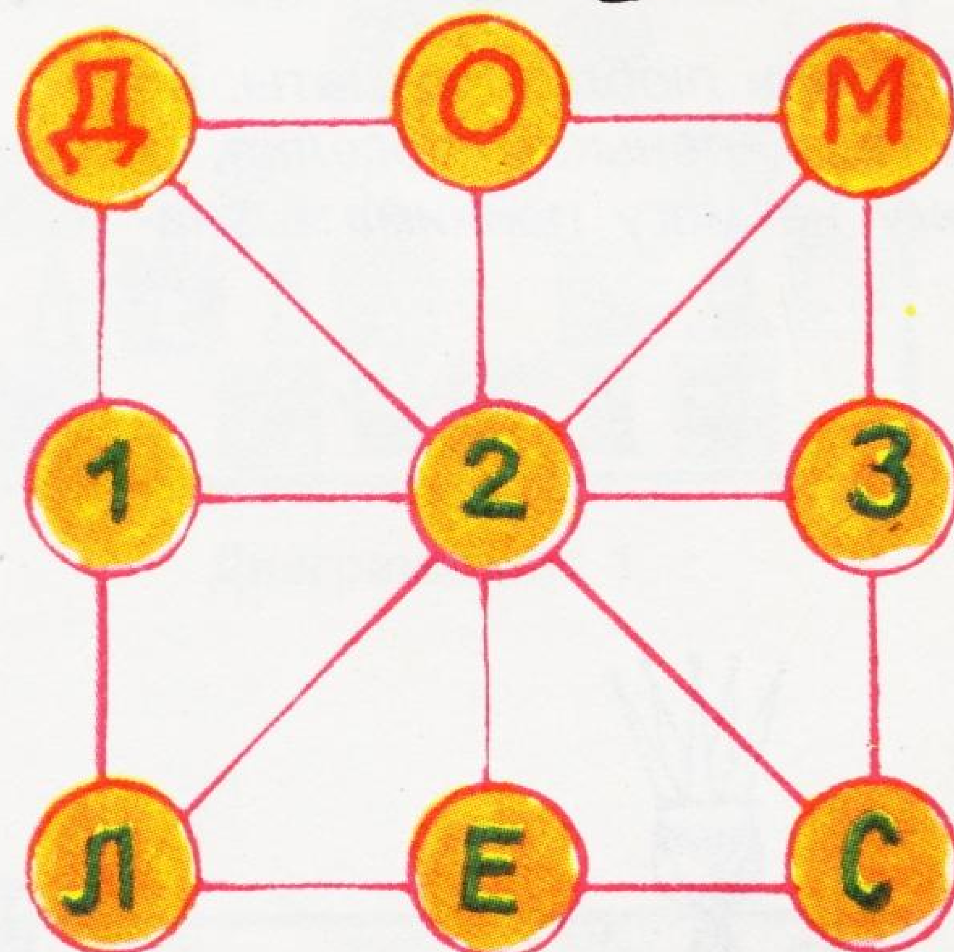
Твердый шаг у Бармалея,
Бармалей, когда гуляет,
Путь, который подлиннее,
Непременно выбирает.
Я прошу вас потрудиться,
Поразмыслить пять минут:
Начиная с единицы,
Где закончится маршрут?

Капитан Перо ищет помощника

Требуется Геркулес!

Мне срочно нужен Геркулес
(Задача перед вами),
Чтоб, поразмыслив, «дом» и «лес»
Он поменял местами.
Продумай точно каждый ход,
Тебя Венец Победы ждет!

Капитан Перо.

Примечание: передвигать буквы можно только по линиям, соединяющим кружочки. Можно делать два прогона, если оба следующих друг за другом на одной прямой кружочка свободны. Кружочки с числами «свободны», цифры на них нужны только для записи ходов. Например, 1. Д-1, 2. С-Д и т. д. Через занятые поля не прыгать. За сколько ходов ты сделал перестановку?

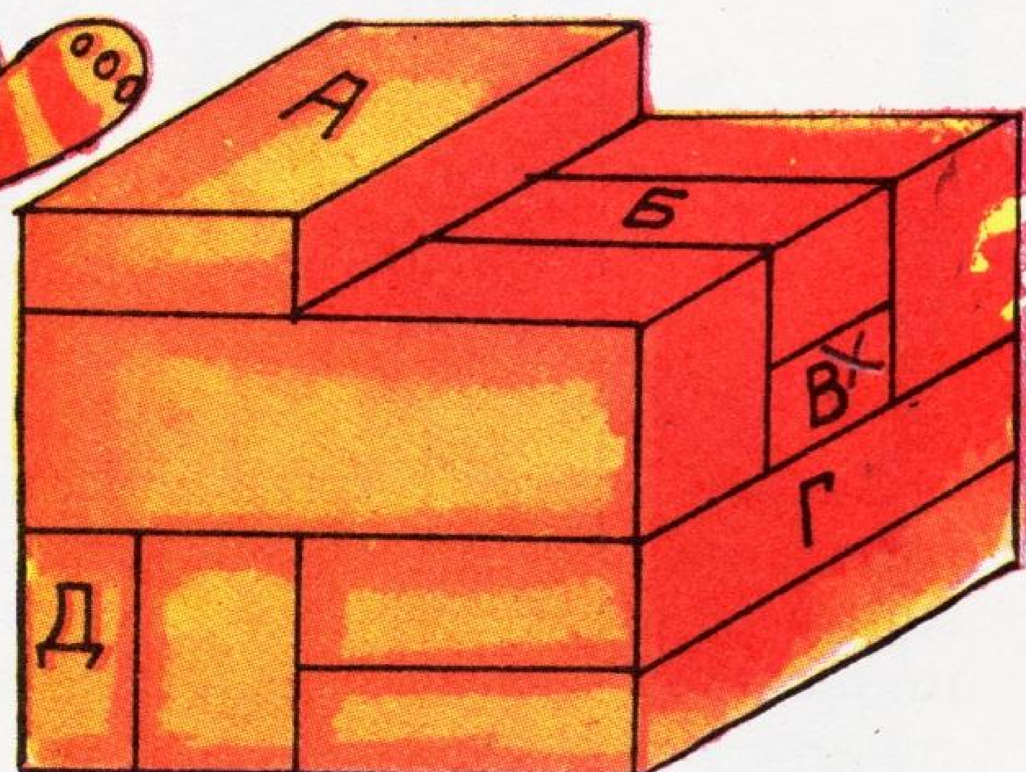
КИРПИЧИКИ

Живживкины загадки

Полосатый Котофей
Строит дом из кирпичей.
Приглядись к началу кладки,
Разберись в моей загадке:
Больше всех друзей-соседей
У какого кирпича?
А? Б? В? Семь раз проверьте!
Здесь нельзя рубить сплеча!

Живживка.

Загадочный сфинкс

Шесть римских филателистов явились в парк, где каждому из них по телефону назначил свидание какой-то неизвестный, предложивший купить у него редкую египетскую марку — «коричневого сфинкса», выпуска 1867 года. Все филателисты хорошо знают друг друга и не раз обменивались своими сокровищами. Росси Марио близорук. Бьянчи Джулио молчалив, никогда не открывает рта. Кампи Пьеро норовит всегда держаться рядом с Росси Марио. Ти Карло постоянно ходит в шляпе. Нери Дино всегда становится позади Ти Карло. Когда неизвестный явится, обладателем «сфинкса» после ударных торгов станет Ди Валли Эзио. Сообщите нам, где он стоит на рисунке.

Лупа и Пинцет.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 2

Кто сильней? Лев — 118. Мышь — 93.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

На острове Патат. Места распределились так: Ги, Би, Аз, Виз, Ти.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Ответ: в Австралию.

МОЙ КОНЕК

Зубная боль, или кое-что о зверях

Зверей любят все. Мягкие, пушистые, теплые, с веселыми или грустными глазами, они приносят много радости. Но не у всех они есть — звери. Мы провожаем завистливым взглядом счастливцев с гордой осанкой, ведущих на поводках собак, и подолгу не отходим, придя в гости, от капризного и красивого чуда по имени кошка. Не говоря уже о слонах и зайцах, лисицах и медведях, которых от нас отделяют стальные прутья клеток в зоопарке.

Но есть один выход. Я долго не решался говорить об этом — боялся, что засмеют. Но теперь вижу, что для тех, кто, подобно мне, не имеет собаки, кошки, кролика или птицы, этот выход единственный...

Сначала мне подарили в день рождения плюшевого медведя. Я его любил, укладывал с собой спать. Но годы шли, и я должен был оставить медведя в угоду пистолетам с пистонами, машинам с механическим заводом и футболу. Как вдруг... у меня заболели зубы. Зубы болели сильно, они донимали меня днем и ночью, во время завтрака, обеда и ужина. И в один прекрасный день я очутился перед страшной дверью, из-за которой доносился тихий и жуткий звук бормашины. Я плакал и вырывался, меня не смогли унять опытный зубной врач, медсестра и мама — все вместе. Мне обещали все что угодно, но тут выяснилось, что купить меня особенно нечем. Мороженое я не любил, в кино и без того ходил часто, игрушек хватало. «Я тебе куплю зайца!» — в отчаянии сказала мама. Я опешил и открыл рот...

Заяц оказался плюшевым, но он до того походил на настоящего, до того был смешной и приятный, что я простил маленький обман. Так и пошло...

Короче говоря, я стал обладателем девяти плюшевых зверей — тут были медведи, собака, кошка, заяц и слоненок. Это мог быть целый городок. Это могла быть школа. Мог быть, наконец, просто зверинец или цирк. Но я решил, что это будет армия...

Армия не армия, но батальоном я их называл смело. Три роты по три зверя. Позже у меня были десятки пластмассовых и железных солдатиков — рыцарей в доспехах, буденновцев с шашками, но никогда у меня больше не было таких смелых и достойных бойцов. Старый пыльный диван стал главным полигоном. Кресла, столы и стулья — наблюдательными пунктами. Всякие укромные уголки — бастионами.

Однажды я придумал для слоненка отличный наблюдательный пункт — настольную лампу. Я посадил его на абажур и долго любовался: высоко, удобно. Узорчатая тень легла на потолок — красиво! Потом ушел заниматься другими делами. И вдруг в мое игрушечное сражение ворвался настоящий запах горелой шерсти! Мне казалось, что слон плачет от боли. И я чуть не плакал с ним.

Потом у самого старого медведя стала отвали-

Продолжение на последней обложке.

СОДЕРЖАНИЕ

В комсомольском строю
Непросто быть лучшими. — Н. Хмелик. Фотография П. Умнова. Рисунок А. Борисова ..... II обл.
«Кораблик» 2
Дорога к школе. — Очерк О. Тихомирова. Рисунки Л. Хачатряна 4
Ты, я, наш отряд
Страда осенняя, весенняя, зимняя... — М. Гусева. Рисунок П. Пророкова 8
Журавленок и молнии. — Роман для ребят и взрослых В. Крапивина. Продолжение. Рисунки В. Дудкина 10
Сами о себе 25
Фотолетопись «Пионера»
Летописцы страны пионерии. — Фотографии В. Гусева и Н. Кочнева 26
Родной язык. К звездам. Ореховое дерево. Камень. Вишня с белыми цветами. — Стихи Г. Виеру. Перевел с молдавского Я. Аким. Рисунок М. Фитилевой 28
Подарки к юбилею. — Г. Смирнова 29
Я и другие
Ссора. — Л. Симонова. Фотографии В. Крупского 30
Малая пионерская энциклопедия. — Фотографии П. Асальченко 36
Союз нерушимый
Спасибо старшему брату. — В. Разумневич 37
«Переменка» ..... 39, III обл.
Международный пресс-центр «Пионера». — П. Григорьев. Рисунки Е. Шабельника 40
Ученье — твой главный труд
Лекарство от лени? — И. Медведева. Рисунок Д. Барабаша 44
Несравненная Гюзель. — Рассказ Г. Жаворонкова. Рисунки М. Петрова 46
Что нам читать? 50
«Себя как в зеркале я вижу...» — В. Порудоминский. Фотографии Р. Лозина и П. Злаказова 51
Кросс. Веселый маляр. Морозный день. Под стук колес. Подледный лов. Очевидно, я чудак. — Стихи Г. Кружкова. Рисунок Л. Хачатряна 54
На научной волне. — Ведет В. Никитина. Рисунки Н. Доброхотовой 56
В стране шаха — владыки черных и белых полей 60
Ума палата 62
Мой конек
Зубная боль, или кое-что о зверях. — Б. Минаев. Рисунок П. Пророкова ..... 64, IV обл.

На обложке:
Март. — Рисунок Л. Хачатряна.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 31.12.81.
Подписано к печати 18.01.82. А 05012. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. **Тираж 1 615 000 экз.** Изд. № 347. Заказ № 1870.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

«Мужской разговор»

ФЕЛЬЕТОН

Если я вам сейчас начну рассказывать о том, что старших надо уважать, родных и близких надо любить, а младших оберегать, да вы меня тут же на смех поднимете: «Ой, ну вы даете! Да кто же этого не знает?! Это и ежу понятно.,.» Согласен. Охотно признаю: как надо относиться к старшим, родным и маленьким, вы знаете. А вот что нам делать друг с другом? Вы никогда не задумывались над тем, как надо относиться к своим соседям по партам? Ну хотя бы к девочкам, например?..

Попрошу девочек прервать чтение на этом месте и выйти. Я хочу поговорить только с мальчиками. С глазу на глаз. Вы, конечно, помните, ребята, те рыцарские времена, когда даму нельзя было пальцем тронуть. Да какое там пальцем! Если один рыцарь нечаянно касался дамы пером своего шлема, то второй тут же вызывал его на дуэль. А если третий, зазевавшись, не успевал ей поклониться, то четвертый бросал ему в лицо перчатку. Так вот, ребята, должен вас огорчить: среди вас рыцарей уже не осталось. Хотя каждый третий из вас носит в портфеле «Трех мушкетеров», а каждый пятый считает себя Айвенго.

Я сам видел, как в одной веселой классной потасовке один пятиклассник свою соседку по парте стукнул по голове томиком «Дон-Кихота». Если бы Дон-Кихот мог увидеть это, он бы сделал из пятиклассника винегрет. Но Дон-Кихот надежно спрятан в склепе, и вы безнаказанно отпихиваете девочек от дверей, дергаете их за косы, корчите им рожи и выбиваете из их слабых рук портфели. Правда, однажды я был свидетелем «рыцарского поступка». В одной школе ребята собирали металлолом. Дело нужное и нелегкое. Смотрю, две девочки тащат тяжеленную трубу. А рядом два мальчика несут по дырявой кастрюле. Ну, думаю, неужели у них не проснется совесть, неужели они позволят девчонкам нести такую тяжесть?! Долго они шли вот так, рядышком. И вдруг совесть проснулась. Правда, проснулась она перед самой школой. Ребята подошли к девочкам, забрали у них трубу, а кастрюли отдали. И бережно отнесли трубу к куче железа. Оказывается, это была куча их отряда. А девочки были из другого отряда, с которым мальчики соревновались.

В общем, если приводить сейчас примеры нерыцарского отношения к девочкам, то их ровно в тысячу раз больше, чем рыцарских примеров.

А вы подумайте, может быть, девочка, которую вы толкнули сейчас на лестнице,— это будущая Ирина Роднина. А вот эта девочка, с которой вы сбили снежком шапочку,— будущая Майя Плисецкая. И, наконец, вот эта, которой вы подставили ножку, не кто иная, как будущая... ваша жена. А что? Все может быть. И когда-нибудь, когда вы будете ими любоваться, то вместе с чувством восхищения к вам придет чувство стыда. Ну, зачем же доводить до этого?

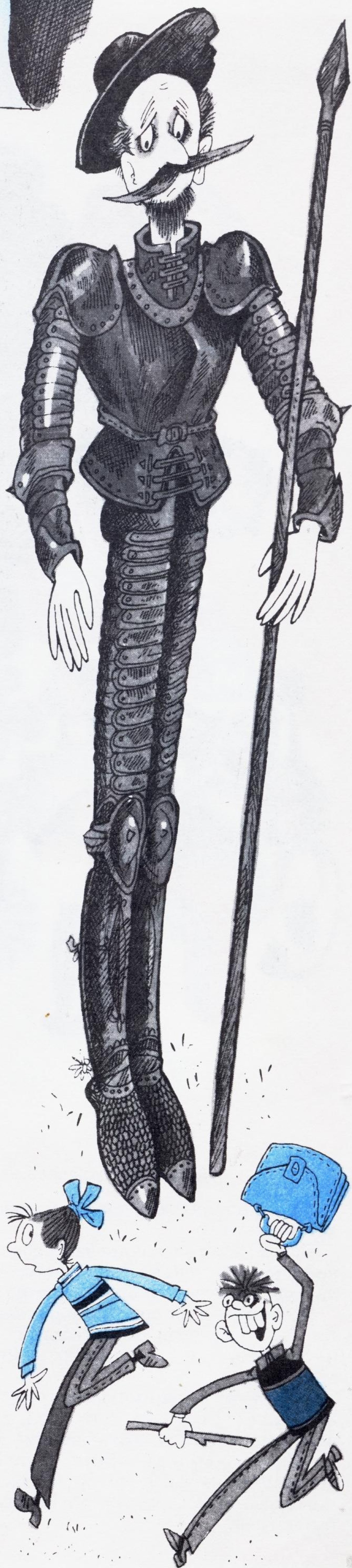
И кроме того, учтите, что девочки сейчас пошли не те. Они сейчас не хнычут, не бегут врассыпную, не жалуются папам и старшим братьям. Они сейчас ходят в секции самбо, и при случае можно налететь на такую девочку, которая сделает из своего обидчика то, что должен был сделать Дон-Кихот в начале нашего разговора.

Короче, давайте договоримся. Девочек ни пальцем не трогаем, ни грубым словом не обижаем... И не только по праздникам. Мужчины мы или не мужчины в конце концов!

Все. Девочки могут зайти и присоединиться к разговору, который мы продолжим в следующий раз...

Мальчики, возьмите у них портфели и пропустите вперед.

Ярослав ХАРЕЧКО.

16-81

ISSN 0130—8009

Начало на странице 64.

ваться большая картонная голова, набитая опилками.

Потом желтая плюшевая собака стала бесцветной и неприятной на ощупь после того, как побывала под жестоким ливнем. Потом...

Но помню я их совсем не ранеными, сожженными, а грустными и веселыми, простодушными и хитроватыми — живыми. Они были моими друзьями.

Теперь-то я понимаю, что это был не зверинец, цирк или батальон. Это был мой, только мой замечательный, захватывающий **театр!** Я говорил за них разными голосами, я придумывал удивительные сюжеты, я сам играл разные ро́ли — полководца, комиссара, врага и разведчика. Я сочинял им жизнь!

И сейчас мне жаль, что постеснялся ввести в этот театр маму или друзей. Правда, мама шила иногда для них костюмы, но при этом говорила, что лучше бы я побольше гулял. И еще одна девочка заинтересовалась моим батальоном, обещала прийти в гости, но так и не пришла. Но я никого не осуждаю. Откуда им было знать, что такое НАСТОЯЩИЙ ТЕАТР ПЛЮШЕВЫХ ЗВЕРЕЙ?

А вот вам я советую — если вас заинтересовал мой рассказ — не стесняться! Медведи, волки, зайцы, Петрушки могут стать в ваших руках и с вашей помощью отличными актерами, а вы с их по́мощью можете устраивать настоящий праздник для своих домашних, для друзей и одноклассников. И поверьте — это совсем не так легко и просто, как кажется на первый взгляд. Театр плюшевых зверей — серьезное и интересное дело.

Б. МИНАЕВ

Цена 30 коп. Индекс 70694.